

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1903.

№ 15.

АВГУСТЪ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Слово Высокопреосвященнѣйшаго *Арсенія, Архіепископа Харьковского и Ахтырскаго.* . . . . . 119—130

Сказаніе Коларя Авраамія Палицына о смутномъ времени въ Россіи (1598—1613 г.г.). *Е. Воронцова.* . . . . . 131—158

Очерки изъ жизни Христа Спасителя. (По Эддершеиму) (продолженіе). *Святи. Михаила Швейцарскаго.* . . . . . 157—188

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:

Исходныя начала логики (окончаніе). *С. Глаголева* . . . . . 109—144

Николай Яновлевичъ Греть (1852 † 1899 г.) и его философскіе труды (продолженіе). *Александра Никольскаго.* . . . . . 145—172

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Росписаніе на весь годъ часовъ дня, въ которае должно производиться благовѣстїе въ Церквахъ Харьковской Епархіи.— Высочайшее повелѣніе о возвышеніи служебныхъ правъ и преимуществъ помощниковъ инспекторовъ духовныхъ семинарій.— Высочайшая отмѣтка.— Определенія Святѣйшаго Синода 1) по поводу Высочайшей отмѣтки на всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи Харьковской губерніи за 1901—1902 г., 2) о введеніи преподаванія соматологіи и физіены въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.— Разъяснительное постановленіе Святѣйшаго Синода по вопросу о порядкѣ производства Правленіями духовно-учебныхъ заведеній испытаній на званіе учителя или учительницы одноклассной церковно-приходской школы въ мѣсяцѣ.— Отъ Харьковской Духовной Консисторіи объявленіе.— Отъ Харьковского Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ.— Епархіальныя извѣщенія.— Извѣстія и замѣтки.— Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1903.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СООСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изложеніе церковныхъ канонѣвъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входитъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ оважется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человека и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помещается отдѣлъ подъ названіемъ „Листовъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ номерѣ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линія, контора В. Гиларовскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1895 г., по 8 р. за 1896—1900 годы. За 1901 г.—9 р. и 1902 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 130 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брантано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. Біографическій очеркъ жизни, пастырской дѣятельности и литературныхъ трудовъ Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Протоіерей Т. И. Буткевича. Харьковъ. 1902 г. Цѣна 2 руб. съ перес.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Августа 1903 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

С Л О В О

Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія,

Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.¹⁾

Благодарю васъ, учителя и учительницы, за то высокое дѣховное утѣшеніе, какое доставили вы мнѣ своимъ стройнымъ и одушевленнымъ пѣніемъ Божественной литургіи въ семъ храмѣ святомъ. И не мнѣ одному доставили вы сіе святое утѣшеніе. Весь этотъ предстоящій народъ, собравшійся въ храмѣ для молитвы, безъ сомнѣнія также переживалъ возвышенныя минуты религіознаго умиленія, слушая мелодическое громогласное пѣніе сотни учащихся. Радостно мнѣ нынѣ видѣть всѣхъ васъ, собравшихся вкупѣ съ народомъ, радостно потому, что теперь всѣ воочію убѣждаются, какая нравственная сила заключается въ васъ, скромныхъ труженникахъ церковныхъ школъ, и какое могущественное вліяніе могутъ оказать эти школы, повсюду возбуждая и распространяя въ народѣ любовь къ церковному пѣнію. Поистинѣ церковное пѣніе сильно тѣмъ, чтобы привлечь народъ нашъ къ церкви и чтобы возбудить въ немъ религіозную вѣру и крѣпкую любовь ко всему святому, вѣчному и божественному.

¹⁾ Произнесено въ Харьковскомъ Благовѣщенскомъ храмѣ въ день св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, въ присутствіи слушателей Харьковскихъ педагогическихъ курсовъ, 29 іюля 1903 года.

Вы же, скромные дѣятели, сильны тѣмъ, чтобы уладить народъ православный пѣніемъ своимъ, чтобы имъ же утѣшить его въ житейскихъ скорбяхъ и тѣмъ удовлетворить давно уже испытанную имъ жажду слышать пѣніе простое, строго церковное, молитвенное, возвышающее душу и открывающее ее для высокихъ и святыхъ духовныхъ впечатлѣній.

Какое же духовное утѣшеніе взаимно доставлю вамъ, какую награду предложу и вамъ поющимъ и вамъ предстоящимъ и молящимся умиленною душою?

Предложу вамъ, братіе, слово назиданія, а ради великаго, нынѣ чествуемаго, дня сей спасительный урокъ позаимствую изъ жизни св. и первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ—Основатель вѣры нашей, для распространенія и утвержденія своего Божественнаго ученія среди невѣрующихъ народовъ призвалъ двѣнадцать апостоловъ, которые вскорѣ всему міру возвѣстили Его святое и спасительное ученіе. Не было между сими избранниками Божиими перваго и главнаго: всѣ были равны по дару апостольскаго служенія и по своему учительному достоинству. Всѣ они лично и непосредственно были избраны Господомъ, всѣ непосредственно отъ Него же пріяли права и власть апостольства. Всѣ были Его избранниками, всѣ же были и Его посланниками. Всѣ были учениками Господними, всѣ были и Его самовидцами. Всѣ апостолы проповѣдали міру евангельское ученіе: всѣ они благовѣстники Христовы, всѣ полномочные строители тайнъ Божіихъ, всѣ богодухновенные вѣщатели Божественнаго ученія. Не было главы между апостолами, но каждый изъ нихъ былъ первый между равными, каждый изъ двѣнадцати былъ равенъ остальнымъ. Единая Глава у нихъ—Христосъ. На немъ же, какъ на крае-

угольномъ камени зиждется и наша Святая Церковь. Посему все апостолы по справедливости именуются намѣстниками и непосредственными учениками Господа нашего Иисуса Христа, равными по силѣ своего апостольскаго служенія въ Церкви Христовой.

Но какъ же Церковь православная, ублажая и прославляя нынѣ св. апостоловъ Петра и Павла, именуетъ ихъ первоверховными и за что усволяетъ имъ такое славное наименованіе, какъ бы выдѣляя и возвышая ихъ надъ остальными изъ двѣнадцати?

Основаніе для этого прежде всего даетъ намъ самъ Господь Иисусъ Христосъ, избравшій апостоловъ для служенія Церкви Своей. Хотя безъ всякаго сомнѣнія все апостолы по благодати своего апостольскаго служенія были равны, однако Онъ, какъ сердцевидецъ и Богочеловѣкъ, отличалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ особыми знаками Своей Божественной любви и расположенія. Не всехъ апостоловъ взялъ съ Собою Христосъ на гору Ѡвораъ, а только Петра, Іакова и Іоанна, и не все они были съ нимъ въ минуты Его предсмертныхъ страданій въ саду Геосиманскомъ, а только эти же поименованные ученики Господни. Не все также апостолы были одинаково любимыми учениками Его, а только Іоаннъ, удостоившійся возлежать на персяхъ своего Божественнаго Учителя; не кому другому висящій на древѣ Страдалецъ—Христосъ вѣряетъ мать Свою, а только ему же возлюбленному ученику Своему и паперстнику. Слѣдуя примѣру Господа, и Церковь христіанская, движима неизмѣнною вѣрою въ апостольское достоинство учениковъ Христовыхъ, выдѣляетъ Петра и Павла изъ сонма прочихъ апостоловъ и прославляетъ ихъ какъ первоверховныхъ не за самую благодать апостольства, а за ихъ великіе апостольскіе подвиги, за ихъ личныя высокія да-

рованія, коими надѣлили ихъ Господь, за ихъ самоотверженную любовь къ Господу, за ихъ богодухновенныя Писанія. И не трудно, братіе, убѣдиться въ этомъ, если мы обратимся къ евангельскимъ повѣствованіямъ и къ Дѣяніямъ св. апостоловъ.

Въ самомъ дѣлѣ, кто былъ апостоль Петръ? Еврей по происхожденію, бѣдный рыбарь по занятіямъ своимъ, ап. Петръ былъ простой, незнатный и некнижный человѣкъ. И что же? Пламенный вѣрою, безгранично преданный Господу, ревнитель исповѣданія, ап. Петръ съ дерзновеніемъ выступилъ на поприще апостольской дѣятельности и своею проповѣдію среди іудеевъ сдѣлалъ необычайно великіе успѣхи. А какова была вѣра апостола? Когда Иисусъ Христосъ, испытывая учениковъ Своихъ въ самомъ важномъ предметѣ Своего Божественнаго ученія, спросилъ: за кого почитаете Меня? пламенный—ап. Петръ, упредилъ всѣхъ другихъ апостоловъ и первый отвѣтствовалъ: Ты—Христосъ Сынъ Бога живаго. И за это Господь перваго и его одного ублажаетъ, говоря: блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ. И Я говорю тебѣ: ты Петръ, и на семь камнѣ Я создамъ церковь Мою (Мѡ. XVI, 15—18). Но мало этого. Божественный Учитель Христосъ за такую истинную и глубокую вѣру вводитъ апостола Петра еще въ большее довѣріе. Онъ вручаетъ ему самыя ключи Царствія Божія и даетъ ему полную власть вязать и рѣшить (Мѡ. XVI, 19). Смотрите, братіе, какъ похваляется вѣра ревнителя Христова и какъ за это Христосъ Иисусъ его перваго выдѣляетъ изъ другихъ апостоловъ, не возвышая надъ ними, отличаетъ, не умаляя всѣхъ остальныхъ его собратій. Такъ вознесъ Господь избранника Своего.

Но наступило ужасное время страстей Христовыхъ.

Пастырь пораженъ и овцы стада разсѣялись. Врата адовы разверзлись и столпы вѣры поколебались. Самый камень вѣры подвигся съ мѣста своего: палъ славнѣйшій изъ учениковъ Христовыхъ ап. Петръ. И глубоко было паденіе его: онъ трижды отрекся отъ Христа, Божественнаго Учителя своего, предъ Которымъ еще недавно исповѣдалъ свою нелицемѣрную вѣру и отъ Котораго удостоился получить самые ключи Царствія Божія. Что же? Неужели возможно и послѣ такого паденія возстаніе? Неужели ап. Петръ не отчаялся въ своемъ тяжкомъ грѣхѣ и сохранилъ вѣру въ своего Милосерднаго Учителя? Да, онъ не только не отчаялся, подобно Іудѣ Предателю, не только сохранилъ въ себѣ надежду на свое спасеніе, но еще болѣе возлюбилъ своего Учителя, еще болѣе и глубже отдался весь Ему на служеніе, еще беззавѣтнѣе сталъ работать Ему плотію и духомъ. Ему достаточно было увидѣть кроткій взглядъ Спасителя (Лк. XXII, 61), отъ Котораго онъ отрекся и его сердце снова запылало любовію къ Нему и прониклось глубокимъ и искреннимъ раскаяніемъ. Свой тяжкій грѣхъ, свое пагубное отреченіе ап. Петръ искупилъ горькими слезами покаянія. Во всю жизнь свою оплакивалъ апостоль грѣхъ отреченія, во всю жизнь онъ не могъ безъ сокрушенія сердечнаго вспомнить своего прегрѣшенія предъ Господомъ, Котораго любилъ всей своей вѣрующей душой. И Господь не отринулъ покаянія Петрова, Онъ, Милосердный, снова принялъ его въ свои отчія объятія и не только простилъ грѣхъ, но и возвелъ его въ прежнюю степень апостольства, удостоивъ его наравнѣ съ другими благодатныхъ даровъ, какъ преемника Своего.

Когда Иисусъ Христосъ по воскресеніи Своемъ явился при морѣ Тиверіадскомъ ученикамъ Своимъ, то

ап. Петръ, услышавъ одно лишь слово Іоанново: это Господь,—безстрашно бросился въ море, чтобы скорѣе припасть къ ногамъ своего Спасителя и Господа. И Господь особенною любовію Своею взыскалъ Симона, какъ преданнѣйшаго Своего ученика. Онъ забылъ его паденіе и въ бесѣдѣ съ Нимъ, во время обѣда, трижды, какъ любящій Отецъ, вопрошалъ его: Симонъ Іонинъ! любишь ли Меня больше, нежели они; трижды отвѣтствовалъ Ему на сіе ап. Петръ: Господи! ты знаешь, что я люблю Тебя, и троекратно въ отвѣтъ на сіе услышалъ: паси овецъ Моихъ (Іоан. XXI). Прощаю Тебя, какъ бы такъ говорилъ Господь, прощаю твое глубокое паденіе, прощаю за то, что ты чистосердечно искупилъ свой грѣхъ любовію, глубокимъ покаяніемъ и слезами. Возвращаю тебѣ твою прежнюю власть и права апостольства—паси овецъ Моихъ. И снова ап. Петръ возставленъ въ достоинствѣ апостольскомъ, снова получилъ ключи Царствія Божія, снова сталъ камнемъ, на коемъ Іисусъ Христосъ основалъ Церковь Свою.

Отселѣ ревность христіанская не оставляла болѣе апостола. Всю жизнь свою посвятилъ онъ проповѣди апостольской. И дѣйственна была проповѣдь его. Проповѣдь ап. Петра была столь сильна и могущественна, что въ одинъ деиь онъ обратилъ къ вѣрѣ Христовой восемь тысячъ человѣкъ. Повсюду во всѣхъ концахъ міра возвѣщалось имя Христово устами пламеннаго апостола. И повсюду его проповѣданіе сопровождалось непрерывными знаменіями и чудесами. Силою вѣры своей въ Воскресшаго Господа, апостоль Петръ воскрешалъ мертвыхъ и исцѣлялъ больныхъ. Толпами народъ повсюду слѣдовалъ за нимъ и повсюду искалъ случая послушать слово его и получить отъ него исцѣленія. Даже тѣнь его ловили и по вѣрѣ своей по-

лучали выздоровленіе. А какія гоненія, лишенія, побои и скорби претерпѣлъ мужественный ученикъ Христовъ за проповѣдь о своемъ Спасителѣ и Господѣ! Его, наконецъ, осудили на крестную смерть. Ужасная смерть! А между тѣмъ преданнѣйшій ученикъ Христовъ радовался и восторгался, что на его долю выпало такое же мученіе, какое претерпѣлъ Спаситель и его возлюбленнѣйшій Учитель. Одно сокрушало духъ смиреннаго апостола, одно тяготило его, что не достоинъ онъ, нѣкогда отрекшійся отъ Христа, принять тотъ самый образъ смерти, какимъ умеръ его Учитель, почему убѣдительно умолялъ онъ враговъ своихъ, чтобы его распяли внизъ головою. Просьба апостола была уважена: онъ распятъ былъ внизъ головою въ 67 г. по Рождествѣ Христовомъ въ чествуемый нынѣ Церковію день 29 іюля.

Таковъ святой и величественный образъ первоверховнаго ап. Петра.

Но почему Церковь православная съ ап. Петромъ соединяетъ Павла апостола, почему ублажаетъ и прославляетъ ихъ обоихъ вмѣстѣ, усвая имъ тождественное наименованіе первоверховныхъ. Апостола Петра именуетъ первоверховнымъ за его вѣру, безграничную преданность и любовь къ Господу, за его исповѣданіе, его святую ревность о Христѣ, а Павла за что? Неужели и онъ, какъ Петръ, во всемъ былъ подобенъ ему—и въ апостольствѣ, и въ своихъ превосходныхъ дарованіяхъ, и въ подвигахъ, и въ добродѣтеляхъ, и во всемъ прочемъ? Нѣтъ сомнѣнія, что по дару апостольства своего и Петръ и Павелъ одинаково велики, что апостольское достоинство обоихъ одинаково важно, величественно, божественно и славно (Гал. I, 1, 12). Но какъ важна разница между сими учениками Божественнаго Учителя во всемъ прочемъ и насколько каждый изъ нихъ является великимъ въ своемъ родѣ.

Ап. Петръ — бѣдный галилейскій рыбарь, Павелъ — знатный римскій гражданинъ. Первый — простъ и неучень, второй — ученикъ знаменитаго Гамалиила. Въ то время какъ первый давно уже былъ въ числѣ двѣнадцати апостоловъ, послѣднїй вовсе не зналъ Христа. Тогда какъ Петръ укрѣплялся въ вѣрѣ и уже открыто исповѣдалъ Христа, какъ Сына Божія, Павелъ все болѣе и болѣе закалялся во враждебномъ къ Нему настроенїи. Тотъ исповѣдникъ Христа и Господа, сей жестокий гонитель Его. Первый уже воспрїялъ Духа Святаго. этотъ былъ глухъ къ его вѣщанїямъ. Тотъ уже ревностно созидалъ Церковь Божію, этотъ безпощадно разрушалъ ее.

Но вотъ совершилось необычайное чудо. Въ то время когда Павелъ, тогда еще Савль, пылая мщенїемъ и яростію противъ христіанъ, направлялся къ Дамаску, на пути вдругъ осіялъ его свѣтъ съ неба. Онъ упалъ на землю и услышалъ голосъ, говорящій ему: Савль! Савль! что ты гонишь меня. Онъ сказалъ: кто ты, Господи! Господь сказалъ: Я Иисусъ, Котораго ты гонишь. Тогда Савль въ трепетѣ и ужасѣ сказалъ: Господи! что повелишь мнѣ дѣлать. И Господь сказалъ ему: встань и иди въ городъ. Савль всталъ съ земли и съ открытыми глазами никого не видѣлъ. И повели его за руку и привели въ Дамаскъ. И три дня онъ не видѣлъ, и не ѣлъ. и не пилъ. Въ Дамаскъ былъ одинъ ученикъ, именемъ Ананїя. Господь въ видѣнїи повѣдалъ ему о всемъ происшедшемъ и повелѣлъ идти къ Савлу. Ананїя пошелъ и вошелъ въ домъ и, возложивъ на Савла руки, сказалъ: Господь Иисусъ, явившійся тебѣ на пути, послалъ меня къ тебѣ, чтобы ты прозрѣлъ и исполнился Святаго Духа. И тотчасъ, какъ бы чешуя отпала отъ глазъ его; и вдругъ

онъ прозрѣлъ и вставъ крестился. И тотчасъ сталъ проповѣдывать въ синагогахъ объ Иисусѣ, что Онъ есть Сынъ Божій (Дѣян. IX, 1—20).

Такъ уготовалъ Господь въ Савлѣ, жестокомъ гонителѣ своемъ, сосудъ избранный, чтобы возвѣщалось имя Его предъ народами, и царями, и сынами израи-левыми и чтобы былъ онъ свѣтомъ язычниковъ до края земли.

Недоумѣнное, непостижимое чудо! Жестокій гонитель Христа преображается въ Его преданнѣйшаго апостола и ученика, волкъ хищный становится агнцемъ кроткимъ, богохульникъ—великимъ богословомъ, гонитель и мучитель христіанъ—ихъ другомъ и братомъ, пріемлющимъ съ готовностью мученіе за имя Христово. А съ какою ревностью, съ какою неутомимой энергіей проповѣдуетъ имя Христово сей великій и славный мужъ, еще такъ недавно безпощадно гнавшій Христа? Предѣлы апостольской дѣятельности ап. Павла необъятны: и Сирія, и Македонія, Греція и Иллирикъ, Антіохія и Римъ—все это было поприщемъ его апостольской проповѣди, повсюду въ сихъ странахъ возвѣщалось имъ ученіе Христово, вездѣ свѣтъ христіанскаго ученія проникалъ, благодаря его неустанной дѣятельности. Въ то время какъ ап. Петръ дѣйствовалъ со своей апостольской проповѣдію главнымъ образомъ среди іудеевъ, полагая среди нихъ основаніе Церкви Христовой, ап. Павелъ являлъ свѣтъ ученія Христова главнымъ образомъ среди язычниковъ, повсюду образывая христіанскія общины и поставляя въ нихъ епископовъ и пресвитеровъ. (Галат. II, 7) Такимъ образомъ никто не былъ лишенъ духовнаго утѣшенія слышать слово Божіе о Христѣ—всему міру возвѣщенъ былъ свѣтъ и спасеніе проповѣдію сихъ двухъ великихъ, славныхъ, поистинѣ первоверховныхъ апостоловъ.

Весь путь апостольской проповѣди Павла былъ усѣянъ непрерывными скорбями и страданіями. И трудно сказать, кто больше выстрадалъ за имя Христово — Петръ или Павелъ. Послушайте, братіе, какимъ ужаснымъ страданіямъ подвергался св. ап. Павелъ. Самъ Богъ, говоритъ онъ, судилъ намъ быть какъ бы приговоренными къ смерти. Даже донынѣ терпимъ голодь, и жажду, и наготу и скитаемся; и трудимся, работая руками своими. Злословятъ насъ, мы благословляемъ; гонятъ насъ, мы терпимъ; хулятъ насъ, мы молимъ; мы какъ соръ для міра, какъ прахъ всѣми попираемый донынѣ (1 Кор. IV, 9—12). А какія мученія и истязанія претерпѣвалъ Онъ за Христа Спасителя своего. Трижды по тридцать девять разъ били его палицами желѣзными, трижды корабль опрокидывался подъ нимъ. Бѣдствія и страданія были неизмѣнными и постоянными спутниками апостола Павла. И въ заключеніе мученическая кончина въ Римѣ, гдѣ ему за имя Христово отсѣкли мечемъ голову.

Вотъ въ чемъ величіе и слава Павловы, вотъ его образъ дивный и святой.

Посмотрите же, братіе, духовными очами вѣры своей на сіи два величественныхъ образа св. первоверховныхъ апостоловъ. Какъ свѣтильники горящіе, указуютъ они вамъ путь жизни христіанской; какъ столпы и утвержденія истины Христовой, избавятъ они васъ отъ заблужденій; какъ несокрушимые камни вѣры нашей, укрѣпятъ они васъ въ вѣрѣ Христовой. Вотъ Петръ, оставившій ради Христа свое скудное занятіе и послѣднее имущество, а вотъ Павелъ, забывшій ради Него и свои богатства, и свою знатность, и мудрость вѣка сего и славу мірскую. А кто можетъ сравниться вѣрою съ ап. Петромъ отвергшимся и снова возставшимъ, кто уподобится этому исповѣднику

Христову въ любви и преданности, въ смиреніи и кротости, въ подвигахъ жизни христіанской. Кто уподобится и Павлу апостолу въ его жизни и дѣлахъ, въ искреннемъ обращеніи ко Христу, его страданіяхъ за Него, его богословствованіи, его богомудрыхъ писаніяхъ?

Поистинѣ неисчерпаемые уроки назиданія представляютъ намъ сіи два первоверховныхъ мужа Церкви Христовой, украшенные неисчислимыми добродѣтелями. И корыстолюбецъ, взирая на нихъ, умѣритъ силу своего тщеславнаго влеченія ко благамъ міра сего. И тяжкій грѣшникъ не дойдетъ до отчаянія, зная, какъ милостивъ былъ Господь къ Петру апостолу покаявшемуся и Павлу гонителю Своему. И мудрецъ вѣка сего и совопросникъ найдетъ полное духовное удовлетвореніе страдающей отъ сомнѣній и жаждущей истины душѣ своей.

А вы, отцы и пастыри духовные, какъ непосредственные преемники сихъ великихъ и славныхъ апостоловъ по дару своего служенія, непрестанно взирайте на нихъ, почерпая для себя постоянные уроки для своей пастырской дѣятельности. Внимайте ихъ писаніямъ, какъ руководственнымъ для васъ наставленіямъ во всѣхъ случаяхъ вашей высокой дѣятельности. Постарайтесь, пастыри, стяжать себѣ ту же любовь отъ паствъ своихъ, какою пользовались св. апостолы, а вы пасомые, заслужить Павлову любовь отъ пастырей своихъ. Вспомните, какая трогательная, исполненная глубокой любви, разлука была у ап. Павла съ христіанами г. Милита. Не малый плачъ, повѣствуетъ дѣеписатель, былъ у всѣхъ и, падая на выю Павла, цѣловали его, скорбя особенно отъ того, что они не увидятъ лица его (Дѣян. XX, 37—38). Какая духовная связь пастыря съ пасомыми, какое утѣшеніе для пастыря

видѣть такую паству и какая радость для пасомыхъ имѣть у себя любимаго пастыря.

И вы, учителя и учительницы, не забывайте своей службы и назначенія. Вы сѣятели на молодой нивѣ просвѣщенія христіанскаго. Вы насадители въ юныхъ сердцахъ основъ вѣры и нравственности христіанской. Изъ дѣтей впослѣдствіи выйдутъ взрослые члены Церкви Христовой и государства нашего. Что можетъ быть выше сей задачи, выше учительской дѣятельности въ духѣ вѣры и Церкви православной. Поистинѣ дѣятельность ваша по существу своему апостольская. Какъ тѣ насаждали сѣмена вѣры Христовой въ непросвѣщенныхъ сердцахъ язычниковъ и іудеевъ, такъ вы просвѣщаете свѣтомъ ученія христіанскаго еще неразвитыхъ и необразованныхъ дѣтей. Пусть будутъ посему неизмѣнными вашими спутниками и руководителями вашей просвѣтительной дѣятельности св. первоверховные апостолы Петръ и Павелъ, пусть наставляютъ и руководятъ они васъ на трудномъ пути вашемъ, пусть помогутъ вамъ и подкрѣпятъ васъ своими всемогущими молитвами. Аминь.

СКАЗАНИЕ КЕЛАРЯ АВРААМІЯ ПАЛИЦЫНА О СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ ВЪ РОССІИ (1598—1613 Г.Г.).

Троицкій келарь Авраамій Палицынъ написалъ „Исторію въ память впредъидущимъ родомъ“, которая, начинаясь краткимъ обзоромъ царствованія Θεодора Іоановича, доведена включительно до Деулинскаго мира, закончившаго разгорѣвшуюся въ эпоху смуты борьбу съ поляками; отсюда ясно, что по содержанію своему трудъ Палицына даетъ своему автору право на названіе „историка смутнаго времени“, но особенности этого сочиненія заставляютъ нѣкоторыхъ изслѣдователей отечественной старины смотрѣть на него не какъ на трудъ чисто историческій, но историко-поэтическій, гдѣ истина прикрашена вымысломъ. Нѣкоторое право относить разсматриваемое произведеніе къ духовно-историческому эпосу могло бы дать составляющее самую значительную часть „Исторіи“ повѣствованіе объ осадѣ Троицко-Сергіевой Лавры, гдѣ данъ большой просторъ религіозно-мистическому элементу: видѣнія, чудеса, откровенія составляютъ здѣсь канву всего разказа, но съ одной стороны эти разказы о чудесныхъ событіяхъ—не продуктъ фантазіи автора, съ другой стороны, какъ бы ни относились къ ихъ исторической достовѣрности, они столь же мало измѣняютъ общій лѣтописный характеръ изложенія, какъ и проповѣдническій тонъ писателя по мѣстамъ, который однако не обращаетъ его произведенія въ гомилію. Въ западно-европейской литературѣ есть два выдающихся произведенія, имѣющихъ своимъ предметомъ содержаніе—первый крестовый походъ: испещренная цвѣтами фантазіи эпическая поэма Тор-

квато Тассо „Освобожденный Иерусалимъ“ и принадлежащій перу французскаго историка Michaud трудъ „Histoire de la premiere croisade“. Michaud писалъ исторію, а не эпопею, но это не помѣшало ему давать мѣсто разговорамъ о чудесныхъ событіяхъ, потому что при пропускѣ ихъ многое являлось бы необъяснимымъ,—вотъ на примѣръ одинъ эпизодъ: полуголодная и почти безоружная толпа крестоносцевъ заняла Антиохію, къ которой приближалось многочисленное войско султана Карбоги, однако при происшедшей битвѣ побѣдили крестоносцы; причина благопріятнаго для крестоносцевъ исхода битвы являлась бы загадкой, если бы Michaud не помѣстилъ объясненія энтузіазма и львиного мужества крестоносцевъ повѣствованіемъ объ явленіи апостола Андрея, бывшемъ наканунѣ этой битвы священнику Петру, и объ обрѣтеніи по данному Апостоломъ указанію подъ каменнымъ поломъ одной изъ Антиохійскихъ церквей стараго копья, которое сочли за орудіе, вѣкогда проколовшее бокъ распятаго Христа. Нахожденіе среди крестоносцевъ этого полужаржавленнаго желѣза, которому усваивалось по духу эпохи значеніе амулета, подняло ихъ упавшій вслѣдствіе физическихъ невзгодъ духъ на необыкновенную высоту и вырвало вѣрную побѣду у мусульманскаго вождя. Разказы о чудесахъ, бывшихъ при осадѣ Лавры, имѣютъ то же значеніе, а потому не только допустимы, но даже необходимы въ исторіи: безъ нихъ намъ была бы непонятна удивительная стойкость монастыря, когда его, по выраженію Палицына, окружали враги, какъ волны корабль въ морѣ; добросовѣстное описаніе виѣшнихъ условій, благопріятствовавшихъ монастырской оборонѣ, не должно было пройти молчаніемъ главнаго фактора въ этомъ дѣлѣ—общественную настроенность въ монастырѣ, которая создавалась обаяніемъ именно этихъ разказовъ объ откровеніяхъ, видѣніяхъ и т. п., заставлявшихъ осажденныхъ вѣрять въ особый Божественный покровъ надъ ними; поэтому даже наиболѣе склонный къ скептицизму историкъ долженъ былъ ввести эти разказы, несмотря на ихъ нерѣдко легендарный колоритъ, въ свое повѣствованіе о мужественной защитѣ воинами и иноками „дома чудотворца“, если только не желалъ оставить своего читателя въ недоумѣ-

ни предъ этимъ подвигомъ, который „тверже адаманта“. Конечно, для этого не было надобности въ такомъ обилии приводимыхъ свидѣтельствъ о чудесахъ, но и здѣсь дѣло не въ поэтической настроенности автора, заставлявшей его неразборчиво пользоваться каждой слышанной легендой, но въ цѣли, выраженной въ самомъ надписаніи его труда: „да незабвенна будутъ благодѣянія Божія“. Палицынъ рассказываетъ о чудесныхъ событіяхъ, происшедшихъ „ему не бывшу въ обители чудотворца“,—значить онъ пользовался чужими показаніями, которыя игнорировать онъ боялся, чтобы не явиться предъ Богомъ лукавымъ рабомъ, утаивающимъ отъ потомства дѣла Божественнаго заступничества. Но и богословская точка зрѣнія автора не помѣшала ему выступить изслѣдователемъ, стремящимся отдѣлить истину отъ того прироста, какой неизбежно является отъ частаго перехода ея изъ устъ въ уста, какъ портится чистая монета отъ частаго и долгаго употребленія; нашъ авторъ пишетъ: „испытахъ вся подробо со многимъ опасеніемъ предъ многими свидѣтели оставшихся иноковъ святолѣпныхъ и доброразсудительныхъ“. Онъ говоритъ по поводу видѣнія преподобныхъ Сергія и Никона, обходившихъ стѣны обители, что ему принесли объ этомъ писаньице, и отдаетъ свое сообщеніе на судъ читателя, „аще истина есть сіе“; передавъ объ явленіи Серапіона Новгородскаго и Преподобнаго Сергія въ Троицкомъ соборѣ, онъ замѣчаетъ, что старцы, бывшіе при этомъ видѣніи, умерли во время осады, какъ бы показывая, что основывается въ своемъ рассказѣ на молвѣ не изъ устъ очевидцевъ; сообщивъ о чудесной поѣздкѣ учениковъ Преподобнаго въ Москву, онъ прибавляетъ, что рассказанное имъ подтверждается замѣченнымъ многими исчезновеніемъ слѣпыхъ мериновъ изъ монастырской конюшки. Чудесныя явленія, бывшія въ некоторыхъ лицамъ во снѣ, напримѣръ Архангела Михаила архимандриту Юсафу во время вечерней божественной службы, когда онъ по причинѣ переутомленія впалъ въ забытѣе, или Св. Сергія парамонарю Ирнарху, конечно, исключали возможность провѣрить ихъ дѣйствительность показаніями разныхъ лицъ, но къ рассказамъ о подобныхъ явленіяхъ Палицынъ могъ относиться съ безусловнымъ

довѣріемъ, такъ какъ обычность такихъ откровеній на страницахъ Св. Писанія обоихъ завѣтовъ должна была располагать его къ этому. Возможно, что въ нѣкоторыхъ частностяхъ своего повѣствованія о чудесахъ нашъ авторъ иногда впадаетъ въ преувеличеніе, но оно объясняется желаніемъ поразить читателя съ тѣмъ, чтобы устрашить его Божиимъ гнѣвомъ и вразумить. Это въ своемъ родѣ „*ria graus*“. Такъ рассказывая объ измѣнѣ казначея Іосифа Дѣвочкина, нашъ авторъ отмѣчаетъ, что черви величиной съ муху, покрывавшіе раны этого подвергнутаго пыткамъ монаха, въ одинъ часъ достигали величины человѣческаго пальца; конечно, этому съ трудомъ повѣрить кто-либо изъ современныхъ біологовъ, но для грамотнаго человѣка той эпохи получалась сильно дѣйствующая своей утрировкой картина наказанія свыше. При сужденіи о томъ или другомъ приѣмѣ автора нужно знать духъ эпохи, когда онъ писалъ, обиліе рассказовъ о чудесахъ и откровеніяхъ ни мало не отталкивало грамотныхъ людей Палицынскаго времени отъ чтенія его „Исторіи“: дошедшіе до насъ списки съ его произведенія служатъ доказательствомъ этой мысли. Палицынъ принималъ метеоры и космическія явленія за предзнаменованія; для насъ подобный взглядъ ложенъ, но вѣдь читатели нашего историка мало чѣмъ возвышались надъ понятіями современнаго простаго народа, который все еще смотритъ съ предубѣжденіемъ на бороздящія небо аэролиты и рѣдко видимыя кометы.

Въ связи съ основной цѣлью написанія „Исторіи“ стоитъ и какъ бы неумѣстный въ историческомъ повѣствованіи проповѣдническій тонъ писателя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его труда. Конечно, исторія уже сама по себѣ „*magistra vitae*“, но Палицынъ желалъ, чтобы его читатель не самъ выводилъ извѣстную мораль, но принялъ отъ него готовый нравственный выводъ, какъ это въ обычаѣ у баснописцевъ; эти построенные на эмпирической почвѣ моралистическіе выводы онъ называетъ „дарованіемъ духовнымъ къ утѣшенію“ читателя. Богословствованіе историка подчасъ дѣлаетъ его взглядъ на причины событій узкимъ, одностороннимъ, нерѣдко онъ указываетъ причину событія въ такихъ словахъ, что отнюдь не выяс-

няетъ его генетическую связь съ другимъ; Палицынъ обильно употребляетъ выраженіе: „грѣхъ нашихъ ради“, „Богъ вложилъ мысль“,—„Божіимъ попущеніемъ“,—„вотъ что творитъ вселукавый“ и т. п. Такія объясненія, разумѣется, неудовлетворительны, ибо поставляютъ событія только во внѣшнюю связь, простую хронологическую послѣдовательность. Однако богословствованіе Палицына въ его историческомъ трудѣ дѣлаетъ одну услугу—даетъ возможность опредѣлить степень его умственного развитія и стоящую въ тѣсной связи съ нею способность понять извѣстное явленіе. Взгляды нашего историка шире чѣмъ у его современниковъ: терпѣвшіеся въ Москвѣ „перелеты“ возбуждаютъ у него отвращеніе къ себѣ, потому что „не искусишася сіи Бога имѣти въ разумѣ“; неправедныя имѣнія, приносимыя въ даръ церквамъ, по его мнѣнію, не украшаютъ ихъ, но разоряютъ, такъ какъ жертвующій Богу нажитое неправдой уподобляется отцу приносящему въ даръ кровь зарѣзаннаго имъ сына; приводимыя Палицынымъ въ подтвержденіе или въ интересъ болѣе сильной аргументаціи мѣста Св. Писанія въ подлинникѣ или перифразировкѣ вообще удачно избраны, напримѣръ 21 глава пророка Іезекіиля при рассказѣ о гибели перваго самозванца, такъ какъ здѣсь содержится предсказаніе о насильственной смерти нечестиваго царя среди своего народа, но иногда желаніе укорить примѣромъ изъ библіи заставляеть нашего автора прибѣгать къ оригинальному и произвольному толкованію: расчетливые люди предсмутнаго времени стали печь просфоры не изъ пшеничной, но ржаной муки, да притомъ подгнившей,—Палицынъ указываетъ, что такъ было съ Каиномъ, но откуда онъ взялъ, что Каинъ приносилъ въ жертву гнилые плоды, трудно сказать, вѣроятно, такъ онъ себѣ объяснилъ причину отверженія этой жертвы Богомъ. Иногда Палицынъ приводитъ сравненіе изъ какихъ то апокрифовъ, напримѣръ, при рассказѣ объ измѣнѣ казначея Лавры Дѣвочкина онъ толкуеть о какомъ-то чернецѣ, скрывшемъ Предтечеву голову. Въ связи съ богословствованіемъ нашего автора стоитъ и отношеніе его къ католицизму—кривовѣрію; касающіяся этого вѣроисповѣданія замѣчанія историка дѣлаютъ весьма гипотетичнымъ утвержде-

віе нѣкоторыхъ изслѣдователей періода смуты, что онъ измѣнилъ подѣ Смоленскомъ и велѣ дальнѣйшую политику Лавры въ интересѣ фанатика католицизма Сигизмунда III. Для Палицына католицизмъ—ересь: обличающій растригу дякъ Тимошей Осиповъ между прочимъ говоритъ ему: „ты грѣху рабъ и еретикъ“, намекая на его дружбу съ папой, котораго келарь въ другомъ мѣстѣ своей „Исторіи“ называетъ змѣемъ всепагубнымъ въ Италійскомъ костелѣ; паявъ Лисовскій, какъ католикъ, врагъ христіанскій, сынъ тьмы; въ прошломъ отечественной исторіи ренегатъ Исидоръ, бывшій на Флорентійскомъ соборѣ,—оболченный волкъ; всюду поляки „пакостніи“, поганые, „окаянпїи“ слуги діавола,—вѣдь при допущеніи дѣйствительной измѣны со стороны Палицына пришлось бы считать эти опредѣленія только за epitheton ornans. Богословскую точку зрѣнія автора нужно имѣть въ виду при встрѣчѣ въ его трудѣ съ характеристикой разныхъ лицъ: ему симпатиченъ кроткій Теодоръ Іоанновичъ потому, что онъ связалъ всѣхъ разбойниковъ какъ уземъ молитвою; однимъ изъ источниковъ житейскихъ неудачъ Бориса Палицынъ признаетъ его незнакомство со Св. Писаніемъ: „не навикъ Божественнаго Писанія: того ради въ братолюбїи блаженъ бываше“; ту же точку зрѣнія автора нельзя терять изъ виду и при разборѣ правильности его сужденія о причинахъ событій. Общество представляется Палицыну находящимся подѣ воздѣйствіемъ двухъ факторовъ, могущественно вліяющихъ на его жизнь: Бога и діавола. Нашъ историкъ провиденціалистъ: рассказавъ о намѣреніи перваго самозванца погубить русское войско при походѣ на Азовъ, онъ прибавляетъ, „но не попустилъ Богъ“; къ разсказу о поврежденіи ядромъ изъ монастыря зелейника у самаго большаго осаднаго орудія поляковъ онъ присоединилъ замѣчаніе: „во истину сіе дѣло промыслъ бысть самаго предвѣчнаго Бога“. Діаволь для нашего автора—не самостоятельная сила зла, какъ Ариманъ въ Зороастровомъ дуализмѣ, но подчиненная Богу, который попускаетъ его дѣйствовать въ мірѣ, давая ему тѣмъ большую свободу, чѣмъ далѣе уклоняются люди отъ стези добродѣтели. Діаволь дѣйствуетъ „Божїимъ попусценіемъ грѣхъ нашихъ ради“, онъ тотъ же бичъ Божїй, какъ и средневѣко-

вый Атилла. Этотъ узкій провиденціализмъ историка, вводящій на арену изучаемой имъ исторической жизни самыя силы невидимаго міра непосредственно дѣйствующими, нерѣдко дѣлаетъ прагматизмъ его исторіи одностороннимъ и близорукимъ, читатель долженъ искать объясненія явленія чрезъ сопоставленіе содержанія разныхъ главъ „Исторіи“, пользуясь обмолвками автора и тѣмъ исправляя его неподвижную точку зрѣнія. Отходъ Сапѣги и Лисовскаго отъ Троицкой Лавры объясняется паникой отъ бывшаго имъ видѣнія двухъ полковъ, но изъ дальнѣйшаго легко выяснитъ себѣ причину снятія осады гораздо проще: пришедшіе отъ Лавры подъ Москву поляки избивали русскихъ измѣнниковъ въ Тушинскомъ ставѣ, воръ Тушинскій за два мѣсяца до этого бѣжалъ въ Калугу съ Мариной, не поладивъ съ поляками, которые хотѣли его оставить, будучи призываемы къ польскому войску, стоявшему подъ Смоленскомъ,—это бѣгство втораго самозванца и начало войны съ Польшей просто объясняютъ конецъ осады, бесплодно тянувшейся долгое время, такъ какъ Сапѣга и Лисовскій стояли за Тушинскаго врага, что видно изъ начала 9-й главы „Исторіи“, гдѣ приведены рѣчи „сонмища сатанина“, т. е. поляковъ, къ второму самозванцу. Появленіе Псковскаго вора объясняется „наученіемъ діавольскимъ“, но такой замысловатости совсѣмъ не нужно, когда узнаемъ, что этотъ воръ былъ креатурой Зарудкаго, искавшаго повода къ учиненію новой смуты въ подмосковныхъ казачьихъ таборахъ для задержанія въ Ярославлѣ земской рати Пожарскаго. Мы можемъ не согласиться съ Палицынымъ, что мысли польскихъ пословъ, собравшихся въ Деулинѣ, которыя были столь неблагопріятны для русскихъ, что послы „яко пси лаяху“, внезапно перемѣнились подъ внушеніемъ свыше, такъ какъ знаемъ, что наступала останавливающая стратегическія предпріятія зима, и внушалъ опасенія Столбовскій миръ со Швеціей, развязывавшій руки русскимъ для борьбы исключительно съ поляками. Провиденціализмъ Палицына заставляетъ его иногда быть несправедливымъ въ сужденіи о поступкахъ нѣкоторыхъ лицъ: слова Бориса поклявшагося предъ патриархомъ, что въ его царствѣ не будетъ бѣдныхъ, такъ какъ онъ готовъ раздѣлить

свою послѣднюю сорочку съ народомъ, называются „гласомъ богомерзостнымъ“, потому что царь забылъ, что судьба его подданныхъ не въ его рукахъ, но Божіихъ. Воевода Жеребцовъ осмѣивается Палицынымъ за надежду на тактику своего войска, тогда какъ Троицкіе „сидѣльцы“ выходили при частыхъ вылазкахъ „неурядными“, въ надеждѣ только на Бога. Кунктаторъ Пожарскій повидимому особенно тѣмъ вызвалъ антипатію Палицына, что медлилъ идти подъ Москву, какъ бы недовѣряя промыслу Божію надъ нижегородской ратью и ея вождями.

Резюмируя изложенное, придемъ къ тому заключенію, что въ „Исторіи“ Палицына имѣемъ трудъ историческій, хотя и несовершенный по современному понятію о работахъ подобнаго рода, но главные недостатки труда Палицына объясняются особымъ міросозерцаніемъ автора и цѣлью, заставившей его взяться за рассматриваемый нами трудъ. Источниками служили для нашего автора: его личная наблюдательность, воспоминанія о пережитомъ и рассказы современниковъ; иногда Палицынъ приводитъ письменныя данныя, грамоты, такъ въ 14 главѣ изъ 2 грамоты Сапѣги къ архимандриту Іоасафу и воеводамъ, начальствовавшимъ надъ войскомъ въ монастырѣ, и отписку этихъ лицъ Сапѣгѣ. Чтобы опредѣлить достоинство разбираемаго сочиненія со стороны отраженія въ немъ истины, нужно выяснить, что разумѣлъ нашъ авторъ, говоря, что истину должно соблюдать „съ опасеніемъ“; нѣкоторыя мѣста его сочиненія повидимому даютъ право такъ комментировать имъ сказанное: должно соблюдать осторожность въ раскрытіи подробностей событій и своего взгляда на нихъ. Въ рассказѣ о гибели перваго самозванца нѣтъ ни слова о боярскомъ заговорѣ и участіи въ немъ Шуйскаго: „все на него восташа, Гришка злѣ скончася“,—вотъ краткая, сухая замѣтка, за которой слѣдуетъ упрекъ народу, забывшему благодарить Бога за освобожденіе отъ власти узурпатора, склоннаго къ католицизму, и пространное разсужденіе о прежнихъ попыткахъ Римскаго первосвященника подчинить себѣ русскую церковь. Въ рассказѣ о смерти Скопина-Шуйскаго Палицынъ поступаетъ уклончиво: „не вѣмы убо како рещи, Божій ли судъ

нань постиже? или злыхъ чловѣкъ умышленіе совершися? единъ Создавый насъ се вѣсть". Повѣствуя о посольствѣ къ Сигизмунду, онъ какъ бы забываетъ своему читателю, что и онъ, Келарь, былъ среди пословъ. Особенно важно прослѣдить, чѣмъ руководствовался Палицынъ при исправленіи своей черновой рукописи. (Сочиненіе Палицына дошло до насъ въ двухъ рукописныхъ вариантахъ). Замѣчаютъ, что при редактированіи своего труда онъ смягчалъ свои отзывы о современникахъ смутнаго состоянія нашего государства, смягчалъ тѣ черезчуръ рѣзкія тѣни, какія онъ наложилъ на изображенной имъ картинѣ нравственнаго растлѣнія русскаго народа предъ смутой, представляя, что даже Литва и поляки удивлялись тому, что „русаки другъ другу содѣвають". Дѣйствительно, расположеніе къ тѣмъ, которые приходятъ съ подарками, и невниманіе къ бѣднымъ, хотя и чловѣческія слабости, но обычны во всякомъ неидеальномъ житейскомъ порядкѣ, поэтому, клеймя эти слабости у людей предсмутнаго времени и вводя ихъ въ число грѣховъ, влекущихъ за собой „изліяніе гнѣвобыстрое" отъ Бога, Палицынъ рисковалъ выступить предъ современниками нежелательнымъ пророкомъ новыхъ грядущихъ бѣдствій. Но есть одно исправленіе, сдѣланное историкомъ по другому побужденію: въ рассказѣ о воцареніи Бориса Палицынъ въ черновой рукописи почему-то рѣзко отозвался о тѣхъ лицахъ, которыя принесли къ непреклонному вельможѣ „на умоленіе его" образъ Божіей Матери; старца глубоко возмутило такое обращеніе со святыней: „неразумници къ тлѣнному чловѣку на мольбу Тоя образъ неносятъ", но, повѣствуя объ умоленіи Марѣы Ивановны, не соглашавшейся, чтобы скипетръ власти надъ измалодушествовавшими русскими принялъ ея юный сынъ, онъ говоритъ, что рязанскій архіепископъ Θεодоритъ держалъ при этомъ принесенную изъ Москвы въ Ипатьевскій монастырь икону Божіей Матери, „уже написа Петръ", а онъ, келарь, икону московскихъ чудотворцевъ: Петра, Алексія и Іоны. Каковы бы ни были личныя свойства матери Михаила, но она была тѣмъ же тлѣннымъ чловѣкомъ, какъ и Борисъ, а поэтому приходилось исправить написанное ранѣе, чтобы и себя не

включить въ число неразумниковъ. Итакъ нашъ историкъ старался сгладить противорѣчіе написаннаго подъ разными впечатлѣніями, и это открываетъ намъ субъективизмъ его сужденій, такъ, смотря съ опасеніемъ на заморскихъ католиковъ и „люторей“; онъ порицаетъ Бориса за желаніе выдать дочь за Датскаго принца, но ясно, что онъ не зналъ о сватовствѣ королевича Вольдемара къ Иринѣ Михайловнѣ, иначе и это его замѣчаніе подверглось бы изгнанію изъ текста „Исторіи“. Палицынъ—тонкій монастырскій политикъ: ему хотѣлось написать что-нибудь пріятное новому Государю, и онъ называетъ его „прежде рожденія отъ Бога избраннымъ и изъ чрева матеря помазаннымъ“; говоритъ, что Борисъ опасался Романовыхъ по предостереженію звѣздочетовъ, выводившихъ изъ своихъ астрологическихъ соображеній, что отпрыскъ этой фамиліи возсядетъ на превьсочайшемъ Россійскомъ престолѣ; здѣсь старецъ не заплатилъ дань легковѣрію своего вѣка, но поступилъ тенденціозно, давъ факту предзанятое освѣщеніе: въ рассказѣ о подачѣ голосовъ за Михаила онъ замѣчаетъ, что всѣ говорили: „Михаилу быть царемъ“, основываясь на его ближайшемъ родствѣ съ пресѣкшейся династіей; если объ этомъ родствѣ Михаила знали всѣ, даже чуждые политическихъ сферъ простолюдины, то почему же не допустить, что именно оно, а не таинственныя бредни звѣздочетовъ, были мотивомъ для Бориса къ преслѣдованію Романовыхъ, такъ какъ ему хорошо была извѣстна закулисная сторона его избранія земскимъ соборомъ и отсюда шаткость его престола, необезпеченность его династическихъ интересовъ? Но иногда нашъ авторъ не замалчиваетъ и темныхъ сторонъ, восхваляемыхъ имъ въ общемъ событіи, или въ дѣйствиіи прославляемыхъ на страницахъ его „Исторіи“ лицъ указываетъ помимо свѣтлой сторону и тѣневую и этимъ выказываетъ свое безпрестрагіе: подвиги осажденныхъ въ Лаврѣ окружены имъ какимъ-то ореоломъ, но онъ не боится открывать и выступающія контрастомъ темныя стороны въ ихъ жизни—измѣны, пороки; онъ сообщаетъ о жестокости осажденныхъ, казвившихъ однажды 61 плѣнника, отомщая осаждающимъ за захватъ 4 казаковъ; не скрываетъ, что они заманивали

лакомыхъ поляковъ своимъ угощеніемъ, состоявшимъ изъ меда, и брали ихъ въ „языки“, пытая съ „пристрастіемъ“; легендарнымъ подвигамъ Ананіи Селевина выставляется въ „pendant“ неприглядный поступокъ Оськи Селевина, дезертировавшаго изъ обители въ польскій лагерь; разсказу о добротствѣ Шуйскаго при московской голодовкѣ противопоставляется сообщеніе о грабежѣ казны дома чудотворца, учившемъ посланнымъ тѣмъ же Шуйскимъ Семейкой. Итакъ въ „Исторіи“ есть намеки на то, что авторъ ея при освѣщеніи нѣкоторыхъ фактовъ поступаетъ по антинаучнымъ субъективнымъ мотивамъ, но есть и неоспоримыя свидѣтельства его безпристрастнаго отношенія къ другимъ. При сужденіи о вышеуказанномъ недостаткѣ нельзя забывать, что хроникеръ не можетъ быть идеальнымъ наблюдателемъ, не привносящимъ въ свое изслѣдованіе ни одного предвзятаго мнѣнія, особенно если дѣло идетъ объ изложеніи и освѣщеніи такихъ явленій, въ которыхъ онъ самъ принималъ участіе: прожитое представляется для созерцанія хроникера спокойнымъ лишь на видъ, но многіе отголоски его оживаютъ для чувства при воспоминаніи, и это невольно лишаетъ его повѣствованіе объективности, поэтому разсказъ современника не фототипическій снимокъ съ дѣйствительности,—онъ—истолкованіе фактовъ сообразно личному пониманію; лѣтописецъ, даже изслѣдуя и описывая чуждое его личной жизни прошедшее, смотритъ на него подъ своимъ угломъ зрѣнія, такъ что Пименъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкина—не совсѣмъ правдоподобная идеализація поэтомъ лѣтописца. Но кромѣ погрѣшностей въ лѣтописномъ трудѣ современника, объясняемыхъ трудностью изолировать свое мышленіе отъ чувства накладывающаго на сужденія современника отпечатокъ субъективизма, могутъ быть иныя погрѣшности противъ истины, менѣе извинительныя, такъ какъ онѣ коренятся въ желаніи автора утаить кое-что отъ читателя или дать своему разсказу то именно освѣщеніе, какое нужно для его скрытой тенденціозной цѣли. Эти умышленныя ошибки сплавляются съ содержащейся въ повѣствованіи истиной въ такую однородную массу, что даже тонкій анализъ произведенія не обезпечиваетъ выдѣленія всей

примѣси къ истинѣ; поэтому нужно опредѣлить, не имѣлъ ли Палицынъ повода пристрастно излагать ходъ событій? Прежде всего выступаетъ вопросъ объ измѣнѣ келаря подъ Смоленскомъ: для возстаповленія своей репутаціи патріота онъ могъ дѣлать подтасовку и придавать событіямъ ложное освѣщеніе въ интересѣ самозащиты. Инициатива посольства къ Сигизмунду принадлежала боярской партіи, не желавшей послѣдовать внушеніямъ Гермогена и опасавшейся насильственного захвата престола Пушинскимъ воромъ. Палицынъ называетъ это посольство бездѣльнымъ и умалчиваетъ о своемъ участіи въ немъ, но такъ какъ оно было извѣстно его современникамъ, то вѣроятно не допустить, что нашъ авторъ этимъ нечестнымъ отзвонъ хотѣлъ выразить не свое отрицательное отношеніе къ самой идеѣ о такомъ посольствѣ, но безуспѣшность его на дѣлѣ, вслѣдствіе отказа Сигизмунда отъ условій, предложенныхъ послами. Палицынъ говоритъ, что польскіе сенаторы, увѣщая ихъ покориться Сигизмунду, приводили такой доводъ: „вы одни только послы бездѣльничаете, а Московское государство все королю хочетъ служить и прямить во всемъ“, и въ доказательство показывали адресованные королю челобитныя „за руками“; отъ этого, продолжаетъ историкъ, послы „до конца отчаяшася, нѣщии же отъ нихъ къ царствующему граду возвратишася“. Въ этомъ мѣстѣ „Исторіи“ чувствуется какая-то натяжка: имѣли ли послы основаніе до конца отчаяваться, если имъ показывали челобитныя отъ разныхъ лицъ, получаемыя въ королевскомъ ставѣ?—Вѣдь въ то время каждый кривой сынъ отечества старался ловить рыбу въ мутной водѣ, и такіе челобитныя совсѣмъ не показывали настроенности всего Московскаго государства въ пользу Сигизмунда, но если допустить, что челобитныя были и отъ лицъ той партіи, которой принадлежала инициатива посольства, то это показывало дѣйствительно, что роль пословъ кончилась. Въ поведеніи Палицына за это время усматриваютъ недобросовѣстность, еще основываясь на томъ, что келарь, отправляясь подъ Смоленскъ, захватилъ съ собой весьма цѣнныя дары Сигизмунду, но онъ могъ это сдѣлать не для завоеванія себѣ расположенія польскаго короля, на которомъ будто бы зиждились

его мечты о патриаршиствѣ, но въ интересѣ монастыря, котораго представителемъ онъ былъ въ посольствѣ. Полученныя келаремъ отъ Сигизмунда грамоты укрѣпляютъ въ этой мысли: лично Палицынъ ничего не выигрывалъ, обезпечивались только матеріальныя выгоды обители. Возможно, что отъѣзжая отъ посольства, келарь преслѣдовалъ не эгоистическую цѣль—личную безопасность, но стремился на дѣлѣ послужить родинѣ, истерзанной смутой. Какая польза была странѣ, что ея вѣрные сыны отправились въ плѣнъ на чужбину, когда враги захватили самое сердце ихъ отечества—Москву? Поэтому, представляясь съ внѣшней стороны безчестнымъ, поступокъ Палицына можетъ быть оправданъ по внутреннимъ мотивамъ его совершенія: подъ личиною богомольца за Сигизмунда, покидалъ королевскій станъ глубоко ненавидѣвшій поляковъ—католиковъ православный монахъ, унося негодованіе на надменныхъ пановъ и раздраженіе на то, что непреклонность короля развѣяла какъ дымъ ожиданія скорого и мирнаго конца терзавшей страну анархіи. Можно набросить нѣкоторую тѣнь на поведеніе Палицына по возвращеніи его отъ Смоленска указаніемъ на то, что грамоты Троицкой Лавры, написанныя около этого времени, упоминаютъ только объ архимандритѣ Діонисіи, какъ своемъ составителѣ, о соучастіи же келаря умалчиваютъ, но есть свидѣтельства, что Діонисій писалъ по совѣщаніи со старцами, въ числѣ которыхъ естественно предполагать и келаря. Упомянутое имя Палицына въ грамотахъ, исходившихъ изъ обители, могло бы внушать недовѣріе къ нимъ: если потомъ старца въ глаза называли „королемъ“, намекая на его измѣну подъ Смоленскомъ, то умѣстной ли являлась его подпись на грамотахъ, когда его предполагаемое преступленіе было еще „*flagrans delictum*“, и не вредила ли она тому великому патриотическому дѣлу, за какое взялись Троицкія власти? Если мы припомнимъ, что инициаторомъ при сформированіи посольства было боярство, а не земскій соборъ, то уже самое участіе Палицына въ этомъ дѣлѣ, затѣмъ скорое возвращеніе его, и внезапно явившійся рѣзкій антиполонизмъ могли мутить сознаніе народа, который вѣрилъ только лицамъ, непричастнымъ партіи, стоявшей за польскаго

королевича и пустившей поляковъ въ священный для каждаго русскаго Кремль. На основаніи сказаннаго умолчаніе грамотъ о Палицынѣ едва ли можетъ быть направлено противъ него, какъ обвиненіе въ нежеланіи принять монастырскую политику и въ темныхъ замыслахъ въ интересѣ Сигизмунда, которые только впоследствии разсѣялись. Ставъ на эту точку зрѣнія, мы не должны скептически относиться къ послѣдующей патриотической дѣятельности Палицына, и то мѣсто „Исторіи“, гдѣ онъ съ скорбнымъ чувствомъ преданнаго сына отечества говоритъ о разоренной Москвѣ, называя ее въ ея прежней славѣ и богатствѣ „новымъ Римомъ“, считать просто риторическимъ украшеніемъ. Есть основанія отнестись съ довѣріемъ къ тѣмъ мѣстамъ „Исторіи“, гдѣ она сообщаетъ различающееся отъ находящагося въ другихъ источникахъ для изученія смутнаго времени. По послѣднимъ главамъ „Исторіи“ Троицкая лавра является средоточіемъ патриотической дѣятельности въ это смутное время, мастерской, изготовлявшей самое сильное и необычное оружіе противъ враговъ—грамоты, возбуждавшія умы и чувства тогдашняго русскаго общества къ напряженной борьбѣ съ засорившимъ страну непріателемъ. Палицынъ приписываетъ Лаврѣ участіе въ собраніи Ляпуновскаго ополченія, другіе историки того времени,—исключая Лавру изъ участія въ этомъ дѣлѣ, смотрятъ на Гермогена, какъ на единственнаго инициатора этого движенія, однако нѣкоторыя особенности грамотъ, разсылавшихся Ляпуновымъ, подтверждаютъ замѣчаніе Палицына: въ нихъ много типичныхъ выраженій Троицкихъ грамотъ, а поэтому можно допустить, что вызванное грамотами Гермогена, Ляпуновское ополченіе было ускорено въ движеніи къ Москвѣ Троицкими грамотами, такъ какъ Ляпунову онѣ были извѣстны, и многія мысли ихъ даже настолько понравились, что онъ нашелъ нужнымъ пропагандировать ихъ чрезъ свои грамоты. Нѣкоторые историки считаютъ не заслуживающимъ довѣрія и другое свидѣтельство Палицына, касающееся могущественнаго дѣйствія на массу Троицкихъ грамотъ въ Нижнемъ Новгородѣ; они указываютъ на то, что по содержанію своему эти грамоты были казацкими, такъ какъ звали нижегородцевъ на соединеніе съ стоявшими

подъ Москвой казаками, между тѣмъ всѣ жители Поволжья были напуганы слухами объ ихъ злодѣйствахъ. Правда, скрывая по необходимости разладъ между Трубецкимъ и Заруцкимъ и дикое своеволие ихъ шаекъ, грамоты говорили, что подъ Москвой спокойно, что казаки готовы биться вмѣстѣ съ другими съ общимъ врагомъ-поляками, которыхъ они держатъ въ осадѣ, но хотя имъ могли не вѣрить съ этой стороны, однако онѣ освѣжали и согрѣвали патріотическое чувство въ возбужденныхъ массахъ недавно разошедшагося Лянуновскаго ополченія, высоко поднимая сознание государственной пользы надъ эгоистическимъ стремленіемъ къ личной безопасности. Несомнѣнно, что Троицкія грамоты были бы безсильны возбудить народное воодушевленіе, если бы не было благопріятной для этого почвы въ настроеніи умовъ и сердець, подобно тому, какъ искры гаснуть, упавая на ледъ; въ Нижнемъ-Новгородѣ „крѣпцѣ яшася за сіе писаніе“ потому, что и ранѣе этого задумывалпсь надъ участію родины, болѣли о ней по—Зоровавельски. Масса стоячей воды имѣетъ способность произвести при своемъ паденіи извѣстную механическую работу, но для приведенія ея въ движеніе нуженъ посторонній агентъ, который не создаетъ ея энергію, но переводитъ ее изъ скрытаго состоянія въ обнаруживаемое въ дѣйствиі; эта аналогія изъ области явленій матеріальнаго міра, можетъ быть примѣнена къ объясненію дѣйствія грамотъ: онѣ подобны такому агенту, не создающему энергіи, но выводящему ее изъ потенціальнаго состоянія въ активное.—Монастырскую политику нельзя считать казачьей, такъ какъ она прямо противоположна желаніямъ Заруцкаго: Лавра не цѣловала креста Псковскому вору, креатурѣ Заруцкаго, желавшаго этой новой кандидатурой на престолъ усилить смуту, —здѣсь его посланіе оплевали и разослали немедленно увѣщанія уклониться отъ позорной присяги въ другіе города. Расположеніе Троицкихъ властей къ Трубецкому объясняется взаимнымъ охлажденіемъ обоихъ казачьихъ вождей, одинъ изъ которыхъ сталъ подъ доброе вліяніе обители, помогавшей ему присылкой зелія и боевыхъ снарядовъ. Желаніе побудить Пожарскаго скорѣе идти къ Москвѣ прямо отличаетъ Троицкую политику отъ казачьей: Заруцкій чрезъ своихъ агентовъ, сѣяв-

шихъ „нѣкія междуособныя словеса“, всячески старался задержать Пожарскаго въ Ярославлѣ, чтобы усиліями Нижегородской рати не окончилось то хаотическое состояніе акефальнаго русскаго государства, которое давало ему возможность безнаказанно грабить и насиловать населеніе. Если Трубецкой по приходѣ Пожарскаго подъ Москву сердился на него, то это не доказываетъ солидарности его взглядовъ съ таковыми Заруцкаго и не можетъ быть направлено противъ Троицкихъ грамотъ, какъ обвиненіе ихъ во лжи относительно готовности казаковъ соединиться съ земскою ратью, такъ какъ сначала Трубецкой звалъ Пожарскаго въ одинъ съ казаками таборъ, но Пожарскій, этого тѣснаго общенія со степной „голытьбой“ не пожелалъ и своимъ недоувѣріемъ и презрѣніемъ оттолкнулъ отъ себя Трубецкаго. Кромѣ разсмотрѣннаго нами вопроса о дѣйствіи Троицкихъ грамотъ много спорятъ о вѣрности другаго показанія Палицына, — по которому рѣшителемъ битвы съ Ходкѣвичемъ подъ стѣнами Московскаго Кремля является казачество, а не земцы; изъ предъидущихъ отзывовъ нашего историка о Пожарскомъ, какъ о трусливомъ человѣкѣ, по поводу его замедленія въ Ярославлѣ, когда онъ положилъ „въ презрѣніе“ грамоту изъ Лавры, и той нерѣшительности, съ какой онъ потомъ покинулъ Троицкій монастырь и направился къ Москвѣ, уступивъ только энергичнымъ внушеніямъ монастырскихъ властей, подкрѣплявшихъ свое увѣщаніе ссылкой на авторитетъ Св. Писаніе „яко умилился ему“, можно было бы думать, что нашъ авторъ въ этомъ случаѣ поступаетъ пристрастно: хочетъ украсить лаврами побѣдителя расположеннаго къ Лаврѣ Трубецкаго вмѣсто клавшаго въ презрѣніе ея грамоты Пожарскаго, однако внимательное чтеніе рассказа историка о битвѣ и слѣдующихъ за нимъ сообщеній открываетъ, что келарь, выдвигая на первый планъ казаковъ, далеко отъ идеализаціи ихъ: онъ указываетъ весьма прозаическую причину ихъ усердія ко взятію важнаго стратегическаго пункта — Климентьевскаго острога: „видѣша много запасовъ во острогъ вшедшихъ“, а немного ниже онъ говоритъ о тѣхъ же казакахъ: „ни единъ отъ невѣрныхъ сотвори толико зла, еже они творяху православнымъ различно мучаще“. Что касается

до мнѣнія, что Палицынъ придумалъ разсказъ о трусливости дворянъ и Пожарскаго, говорившихъ, что безъ казаковъ сражаться не могутъ, и искавшихъ его посредничества между ними и желавшими удалиться казаками, только для того, чтобы выступить предъ потомствомъ спасителемъ отечества, то оно не должно считаться вполне твердо обоснованнымъ. Говорятъ, что Палицынъ—самохваль, обратившій послѣднія главы своего сочиненія въ свой панегирикъ: по его словамъ выходитъ, что не раздайся его увѣщаніе къ казакамъ, нижегородская рать не отразила бы Ходкѣвича, осажденные въ Кремль поляки получили бы подкрѣпленіе людьми и провіантомъ, и еще надолго затянулась бы осада польскаго гарнизона, тогда какъ казаки, эти „произволительные звѣри не естествомъ, но правомъ“, разошлись бы отъ Москвы на грабежъ своихъ единоплеменниковъ и дикое насиліе надъ ними,—дальновидный читатель „Исторіи“ могъ себѣ представить и дальнѣйшую судьбу земскаго ополченія: его вождь могъ испытать участь Ляпунова, отъ всего патріотическаго движенія въ этомъ случаѣ не осталось бы ни слѣда, а Москва попала бы въ руки уже шедшаго къ ней Сигизмунда, возвратившагося къ Смоленску, только по полученіи извѣстія о пораженіи, нанесенномъ Ходкѣвичу. Указываютъ еще на одно замѣчаніе Палицына, сдѣланное имъ съ тѣмъ же намѣреніемъ: соборъ державствующихъ, т. е. главныхъ представителей боярства, по очищеніи Москвы отъ поляковъ занялся рѣшеніемъ имѣвшаго для членовъ собора жгучій смыслъ вопроса, кому быть царемъ.—Палицынъ заявилъ боярамъ, что народъ стоитъ за кандидатуру Михаила Феодоровича Романова, и тѣмъ поставилъ препятствіе интригамъ и партійной борьбѣ на соборѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Великой Земской Думы. Но если считать приведенныя мѣста прикрашенными историкомъ въ интересѣ самовозвеличенія, то какъ согласить съ этимъ предположеніемъ то, что въ другихъ мѣстахъ „Исторіи“, несмотря на представлявшійся поводъ отличиться патріотизмомъ, являвшійся при допущеніи извѣстной тенденціозности изложенія почти неотразимымъ искушеніемъ, онъ откровенно говоритъ о своихъ мелочныхъ соображеніяхъ: при сильномъ голодѣ въ Москвѣ Шуйскій,

зная о стачкѣ купцовъ между собою, чтобы продавать хлѣбъ по возможно дорогой цѣнѣ, просилъ Палицына подорвать высокую рыночную цѣну на этотъ необходимый жизненный продуктъ, выпустивъ изъ житницъ Богоявленскаго подворья хлѣбъ по самой низкой цѣнѣ,—келарь повиновался, но когда царь въ скоромъ времени снова сдѣлалъ такое же предложеніе, Палицынъ возразилъ, что хлѣбъ нуженъ самимъ обитателямъ подворья, и онъ не намѣренъ выпускать его изъ житницъ для голодающаго населенія Москвы. Желай авторъ порисоваться предъ читателемъ, онъ могъ бы такъ рассказать этой случай, что выступалъ бы патриотомъ и филантропомъ, ставящимъ общую пользу выше узкаго матеріальнаго интереса подворья, которымъ онъ управлялъ. Конечно, Палицынъ могъ дать своему разсказу объ увѣщаніи имъ казаковъ своеобразное освѣщеніе, но его вмѣшательство несомнѣнно, такъ какъ и Пожарскій упоминаетъ въ грамотахъ, написанныхъ послѣ этой битвы, что онъ побѣдилъ помощью Св. Сергія, имя же этого Святаго отсутствуетъ въ его другихъ написанныхъ по иному поводу грамотахъ. Но пѣкоторые, признавая неоспоримымъ фактомъ, что представитель Троицкой политики объединилъ въ критическій моментъ обѣ рати: земскую и казачью, что нашло свое отраженіе въ упомянутой грамотѣ Пожарскаго, находятъ другое объясненіе успѣха посредничества Палицына: послѣ битвы привезли къ казакамъ драгоцѣнныя вещи изъ ризницы Лавры,—вотъ какимъ путемъ склонилъ келарь голодныхъ и оборванныхъ казаковъ принять жаркое участіе въ бою съ поляками и „все поидоша на бой“. Дѣло не въ убѣжденіи и поученіи имъ казаковъ „отъ Писанія“, какъ онъ сообщаетъ въ своемъ сочиненіи, но въ обѣщаніи матеріальной выгоды—Троицкой казны. За такое объясненіе по-видимому стоитъ весь складъ мыслей казаковъ, насколько онъ выражался въ ихъ дѣйствіяхъ: желаніе наживы повлекло этихъ по большей части добровольныхъ изгнанниковъ изъ простора той степи, въ которую они бѣжали отъ тяжести экономическаго строя государства, и которая стала ихъ новой родиной; обѣщаніемъ Троицкой казны раздражался ихъ аппетитъ къ корысти, усилилось удовлетвореніе ихъ многихъ матеріальныхъ нуждъ. Что

за дѣло было этимъ бездомнымъ скитальцамъ до русскаго отечества, которое они пришли не защищать, но грабить вмѣстѣ съ врагами? Не испаряли ли, по словамъ самого Палицына, казаки жилища съ дымомъ въ воздухъ, насыщая самую атмосферу испареніями пролитой ими крови?—При такомъ мотивированіи усердія казаковъ въ бою Палицынъ является только хитрымъ политикомъ, искуснымъ дипломатомъ, а не могучимъ силой слова патріотомъ, но есть свидѣтельства, что ризница Лавры была привезена въ казачій таборъ нѣсколько времени спустя послѣ пораженія Ходкѣвича, когда возникли новыя несогласія между обѣими ратьми на почвѣ чисто матеріальной: „вы одѣты, обуты и сыты“, говорили казаки людямъ земскаго ополченія, „а мы наги, босы и голодны“; при томъ даже поверхностнаго чтенія „Исторіи“ достаточно, чтобы признать за ея авторомъ способность говорить складно и убѣдительно. Кромѣ того несомнѣнно, что келарь имѣлъ охоту къ поученію, такъ какъ опытами его онъ щедро надѣлилъ свой трудъ, обративъ его по мѣстамъ въ нравообличительную проповѣдь. Но могли ли казаки убѣдиться его рѣчью?—Ни одинъ порочный человѣкъ не представляетъ собой скопища одного зла: въ самомъ грубомъ злодѣѣ тлѣетъ внутренняя искра совѣсти, только мало примѣтная для внѣшняго наблюденія, подобно тому, какъ исчезаетъ отъ нашихъ термическихъ ощущеній то минимальное количество тепла въ холодномъ на-ощушь тѣлѣ, которое однако обнаруживается тѣмъ, что тѣло можно охладить еще болѣе, заставивъ потерять это небольшое количество въ немъ дотолѣ бывшаго тепла. Палицынъ могъ своей рѣчью разбудить эти тлѣющія искры въ яркіе огоньки,—и испорченная натура, каковой былъ тогдашній подмосковный казакъ, способна къ аффектамъ, при которыхъ чувство беретъ перевѣсъ надъ обычной склонностью воли и заставляеть дѣйствовать энтузіастически. Конечно, такое состояніе быстро проходитъ, но всетаки создать его возможно, и съ психологической точки зрѣнія рассказъ Палицына далекъ отъ невѣроятности. Слѣды нравственнаго воздѣйствія Палицына на казаковъ проявились и въ другомъ поступкѣ стениной „голытьбы“: казаки не приняли драгоцѣнной церковной утвари, привезенной изъ ризницы

Троицкой Лавры, и поклялись не расходиться отъ столицы, пока не довершатъ ея очищенія отъ засѣвшихъ въ твердыхъ Кремля поляковъ,—значить какія-то добрыя сѣмена были засѣяны на душевной нивѣ этихъ людей, отказывавшихся ради „страха Божія“ отъ предлагавшейся имъ богатой добычи, тогда какъ пріобрѣтеніе таковой было въ недавнемъ прошломъ единственной двигательной пружиной ихъ дѣйствій: „голытьба“ привыкла не останавливаться ни предъ святотатствомъ и грабежомъ, ни предъ убійствомъ и дикимъ насиліемъ, когда дѣло шло о жививѣ, жажда которой господствовала надъ всѣми другими стремленіями вѣчно бѣднаго казака, такъ какъ легко нажитое еще легче проживалось въ удовлетвореніи низкихъ побужденій его природы, всецѣло порабоцавшихъ его чувственности, благодаря отсутствію у него благородныхъ гуманныхъ цѣлей и задачъ въ жизни; въ рассказанномъ же событіи замѣтна какая-то новая здоровая струя, проторгнувшаяся въ духовный міръ казака и излѣчившая его коренной нравственный. ведугъ.

Резюмируя сказанное относительно истинности записаннаго Палицынымъ на страницахъ его „Исторіи“, придемъ къ заключенію, что ни одно мѣсто въ этомъ трудѣ, строго говоря, не даетъ повода относить его автора къ числу искажителей истины; правда замѣчанія историка, касающіяся дѣятельности великихъ патріотовъ: Гермогена и Діонисія, крайне сухи и кратки, но этотъ лаконизмъ писателя, мало гармонирующій съ его многорѣчивостью въ другихъ мѣстахъ его сочиненія, не умаляетъ заслугъ этихъ лицъ, не искажаетъ ихъ свѣтлаго нравственнаго облика. Палицынъ ропяетъ Пожарскаго въ глазахъ читателя рассказомъ объ его трусости и „сладкопитательныхъ яствахъ“, которыми услаждался этотъ воевода съ своими прихлѣбателями—тайными агентами Заруцкаго, но въ виду страннаго совпаденія политики Пожарскаго за время его пребыванія въ Ярославлѣ съ намѣреніями Заруцкаго, которое находитъ свое разъясненіе въ рассказахъ Палицына о томъ, въ какія искусно сплетенныя сѣти казачьей политики попалъ вождь нижегородцевъ по своей довѣрчивости, можно думать, что старецъ не лжетъ въ этомъ сообщеніи,—вѣдь невоз-

можно требовать отъ него идеализаціи тѣхъ лицъ, о подвигахъ которыхъ онъ повѣствуетъ, такъ какъ онъ историкъ, а не поэтъ, созидающій эпопею. Но даже если допустимъ, что характеристика Пожарскаго сдѣлана Палицынымъ по мотивамъ субъективнымъ, т. е. антинаучнымъ, то и тогда трудъ его не будетъ обезцѣненъ для современнаго историка, подобно тому какъ не исчезаютъ достоинства труда Фукидида отъ его пристрастныхъ отзывовъ о демагогѣ Клеонѣ, обусловливаемыхъ личными отношеніями автора къ этому лицу. Впослѣдствіи келарь писалъ заключенному въ Новоспаскомъ монастырѣ Діонисію, что нѣкогда и его постигла „напрасная бѣда“. Діонисій былъ лицомъ, хорошо знавшимъ дѣятельность старца въ разгаръ смуты,—умѣстно ли было Палицыну рисоваться и предъ нимъ, какъ предъ своимъ читателемъ въ предполагаемомъ отдаленномъ будущемъ, когда пыль времени замететъ всѣ слѣды, ведущіе къ исторической истинѣ, а ея очевидцы сойдутъ въ безмолвную для вопрошающаго могилу? Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ „хульно“ было называть старца королемъ и вообще относиться съ недоувѣріемъ къ его лѣтописному разсказу о событіяхъ и лицахъ эпохи смуты.

Въ заключеніе сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о внѣшней сторонѣ „Исторіи“. Ея слогъ открываетъ въ авторѣ склонность къ витійству и метафорическому выраженію мыслей; опытами перваго насыщены всѣ патетическія мѣста „Исторіи“, гдѣ авторъ выступаетъ проповѣдникомъ-моралистомъ или глубоко потрясеннымъ картиной смуты патриотомъ, второе является въ стремленіи автора выразить отвлеченныя понятія въ конкретныхъ формахъ: купцы времени московской голодовки при Шуйскомъ „вскочили въ храмину немилосердія и закрѣпили двери жестокосердія“, этотъ аллегоризмъ при злоупотребленіи имъ со стороны автора затрудняетъ пониманіе нѣкоторыхъ мѣстъ его труда. Нашъ авторъ не удовлетворяется общеизвестными выраженіями, но подыскиваетъ взамѣвъ ихъ менѣе известные читателю; такъ, разсказавъ о филантропической дѣятельности архимандрита Іосифа, онъ сравниваетъ ее съ такою Сарептской вдовы, питавшей Фезвитянина, употребляя это слово вмѣсто известнаго каждому имени пророка „Илія“;

вмѣсто „Іоанвъ Богословъ“ онъ пишетъ „сынъ громовый“; вмѣсто дѣти—„испешіе отъ чреслъ“. Нельзя думать, что слогъ Палицына созданъ самъ собой безъ его усилія, подъ вліяніемъ частаго чтенія славянскихъ книгъ: многія мѣста „Исторіи“ ясно показываютъ, что писатель задумывался надъ выраженіемъ своихъ мыслей, въ славянскихъ оборотахъ и даже въ риомахъ, у него часто употребляется дательный самостоятельный, чуждый русскому говору: „собравшуся сонмищу сатанину и отверзшимъ исомъ уста своя“, или искусно прибираются слова въ риому: „мнозѣмъ руцѣ отъ браии престаху, всегда о дровѣхъ бои зли бываху... купивше кровію сметіе и хвастіе, тѣмъ строяще повседневное ястіе... гдѣ сѣченъ бысть молодой хвастъ, ту разсѣченъ лежаше храбрыхъ возрастъ“. Къ недостаткамъ слога можно причислить употребленіе русскихъ словъ вмѣсто общепринятыхъ славянскихъ или иностранныхъ вмѣсто русскихъ: (ааръ въ благодарственной молитвѣ, помѣщенной въ концѣ повѣствованія объ осадѣ Лавры) или неумѣстныхъ по рѣзкости сравненій: Марина съ сыномъ отъ Калужскаго вора—сука съ щенятемъ. Но не должно забывать, что Палицынъ „училища николиже видѣ“; это заставляетъ удивляться его начитанности, слѣды которой замѣтны въ „Исторіи“. Помимо знанія Св. Писанія старецъ не чуждъ свѣдѣній и изъ свѣтской литературы, такъ какъ упоминаетъ о философѣ Платонѣ и Римскихъ сивиллахъ, сравниваетъ Скопина съ героями Иліады: Ахиллесомъ и Гекторомъ. Вообще стиль разбираемаго памятника носитъ колоритъ эпохи, когда происходила борьба русскихъ выраженій съ славянскими: она отразилась въ немъ пестрою смѣсью тѣхъ и другихъ, однако при рѣшительномъ преобладаніи славянскихъ оборотовъ рѣчи. Для современнаго читателя языкъ Палицына тяжеловатъ и изобилуетъ архаизмами, на примѣръ, трудъ въ значеніи печаль, работа—рабство, борозда—траншея, кувшинъ съ зеліемъ—граната, языкъ—шпіонъ и т. д., но этотъ недостатокъ не настолько вредитъ пониманію написаннаго, чтобы трудъ историка являлся теперь безсильнымъ выполнять ввѣренную ему миссію—возвѣщать грядущимъ поколѣніямъ Божій промыслъ надъ Русью въ годину бѣдствій; онъ вносятъ

свой вкладъ въ разъясненіе того, какъ складывалось современное могущество Россіи, окрѣпнувшей подъ отеческими враждебными ударами Провидѣнія, какъ говоритъ поэтъ:

Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судьбы удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

(Полтава).

Какъ тяжелые удары молота соединяютъ на наковальнѣ въ одно цѣлое отдѣльные куски металла, такъ общее бѣдствіе уничтожило мало-по-малу удѣльную рознь, заставлявшую области при началѣ смуты относиться съ злорадствомъ къ несчастіямъ Москвы.

Московское государство было предъ смутой мозаичной группой областей, присоединенныхъ къ административному центру — Москвѣ силой оружія или ловкой дипломатіей, не останавливавшейся и предъ захватомъ непокорныхъ удѣльныхъ князей; тяготѣніе населенія областей къ Москвѣ проявлялось далеко не вездѣ, при томъ въ отдѣльныхъ слояхъ общества по своекорыстнымъ мотивамъ. Объединяющимъ началомъ для областного населенія была единоличная верховная власть — Московскій царь, который могъ, поэтому, съ большимъ правомъ, чѣмъ Людовикъ XIV, говорить: „l'état—c'est moi“. Съ удаленіемъ Шуйскаго, въ разгарѣ смуты царя не было, однако Троицкія грамоты призывали къ спасенію государства отъ антинаціональнаго польскаго элемента, — такъ идея о государствѣ оперлась на новый базисъ — узы національнаго единства. Когда „живущіе къ морю на полунощъ люди, на краяхъ студенаго моря Окіяна... даже Сибирская земля и вся яже за нею способствоваху къ Москвѣ“, — устанавливалась новая связь, по отношенію къ которой прежняя оказывалась просто механической. Такимъ образомъ несмотря на то, что къ концу смутнаго времени соціальныи строй Московскаго государства настолько распался, что взаимныя отношенія людей высшихъ и низшихъ классовъ въ эту эпоху можно характеризовать словами: „homo homini lupus“, но въ то же бѣдственное время симпатія къ Москвѣ въ однихъ мѣстахъ начала разви-

ваться, въ другихъ—окрѣпла. Палицынъ представляетъ смуту наказаніемъ за грѣхи народа, и хотя онъ писалъ заключенному Діонисію, что „не на вредъ намъ бываютъ отъ Бога казни и наказанія, но на великую пользу“, однако изъ „Исторіи“ открывається, что это положеніе старецъ признавалъ справедливымъ только въ примѣненіи къ жизни индивидуальной, но не народной, только въ узкой сферѣ первой усматривалъ добрыя послѣдствія отъ „казней и наказаній“. Для нашего историка Русь послѣ смуты какъ бы очнулась отъ тяжелаго сна, наполненнаго страшными видѣніями, мучительно гнетущими грѣзами, не приобрѣтая ничего новаго для бодрственнаго состоянія; во поэтъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ поэмы глубже проникъ въ воспитывающее народный духъ вліяніе бѣдствій: признавая ихъ за кару, онъ не отказываетъ имъ въ способности дѣйствовать развивающимъ образомъ на нѣкоторыя хорошія стороны народнаго характера. Впослѣдствіи чрезъ прорубленное Петромъ окно проникъ изъ высококультурной западной Европы въ малокультурную восточную Европейскую равнину свѣтъ техническихъ и научныхъ знаній, но онъ же воспиталъ народную волю и согрѣлъ патріотическое чувство; свою лепту въ это же дѣло внесла и мрачная, на первый взглядъ безпросвѣтная эпоха смуты. Хоть Марѳа Ивановна говорила земскимъ депутатамъ, что русскіе люди измалодушествовались, однако эти малодушные люди въ недавнемъ прошломъ откликнулись на призывъ не искуснаго оратора, способнаго своимъ талантомъ импонировать на массу, но простаго мясоторговца, снося все, что имѣли, „Blut und gut“ на алтарь поруганнаго отечества. Этотъ свѣтъ, пронизывающій яркимъ лучемъ мракъ смуты, былъ не замѣченъ Палицынымъ, не предполагавшимъ, чтобы въ грѣховной массѣ могли возникать независимо отъ внѣшняго воздѣйствія „sua sponta“ добрыя побужденія и великія чувства, и поэтому считавшимъ, что разсадникомъ таковыхъ былъ исключительно Троицкій монастырь, на который нашъ авторъ смотрѣлъ, какъ на зеленѣющій оазисъ святости въ мрачной пустынѣ пороковъ и растлѣнія мірскаго общества. Такой взглядъ автора „Исторіи“ на монастырь объясняетъ, почему въ его трудѣ приписывается:

грамотамъ Лавры такое вліяніе, какого онѣ не могли бы имѣть, не встрѣчая людей, уже болѣвшихъ душой по—Зоровавельски и поэтому ловившихъ жадно свѣтъ, лившійся изъ Троицкаго маяка въ эту бурную ночь для Русской земли.

Подъ „тяжкимъ млатомъ“ бѣдствій смуты и послѣдующихъ испытаній, выпавшихъ на долю Русской земли, она преобразовалась въ одинъ могучій организмъ, который росъ постепенно чрезъ новыя територіальныя пріобрѣтенія, пока съ одной стороны онъ не коснуля Балтійскаго моря, а съ другой не оперся на туманное побережье Великаго океана,—это великое будущее родины безсознательно предрекъ Палицынъ словами: „и начаша вся способствовати къ Москвѣ“. Лѣтописи уже съ самаго переѣзда митрополита Петра въ Москву отмѣчаютъ постепенное развитіе сочувствія къ ней въ церковномъ обществѣ сѣверо-восточной Руси, но своего кульминаціоннаго пункта эта симпатія къ церковной столицѣ достигла лишь въ смутное время, когда святыни Москвы попирались инославнымъ непріятелемъ, вошедшимъ въ Кремль въ овечьей шкурѣ, прикрывавшей его волчьи наклонности. Думы о Москвѣ какъ о церковномъ центрѣ постепенно подготовили и къ признанію ея за политическій центръ, за ядро того сложнаго политическаго тѣла, какое сложилось въ сѣверо-восточной Руси, благодаря постоянному приливу колонизаторовъ въ междурѣчье Оки и верхней Волги изъ Литовской Руси и черноморскихъ степей. Ясный результатъ дѣйствія эпохи, описанной Палицынымъ, на политическое самосознаніе общества открывается въ составѣ земскихъ соборовъ послѣ смутнаго времени: мы видимъ уже не совѣщаніе правительства съ своими агентами, воеводами и представителями приказной бюрократіи, но засѣданіе депутатовъ отъ народа; если правительство сознавало необходимость „совѣта“ отъ земли, то не значитъ ли это, что народъ, отъ котораго желали имѣть делегатовъ, достигъ нѣкоторой степени политической зрѣлости, пониманія экономическихъ и соціальныхъ задачъ. Узники, освобождаемые изъ темницы, куда лишь въ полдень, при полномъ блескѣ воздушнаго купола, обвивающаго землю, проникаетъ слабый отблескъ сіянія солнца, пріобрѣтаютъ остроту зрѣнія: народъ за время мрачной смуты привыкъ осто-

рожно осматриваться, выработывалъ въ себѣ опытность, уяснялъ себѣ свои нужды. Этотъ ростъ политическаго образованія народа остался Палицынымъ не замѣченнымъ: мгlistый туманъ, окутывавшій Русь при воцареніи родоначальника новой династїи, не далъ монастырскому публицисту-историку разглядѣть зерно лучшаго политическаго будущаго, да и его провиденціализмъ давалъ слишкомъ мало мѣста человѣческой свободѣ. Занятый всецѣло мыслью о Божественномъ міроправленіи, историкъ мало задумывался объ естественномъ ходѣ земныхъ событій; связующую нить историческихъ фактовъ онъ постоянно указываетъ въ трансцендентной сферѣ, не заботясь протянуть ее на землѣ, въ этомъ главный недостатокъ его труда. Палицынъ указываетъ на паденіе общественныхъ нравовъ, какъ на единственный источникъ смуты именно потому, что эта причина позволяла ему установить связь между грѣхомъ и наказаніемъ, но онъ недостаточно ясно устанавливаетъ роль боярскаго интриги противъ Бориса въ генезисѣ смуты: уже при Θεодорѣ Іоанновичѣ боярство стремилось къ конституціонализму польскаго пошиба, да и въ царствованіе Бориса оно шло по инерціи прежнимъ путемъ. Это вызвало борьбу между бояриномъ, царемъ и сословіемъ. Лучшій порядокъ вещей начался лишь съ воцареніемъ дома Романовыхъ. Мнихъ Авраамій остался близорукимъ зрителемъ совершающагося на современной ему аренѣ исторической жизни, написавъ не столько историческій трудъ, сколько проповѣдь къ людямъ послѣ смутнаго времени, заключающую обличеніе пороковъ мірскихъ людей, но и эта этическая сторона его „писанія“ имѣетъ интересы для церковнаго историка, давая свѣдѣнія о нравахъ людей отдаленнаго времени, сугубо важнаго на Руси, какъ начала новой эры государственной жизни, всегда такъ или иначе отражающейся и на жизни церковной.

Е. Воронцовъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ЖИЗНИ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ.

(П О Э Д Е Р Ш Е Й М У).

(Продолженіе *).

Путешествіе въ Іерусалимъ. Хронологическое распредѣленіе послѣдней части Евангельскихъ разсказовъ. Событія на пути.

(Іоанн. VII. 1—16; Лук. IX. 1—56; 57—62; Мате. VIII. 19—22).

Отдѣлъ евангельской исторіи, до котораго мы теперь дошли, имѣетъ ту особенность и трудность, что о событіяхъ сообщается только однимъ евангелистомъ. Отдѣлъ въ евангеліи отъ Луки отъ IX. 51 до главы XVIII, 14 стоитъ совершенно особнякомъ; такъ какъ евангелистъ Лука совсѣмъ опускаетъ въ своемъ разсказѣ всякія замѣчанія о времени и мѣстѣ, то трудность хронологически распредѣлить здѣсь послѣдовательно событія такъ велика, что мы можемъ сдѣлать только наиболѣе вѣроятное предположеніе, не имѣя увѣренности относительно подробностей. Къ счастью, періодъ, обнимаемый разсказомъ, коротокъ; разсказъ же ев. Луки имѣетъ замѣчательное совпаденіе здѣсь съ разсказомъ ев. Іоанна. Послѣдній упоминаетъ о трехъ посѣщеніяхъ Христомъ Іерусалима за этотъ періодъ: въ праздникъ кущей (Іоанн. VII—до X) и обновленія храма (X. 22—42), и затѣмъ объ Его окончательномъ вступленіи въ Іерусалимъ. О послѣднемъ разсказываютъ и всѣ другіе евангелисты (Мате. XX. 17 и проч.; Марк. X. 32 и проч.; Лук. XVII. II и проч.). Но если разсказъ ев. Іоанна ограничивается

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1902 г. № 22.

исключительно тѣмъ, что случилось въ Иерусалимѣ или въ самой близи его, то онъ же упоминаетъ или же съ достаточною ясностію намѣчаетъ, что въ двухъ изъ этихъ трехъ случаевъ Иисусъ Христосъ оставлялъ Иерусалимъ и удалялся въ страны къ востоку отъ Иордана (Іоан. X. 19—21; Іоан. X. 39—43, гдѣ слова ст. 39: „опять искали схватить Его“ указываютъ на прежнюю подобную же попытку враговъ Христа и Его удаление). Кромѣ этого, ев. Іоаннъ упоминаетъ еще и о путешествіи въ Виноанію,—не въ Иерусалимъ,—для воскрешенія Лазаря (Іоанн. XI) и послѣ того о собраніи враговъ Христа въ Иерусалимѣ, вслѣдствіе чего Онъ удалялся изъ іудейской территоріи въ округъ близъ „пустыни“ (XI. 54),—какъ мы полагаемъ,—на сѣверѣ, гдѣ крестилъ Іоаннъ и Самъ Христосъ былъ искушенъ, и куда Онъ и послѣ удалялся (Лук. IV. 1; V. 16; VII. 24). Мы думаемъ, что эта пустыня находилась на восточномъ берегу Иордана и направлялась къ сѣверному и восточному берегу озера Галилейскаго (Лук. VIII. 29).

Если ев. Іоаннъ указываетъ за это время на три посѣщенія Иисусомъ Христомъ Иерусалима, то ев. Лука упоминаетъ о трехъ путешествіяхъ въ Иерусалимъ (Лук. IX. 51; XIII). Последнее изъ этихъ упоминаній согласуется, относительно своего исходнаго пункта, съ замѣчаніями другихъ евангелистовъ (Матѣ. XIX. 1; Марк. X. 1), если только постоянно предполагать, что мы правильно обозначали мѣсто „пустыни“, въ которую, по евангелисту Іоанну XI. 54, Христосъ удалялся предъ Своимъ послѣднимъ путешествіемъ въ Иерусалимъ. Въ данномъ отношеніи, хотя при нашихъ настоящихъ свѣдѣніяхъ и невозможно указать мѣстонахожденія „города Еффраима,“ (Ср. предполож. у *Neubauer's Geog. de Talm.* Стр. 155), предположеніе, что онъ былъ „близъ пустыни“, даетъ намъ достаточное общее представленіе объ его мѣстоположеніи. Потому что въ новомъ завѣтѣ упоминается только о двухъ „пустыняхъ“, одной на далекомъ югѣ и другой на далекомъ сѣверѣ Перей или можетъ быть въ Десятоградіи, на которое евангелистъ Лука указываетъ, какъ на мѣсто трудовъ Крестителя. Тамъ Иисусъ Христосъ былъ искушенъ и туда онъ и послѣ отправлялся. Поэтому мало сомнѣнія въ томъ, что и ев. Іоаннъ указываетъ

(Иоанн. XI. 54) на этотъ именно округъ. И это совершенно согласуется съ замѣчаніями другихъ евангелистовъ о послѣднемъ путешествіи Христа, чрезъ границы Галилеи и Самаріи, а затѣмъ чрезъ Иорданъ и Виванію, въ Иерусалимъ.

Отсюда слѣдуетъ, какъ прежде нами было установлено, что рассказъ ев. Луки о трехъ путешествіяхъ Христа къ Иерусалиму совпадаетъ съ рассказомъ о трехъ посѣщеніяхъ Его Иерусалима, описанныхъ евангелистомъ Иоанномъ. Въ особомъ отдѣлѣ евангелія Луки (Лук. IX. 51 XVIII. 14) сообщается о томъ, что было прежде, во время и послѣ этихъ путешествій, заключенія которыхъ рассказаны ев. Иоанномъ. Настолько именно дѣло представляется достовѣрнымъ; точная же хронологическая послѣдовательность событій, въ ихъ подробностяхъ, должна быть предметомъ предположеній. Но мы теперь можемъ нѣсколько яснѣе представить, каковъ планъ евангелиста Луки въ сравненіи съ другими евангелистами. Мы наблюдаемъ, что евангеліе отъ Луки есть какъ бы переходъ отъ двухъ другихъ синоптиковъ (Матѣ. и Марк. V къ евангелію отъ Иоанна, представляетъ изъ себя родъ связующей между ними линіи. Это допускаютъ даже отрицательные критики (См. Renan, Les Evangiles, стр. 266). Главный предметъ евангелія отъ Матѣя есть ученіе и рѣчи Господа, около которой группируется исторія Его жизни. Цѣль этого евангелія показать—первоначально іудеямъ и въ формѣ удобной для нихъ, что Иисусъ былъ Мессія, Сынъ Бога живаго. Евангеліе отъ Марка есть быстрый очеркъ исторіи Христа, какъ такой. Оно занимается преимущественно Его галилейскимъ служеніемъ. Евангеліе отъ Иоанна, дающее высочайшій рефлексивный взглядъ на вѣчнаго Сына, какъ на Слово, имѣетъ дѣло почти исключительно съ іерусалимскимъ служеніемъ Иисуса Христа ¹⁾). Евангеліе же отъ Луки пополняетъ рассказы двухъ другихъ евангелій (Матѣя и Марка) и прибавляетъ къ нимъ изслѣдованіе служенія въ Перетъ, чего не было сдѣлано другими евангелистами. Такимъ образомъ евангеліе отъ Луки представляетъ также и переходъ къ четвертому евангелію, гдѣ

¹⁾ Это было бы необъяснимо на основаніи современной отрицательной теоріи объ ефесскомъ происхожденіи евангелія.

рѣчь объ іудейскомъ служеніи. Мы осмѣливаемся сдѣлать и еще шагъ: евангеліе отъ Марка даетъ общій очеркъ жизни Христа, отъ Маттея—іудейскій, Луки—языческій, а Іоанна—церковный. Мысленно можемъ идти и еще дальше: видѣть, что число *пять*, число пятокнижія и книги псалмовъ, есть также число и перваго евангелія; *четыре*, число міра, втораго евангелія (4. 4=16 главъ); *три*—третьяго евангелія (8. 3=24 главъ). А можетъ быть намъ удалось бы распредѣлить евангелія и на соотвѣтствующія секціи ¹⁾. Но это завело бы насъ не только за предѣлы нашей настоящей задачи, но и заставило бы выступить изъ области достовѣрной исторіи въ область умозрѣній.

Первый предметъ, слѣдовательно, подлежащій нашему разсмотрѣнію, есть путешествіе Іисуса Христа въ Іерусалимъ. При своемъ широкомъ взглядѣ на всю эту исторію, евангелистъ Лука представляетъ то, что въ дѣйствительности было тремя отдѣльными путешествіями, какъ *одно*, какъ путешествіе къ великому концу. По своей сознательной цѣли и предмету все, начиная съ момента окончательнаго оставленія Спасителемъ Галилеи и до Его окончательнаго вступленія въ Іерусалимъ, составляло въ высочайшемъ смыслѣ одно только путешествіе. И это то евангелистъ Лука и обозначаетъ своимъ особеннымъ способомъ. Именно какъ (Лук. IX. 31) онъ говорилъ не о смерти Христа, а объ Его „исходѣ“, который включалъ Его воскресеніе и вознесеніе, такъ и теперь евангелистъ говоритъ намъ, что когда „приближались дни взятія Его отъ міра“ ²⁾, включая сюда и указывая на Его вознесеніе,—Онъ также ³⁾ „восхотѣлъ“ ⁴⁾ идти въ Іерусалимъ“.

1) Конечно, оставили въ сторонѣ вопросъ о распредѣленія на главы, читатель можетъ съ пользою для себя сдѣлать опытъ распредѣленія евангелія на части и отдѣлы, и при своихъ изслѣдованіяхъ не найдетъ лучшаго руководства въ сравненіи съ Introduction to the Study of Gospels епископа *Весткотта*.

2) Существительное ἀνάληψις встрѣчается только здѣсь, но сродный глаголь много разъ, относительно вознесенія. О любознательномъ объясненіи Визелера не стоило бы и говорить, если бы оно не носило авторитета его имени.

3) Слово χαί, опущенное въ переводахъ, кажется, означаетъ полную рѣшимость Христа, соимѣстно съ исполненіемъ времени. Едва ли нужно доказывать, что эта частица стоитъ только въ соотвѣтствіи съ еврейскимъ соединительнымъ союзомъ.

4) Терминъ употребляется у LXX для обозначенія твердаго желанія. Въ связи съ πρόσθεον онъ встрѣчается двѣнадцать разъ.

Ев. Іоаннъ отступаетъ много назадъ и говоритъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ путешествію Іисуса Христа въ Іерусалимъ. Между послѣднимъ разсказомъ евангелія Іоанна и настоящимъ имѣется промежутокъ, или, какъ могли бы назвать его, пробѣлъ болѣе, чѣмъ въ полгода. Потому что событія, разсказанныя въ шестой главѣ евангелія Іоанна, совершились непосредственно предъ пасхой (Іоанн. VI. 4), которая была въ пятнадцатый день перваго церковнаго мѣсяца (*нисана*); а праздникъ кущей (Іоанн. VII. 2) начинался въ тотъ же самый день седьмого церковнаго мѣсяца (*тишири*). Но кромѣ главъ, относящихся къ первоначальному служенію Христа, шестая глава есть единственная въ евангеліи Іоанна, которая относится къ галилейскому служенію Христа. Мы могли бы предположить, что повѣствователь отчасти намѣренъ былъ ¹⁾ разсказать, рядомъ съ полнымъ развитіемъ ученія Христа, и о полномъ развитіи вражды къ Нему іерусалимскихъ книжниковъ, которая привела даже къ тому, что Его оставили многіе изъ Его прежнихъ учениковъ. Так. обр. глава VI могла бы быть связующимъ звѣномъ (и относительно ученія Христа и относительно оппозиціи Ему) между главою V, разсказывающей о посѣщеніи Имъ „неизвѣстнаго праздника“, и главою VII, разсказывающей о посѣщеніи праздника кущей. Шестъ или семь мѣсяцевъ между праздникомъ пасхи (Іоанн. VI) и кущей, (Іоанн. VII) и все, что совершилось въ промежутокъ между ними, отмѣчены слѣдующимъ краткимъ выраженіемъ: „послѣ сего Іисусъ ходилъ по Галилеѣ, ибо по Іудеѣ не хотѣлъ ходить, потому что іудеи (народные вожди) ²⁾ хотѣли убить Его.

Но теперь приближался праздникъ кущей. Богомольцамъ хотѣлось, вѣроятно, приходить въ Іерусалимъ предъ началомъ праздника. Потому что, кромѣ нужныхъ приготовленій, требовавшихъ времени, особенно на такомъ праздникѣ, какъ кущей, когда нужно было устраивать шалаши, въ которыхъ жить во

¹⁾ Представляются и другія, болѣе глубокия причины, и на нихъ будетъ указано при разсмотрѣніи этого событія.

²⁾ Слово „іудеи“ обыкновенно употребляется еванг. Іоанномъ именно въ этомъ смыслѣ.

время праздника, (припомнимъ) существовалъ еще обычай на одномъ изъ великихъ праздниковъ приносить нужныя жертвы ¹⁾. Припоминая, что со времени послѣдняго великаго праздника (именно праздника недѣль) протекало пять мѣсяцевъ, увидимъ, что такихъ жертвъ приносить нужно было много. Поэтому обыкновенныя праздничныя толпы богомольцевъ, которыя могли путешествовать медленно, должны были выступить изъ Галилеи въ какое нибудь время до начала праздника. Этими обстоятельствомъ вполнѣ объясняются подробности разсказа. Онѣ представляютъ еще одинъ и прискорбный примѣръ того, что Христосъ былъ одинокъ въ Своемъ дѣлѣ. Его ученики не могли понимать, ложно понимали Его ученіе. Въ виду Его близкой смерти они обнаруживали полное невѣдѣніе или спорили о своемъ будущемъ достоинствѣ. Его собственные „братья“ не вѣровали въ Него. Все теченіе недавнихъ событій, особенно неприличная и вызывающая просьба книжниковъ о „знаменіи съ неба“, глубоко потрясли ихъ. Какова была цѣль этихъ „дѣлъ“, если они дѣлались въ частномъ кругу апостоловъ Христовыхъ, въ какомъ нибудь домѣ, отдаленномъ округѣ, или даже предъ невѣжественной толпой? Если, желая быть Мессіей, Спасителемъ желалъ пріобрѣсти Себѣ извѣстность ²⁾, то Онъ долженъ былъ употреблять другія средства. Если Онъ дѣйствительно совершалъ великія дѣла, то пусть явитъ Себя предъ міромъ въ Иерусалимѣ, столицѣ іудейскаго міра, и предъ тѣми, которые могли засвидѣтельствовать реальность Его дѣлъ. Пусть Онъ выйдетъ впередъ, на одинъ изъ великихъ праздниковъ Израиля, въ храмъ,—особенно на тотъ праздникъ, который указывалъ на собраніе Мессіею всѣхъ народовъ. Пусть Онъ идетъ вмѣстѣ съ другими въ праздничной толпѣ въ Іудею, чтобы такимъ образомъ Его ученики,—не одни галилеяне, но всѣ,—могли имѣть возможность увидѣть ³⁾ Его дѣла ⁴⁾.

1) Согласно Баба К. 113 а регулярныя праздничныя чтенія начинались въ академіяхъ за тридцать дней предъ каждымъ изъ великихъ праздниковъ. Тѣ, которые присутствовали на чтеніяхъ, назывались *беней рилла*, въ отличіе отъ *беней кама*, которые присутствовали на регулярныхъ субботнихъ чтеніяхъ.

2) Тотъ же самый терминъ *паресія* встрѣчается у раввиновъ.

3) Глаголь здѣсь замѣчательный *ѣшорѣо*.

4) *Годдэ* замѣчаетъ, что стиль 4 стиха особенно гебраистическій.

Такъ какъ подобный вызовъ не былъ новъ ¹⁾, то, съ мірской точки зрѣнія, онъ не могъ считаться нерезоннымъ. Фактически онъ одинаковъ по принципу съ тѣмъ вопросомъ, который предъявляется теперь христіанству міромъ, если оно хочетъ быть принятымъ людьми. Ошибка только въ томъ, что здѣсь не обращается вниманія на вражду міра ко Христу. Слѣдованіе за Христомъ не вызывалось какимъ либо внѣшнимъ явленіемъ Его при помощи „доказательствъ“, или демонстрацій. Для этого слѣдованія требуется усвоеніе дѣтскаго духа. Явить Себя! Да это подлинно Онъ и хотѣлъ сдѣлать, хотя и не такъ какъ Ему указывали. Для явленія Себя „время“ ²⁾ еще не настало, хотя скоро и настанетъ. У нихъ есть „всегда время“, время, для такихъ мессіанскихъ манифестацій, о какихъ они думали. И это естественно, потому что міръ не могъ „ненавидѣть“ ихъ. Они и ихъ убѣжденія вполнѣ согласуются съ міромъ и его взглядами. Но ко Христу міръ питаетъ личную ненависть, потому что принципы Христа и міра противоположны и потому что Христосъ явился не для возстановленія земного царства для Израиля, а для низведенія небеснаго царства на землю, „для разрушенія дѣлъ діавола“. Отсюда слѣдуетъ, что Онъ неизбѣжно долженъ возбудить къ себѣ ненависть того міра, который лежитъ во злѣ. Въ сравненіи съ явленіемъ, котораго они хотѣли, Его явленіе будетъ иное, когда Его время исполнится. Оно исполнится скоро, исполненіе начинается въ тотъ самый праздникъ, продолжится въ ближайшей къ нему и окончится въ послѣднюю пасху. Явленіе Христа міру могло быть только таково въ виду свойственной міру вражды.

Такимъ образомъ Онъ предоставилъ „братьямъ“ Своимъ отправиться въ праздничной толпѣ, а Самъ замедлилъ. Когда же шума и публичности (которыхъ онъ желалъ избѣжать) нечего было больше опасаться, то и Онъ также отправился, но частнымъ образомъ ³⁾, а не публично, какъ братья. Ему

¹⁾ См. особенно родственное событіе и выраженіе на бракъ въ Канѣ.

²⁾ Καίρος.

³⁾ Годъ выводитъ изъ слова „тайно“, что путешествіе, о которомъ говорится у Лук. IX. 51, не могло быть тѣмъ же, о которомъ говорится у ев. Іоанна. Но

внушали. Съ этого и начинается рассказъ евангелиста Луки. Онъ читается почти какъ комментарий того, что Господь только что высказалъ Своимъ братьямъ о ненависти міра и Своемъ явленіи, о тѣхъ, кто хотѣлъ и кто не хотѣлъ принять Его. Онъ „пришелъ къ Своимъ, и Свои Его не приняли. А тѣмъ, которые приняли Его“, Онъ „далъ власть быть чадами Божиими“, „которые... отъ Бога родились“.

Первымъ намѣреніемъ Христа было, кажется, идти по болѣе прямой дорогѣ въ Иерусалимъ, чрезъ Самарію, а не за толпой богомольцевъ на праздникъ, путешествовавшихъ въ Иерусалимъ чрезъ Перею, чтобы избѣжать своихъ ненавистныхъ враговъ (самарянъ). Но Его намѣреніе вскорѣ оказалось напраснымъ. Въ самой первой самарянской деревнѣ, куда Іисусъ Христосъ напередъ послалъ приготовить мѣсто для Себя и Своихъ спутниковъ ¹⁾, Его посланнымъ сказали, что раввинъ не можетъ быть принять; что ни гостепрѣимства, ни дружескаго общенія не будетъ оказано лицу, которое шло на праздникъ въ Иерусалимъ. Посланные, которые принесли этотъ странный, восточный, отвѣтъ, встрѣтили Учителя и Его спутниковъ на дорогѣ. Отвѣтъ самарянъ былъ не только оскорбленіемъ обыкновенныхъ обычаевъ, но и актомъ открытой вражды къ Израилю, а также и ко Христу. Поэтому „сыны грома, глубоко взволнованные оскорбленіемъ ихъ Учителя, когда вражда къ Нему становилась все сильнѣе и сильнѣе, предложили защитить дѣло Израиля и Его Царя—Мессіи открытымъ и божественнымъ истребленіемъ самарянской деревни при помощи огня, посланнаго съ неба. Въ данной связи не думали-ли ученики и о видѣніи Іліи, служившаго Христу на горѣ преображенія, и не было ли такое заявленіе ихъ только примѣненіемъ къ дѣлу того, что они видѣли? Подлинно они не знали, какого

выраженіе смягченное „какъ бы тайно“ по моему мнѣнію указываетъ только на контрастъ съ публичными наломничествами, въ которыхъ обычно путешествовали на праздники,—публичность, которой братья Христа особенно желали въ это время. Кромѣ того, „тайно“ евангелиста Іоанна можетъ относиться не столько къ путешествію, сколько къ появленію Іисуса Христа на праздникъ: ср. Іоанн. VII, 11, 14.

¹⁾ Отсюда не слѣдуетъ необходимо, что толпа въ началѣ путешествія была велика. Но путники могли не найти ни гостепрѣимнаго хозяина, ни помѣщенія, гдѣ помѣститься въ Самаріи. Отсюда посольство вѣстниковъ.

духа должны быть дѣти и посланные. Тотъ, кто пришелъ не убивать, а спасти, обратился къ нимъ и порицалъ ихъ, и, продолжая Свое путешествіе, прошелъ изъ самарянской деревни въ іудейскую территорію ¹⁾. Можетъ быть Онъ и пошелъ чрезъ Самарію для того, чтобы дать Своимъ ученикамъ этотъ необходимый урокъ. Только что разъясненный взглядъ на событие подтверждается обстоятельствомъ, что ев. Матеей относитъ событие, непосредственно слѣдовавшее затѣмъ, „на другую сторону“, т. е. въ Десятоградіе (Матѳ. VIII. 18).

Путешествіе имѣло глубочайшіе интересъ и важность, потому что имѣло рѣшающее значеніе не только для Учителя, но и для лицъ, слѣдовавшихъ за Нимъ. Съ этихъ поръ оно не могло походить на прежнія путешествія, но вполнѣ и исключительно сдѣлалось путешествіемъ для страданій и смерти. Въ такомъ смыслѣ мы и рассматриваемъ три событія, совершившіяся на пути. О двухъ изъ нихъ упоминается и въ евангеліи отъ Маттея, хотя въ иной связи, въ соотвѣтствіе съ планомъ этого евангелія, которое группируетъ вмѣстѣ ученіе Христа, обращая вниманіе на хронологическую послѣдовательность, какъ на нѣчто второстепенное.

Кажется, что, послѣ сопротивленія самарянъ, путешественники направились къ другой и притомъ іудейской деревнѣ, и въ это время нѣкто ²⁾ изъ группы, и, какъ мы узнаемъ изъ евангелія отъ Маттея, „книжникъ“, одушевляясь благороднымъ энтузіазмомъ момента, можетъ быть побуждаемый дурнымъ поведеніемъ самарянъ, можетъ быть тронутый любовью, съ которою ревность учениковъ подверглась порицанію, и никакого упрека не встрѣтило негостепримство другихъ, выразилъ добровольное желаніе слѣдовать за Христомъ абсолютно вездѣ. Подобно благословенію женщины, слушавшей Его (Лук. XI. 27), это былъ одинъ изъ тѣхъ порывовъ энтузіазма, который

¹⁾ Въ тоже время, согласно лучшимъ мавускриптамъ, слова (Лук. IX, 54): „дакъ и Илія сдѣлалъ“ и (въ ст. 55 и 56) отъ: „я сказалъ“... до „спасать“ суть интерполяція. Это „глосса“, хотя и вѣрная.

²⁾ Слово *тис* здѣсь означаетъ нѣкотораго извѣстнаго человѣка, т. е. нѣкотораго изъ среды путниковъ. Разстановка словъ несомнѣнно такова: „нѣчто изъ толпы сказалъ ему на пути“, а не просто нѣкто, (въ А. V. или R. V.). Ср. камоникъ *Кукъ* ad loc. въ „Speaker's Commentary“.

возбуждался присутствіемъ Христа во всякомъ воспримчивомъ сердцѣ. Но тутъ встрѣтилось одно обстоятельство, которое этотъ книжникъ и всѣ, обладающіе подобнымъ энтузіазмомъ, не приняли въ расчетъ,—это полная бездомовность Христа въ здѣшнемъ мірѣ и не по случайнымъ обстоятельствамъ, а именно потому, что Онъ былъ „Сынъ Человѣческой“¹⁾. Тутъ же дается матеріалъ и для еще большаго размышленія въ фактѣ, что этотъ человѣкъ былъ книжникъ, и однако не пошелъ на праздникъ, а замедлилъ около Христа, былъ „однимъ“ изъ лицъ, которыя слѣдовали теперь за Нимъ и были способны къ такимъ чувствамъ²⁾! Какъ много лицъ, которыхъ мы называемъ книжниками, находятся можетъ быть въ аналогичныхъ отношеніяхъ ко Христу, и однако какъ много честныхъ обѣщаній со стороны такихъ лицъ не переходитъ въ дѣйствительность въ виду бездомовности Христа и христіанства въ этомъ мірѣ, въ виду страданій, которыя они доставляютъ людямъ, желающимъ слѣдовать за ними не кое-гдѣ, а абсолютно и всюду?

Сила самоотреченія, подразумевающаяся въ слѣдованіи за Христомъ, и ея противоположность всему, что обыкновенно принято между людьми, тотчасъ же намѣренно и выставляется на видъ. Книжникъ предложилъ слѣдовать за Христомъ. Другого изъ Своихъ учениковъ Христосъ *попросилъ* слѣдовать за Собою и эта просьба была высказана при обстоятельствахъ особенно тяжелыхъ и затруднительныхъ (Лук. IX. 59). Выраженіе: слѣдовать за учителемъ въ тѣ дни повсюду понималось въ смыслѣ дѣлаться его ученикомъ. Но далѣе, ни одна другая обязанность не считалось столь священной, какъ погребеніе

¹⁾ Мы замѣчаемъ, что названіе „Сынъ Человѣческой“ здѣсь въ первый разъ прилагается ко Христу ев. Матвеемъ. Не помѣщена ли эта исторія въ первомъ евангеліи въ этой особенной связи съ тою цѣлію, чтобы обозначить контрастъ въ обхожденіи съ сыномъ Человѣческимъ сыновъ человѣческихъ? Какъ будто евангелистъ хотѣлъ сказать: узнайте, что значить это представительное названіе—Сынъ Человѣческой, въ мірѣ людей, которые не хотѣли принять Его. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что непосредственно предшествуетъ первому приложенію со стороны людей названія „Сынъ Божій“ ко Христу въ первомъ евангеліи (Матѣ. VIII. 29).

²⁾ Едва ли нужно обсуждать предположеніе, что первые два, на которыхъ указывается въ рассказѣ, были или Вареоломей и Филиппъ, или Іуда Искаріотъ и Фома.

своихъ мертвецовъ лицами, обязанными это дѣлать. Предъ этою обязанностію все считалось неважнымъ,—даже молитва и изученіе закона (Бер. III. 1; 17 *b* и другія мѣста, особенно Мегилл. 3). Наконецъ, мы предполагаемъ нравственно достовѣрнымъ, что когда Христосъ пригласилъ ученика слѣдовать за Собою, Онъ вполнѣ зналъ о томъ, что въ этотъ именно моментъ отецъ его умеръ. Такимъ образомъ Онъ призвалъ его не только къ бездомовности,—къ ней онъ могъ быть приготовленъ, но и къ оставленію всего, что, очевидно, налагалось на него его собственными чувствами и іудейскимъ закономъ въ качествѣ наисвященнѣйшей обязанности. Разбирая странный повидимому отвѣтъ, который Христосъ далъ на просьбу сначала дозволить похоронить отца своего, мы не будемъ указывать, что, по іудейскому закону, на погребеніе и плачь по умершемъ отцѣ и на послѣдующія затѣмъ очищенія слѣдовало потратить много времени, такъ что ученику было бы трудно и почти невозможно снова настичь Христа. Остановимся лучше на простыхъ словахъ Христа. Они даютъ намъ очень торжественный и испытывающій насъ урокъ, что существуетъ высшія обязанности даже въ сравненіи съ обязанностями іудейскаго закона, или даже съ естественнымъ почтеніемъ, обязанности и призваніе высшее, чѣмъ призваніе человѣческое. Нѣтъ сомнѣнія, что Христосъ имѣлъ здѣсь въ виду вскорѣ послѣ того совершившееся призваніе семидесяти,—однимъ изъ числа которыхъ былъ этотъ ученикъ, „идти и проповѣдывать царство Божіе“. Когда мы слышимъ прямое призваніе Христа къ какому либо дѣлу, т. е. когда *увѣряемся* въ призваніи на основаніи Его собственныхъ словъ, а не заключаемъ о немъ (какъ это дѣлаемъ—мы, увы,—слишкомъ часто) на основаніи своихъ собственныхъ разсужденій объ Его словахъ, тогда этому призванію всякое иное должно уступать мѣсто. Ибо обязанности не могутъ находиться въ противорѣчій одна съ другими; такъ и обязанность относительно живыхъ и жизни должна имѣть преимущество предъ обязанностью относительно смерти и мертвыхъ. И мы не должны медлить, потому что не знаемъ, въ какой формѣ дѣло ради Христа придетъ къ намъ. Въ нашей внутренней исторіи бы-

ваютъ критическіе моменты, когда откладывать отвѣтъ на ближайшій призывъ значило бы отказываться отъ него; когда отправляясь къ мертвымъ и хоронить ихъ, даже если бы мертвецомъ сдѣлался нашъ отецъ, было бы смертію и для насъ!

Но есть и еще препятствіе къ слѣдованію за Христомъ. Еще одинъ изъ спутниковъ Его могъ идти съ Нимъ и Его учениками; но попросилъ позволенія сначала сходить къ людямъ, которыхъ онъ оставилъ въ домѣ своемъ, и проститься съ ними. Почти кажется, что такая просьба была однимъ изъ тѣхъ „пробныхъ“ вопросовъ, которые обращены были ко Христу. Да если бы было даже и иначе, то прощаніе, о которомъ шла рѣчь, не походило на прощаніе Елисея, ни на вечерю Левія—Маттея. Оно походило скорѣе на просьбу дочери Іефая, которая хотѣла провести годъ съ своими подругами предъ исполненіемъ своего обѣта. Просьба показываетъ, что слѣдованіе за Христомъ разсматривалось, какъ *обязанность*, а оставленіе жившихъ въ земномъ домѣ какъ *испытаніе*. А это указывало не только на раздѣленное сердце, во и на такое, которое не пригодно для царства Божія. Потому что можетъ ли пропахивать прямыя борозды для сѣянія чело­вѣкъ, который, возлагая свою руку на плугъ, оглядывается назадъ или смотритъ по сторонамъ?

Поэтому существенныя условія слѣдованія за Христомъ таковы: абсолютное самоотреченіе, бездомовность въ мірѣ; чуждоё медлительности и полное самопожертвованіе ради Христа и Его дѣла; простота и нераздѣльность сердца, преданныхъ Христу и Его дѣлу, — для которыхъ нѣтъ горя разлуки, кромѣ разлуки съ Нимъ, нѣтъ другой высшей радости, кромѣ радости слѣдованія за Нимъ. Съ такимъ настроеніемъ и пусть Его ученики идутъ теперь за Христомъ во время Его послѣдняго путешествія, и—на такое дѣло, которое Онъ Самъ назначитъ имъ.

Свящ. Михаилъ Оувейскій.

(Продолженіе будетъ).

ИСХОДНЫЯ НАЧАЛА ЛОГИКИ.

(Окончаніе *).

Въ основаніе науки обыкновенно полагаются или эмперическія обобщенія или теоретическія истины или постулаты (предположенія), по отношенію къ которымъ дальнѣйшее изложеніе является развитіемъ и дополненіемъ. Идеальною наукою безъ сомнѣнія была бы та, въ основѣ которой лежали бы безспорныя истины, а все содержаніе которой представляло бы несомнѣнныя слѣдствія изъ этихъ несомнѣнныхъ основаній. Къ такому идеалу приближается, но его далеко не достигаетъ, математика. Во первыхъ ея основаніямъ не достаетъ безусловной и безспориой очевидности. О нихъ спорятъ. Вторыхъ ихъ оказывается недостаточнымъ для развитія всего содержанія науки. При переходѣ къ болѣе и болѣе широкимъ построеніямъ и обобщеніямъ приходится вводить новыя понятія и постулаты, которые непосредственно не вытекаютъ изъ прежняго содержанія науки. Въ третьихъ далеко не все въ математикѣ оказывается рѣшеннымъ безусловно удовлетворительно. Но если математика—область наиболѣе простыхъ и ограниченныхъ элементовъ изслѣдованія—далека отъ своего идеала, то тѣмъ болѣе далеко отстоитъ отъ него логика, которая изслѣдуетъ всѣ методы изслѣдованія, которая есть *мысль о мысли* и прогрессъ которой обуславливается прогрессомъ во всѣхъ сферахъ мысли, т. е., во всѣхъ сферахъ знанія. Должно, конечно, признать, что достиженіе какою-бы то ни было наукою

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1903 г. № 14.

своего идеала возможно лишь при достиженіи своего идеала всѣми науками, т. е., иначе говоря, никогда не возможно. Но совершенствованіе наукъ, развитіе ихъ, происходитъ постоянно и весьма различнымъ образомъ. Однѣ двигаются быстро, другія —медленно. Позволительно думать, что логику нужно причислить къ разряду вторыхъ. Въ ея содержаніи и методахъ оказывается немного безспорнаго. Исходныя начала различными логиками указываются ей очень различныя.

Въ основу науки о мышленіи обыкновенно (но такъ не было изначала и многіе не держатся этого и теперь) полагаютъ рассужденіе о законахъ мышленія. Нѣкоторыя называютъ ихъ аксіомами мышленія. Всякая аксіома есть конечно законъ, но не всякій законъ есть аксіома. Подъ закономъ въ наукѣ разумѣется признанный неизмѣннымъ способъ существованія, сосуществованія и послѣдовательности фактовъ. Камень лишней опоры падаетъ на землю. Дерево плавающее въ водѣ вѣситъ столько, сколько вѣситъ вытесненная имъ вода (законъ Архимеда), это—законы. Съ первымъ изъ нихъ очень рано знакомится каждый, второй въ его точной формулировкѣ человѣчество узнало всего лишь съ небольшимъ двѣ тысячи лѣтъ назадъ. Этотъ законъ—не аксіома. Подъ аксіомой разумѣется непосредственно очевидный вопросъ, непосредственно очевидная истина. Прямой путь есть кратчайшій. Двѣ величины, равныя порознь третьей, равны между собою. Эти истины, говорятъ, аксіомы, потому что онѣ не нуждаются въ доказательствахъ и не могутъ быть доказываемы. Въ задачу логики входитъ обсудить вопросъ о доказательствахъ и объ аксіомахъ, но едва ли она можетъ начинать свое рассужденіе съ догматическаго требованія подчиненія какимъ-либо недоказуемымъ тезисамъ. Дѣятельность мышленія управляется законами открытыми и формулированными мышленіемъ. Но спорятъ относительно числа этихъ законовъ, ихъ содержанія и ихъ значенія. Очевидно, они не могутъ быть аксіомами въ обычномъ смыслѣ слова. Они являются пока предположеніями, а не положеніями. Обычно ихъ насчитываютъ 4: 1) законъ тождества, 2) законъ противорѣчія, 3) законъ исключительнаго третьяго, 4) законъ достаточнаго основанія.

Законъ тождества, А есть А. Всякая мысль тождественна сама съ собою. Разъясняя законъ тождества, ему приписываютъ то значеніе, что одна и та же мысль, не смотря на то, что она выражается въ различныхъ формахъ, должна быть мыслима мыслию одною и тою же. Затѣмъ, въ законѣ тождества видятъ выраженіе положенія, что всякій предметъ, всякая вещь тождественна сама съ собою. При чемъ опять присоединяютъ мысль, что различіе формъ не измѣняетъ сущности. Постараемся прежде всего понять, что такое мысль тождественная сама съ собою. Положимъ, я говорю о домѣ, въ которомъ я теперь живу, о тѣхъ удобствахъ и неудобствахъ, которыя онъ представляетъ, о его величинѣ, цѣнности и т. д. Въ моей рѣчи слова „занимаемый мною домъ“ будутъ повторяться многократно. Слова эти собственно представляютъ собою знакъ сложнаго представленія. Для того, чтобы меня понимали, нужно, чтобы во все время моей рѣчи одинъ и тотъ же знакъ понимался въ одномъ и томъ же значеніи. Если подъ словами „занимаемый мною домъ“ мои слушатели будутъ разумѣть не то, что разумѣю я, мы не поймемъ другъ друга. Но этого тождественнаго отношенія знака къ предмету еще недостаточно для того, чтобы мышленіе было возможнымъ. Нужно еще, чтобы за знакомъ скрывалось тождество содержанія. Данный домъ можетъ подвергаться измѣненіямъ. Его можно передѣлать, расширить какимъ-либо образомъ или уменьшить, несомнѣнно, что онъ непрестанно и подвергается измѣненіямъ. Онъ осѣдаетъ, старится и т. д. Принципъ тождества требуетъ, чтобы во все время разсужденія о данномъ предметѣ, какъ одномъ, мы и мыслили бы его, какъ тождественный, подразумѣвая подъ даннымъ знакомъ „занимаемый мною домъ“ то, что мы приняли подъ нимъ въ началѣ рѣчи.

Указываютъ, что въ дѣйствительности тождества не существуетъ и не можетъ существовать. Остановимся на формулѣ $A=A$. Равенство не есть тождество. А первой половины этого равенства вы мыслили раньше, чѣмъ А во второй половинѣ. Такимъ образомъ первое и второе А уже не тождественны по времени существованія въ вашей мысли. Это разсужденіе можетъ показаться софистически утонченнымъ. Но разъясненное

на примѣрѣ съ вещами оно является весьма удобопонятнымъ. Попробуемъ найти двѣ тождественныя вещи. Такихъ вещей не можетъ быть. Пусть намъ дадутъ два экземпляра одной и той же книги, могутъ ли они быть тождественны? Оба они совершенно добросовѣстно содержатъ одни и тѣ же опечатки. Но нельзя допустить, чтобы ихъ матеріалъ, былъ абсолютно тождествененъ. Они не тождественны по происхожденію во времени, одинъ напечатанъ ранѣе, другой—послѣ, они не тождественны по положенію въ пространствѣ. Одинъ, допустимъ, лежитъ на другомъ, одинъ ближе къ центру земли и вѣсъ его—правда, для насъ на неуловимую разницу—больше другого, края находятся дальше отъ земли. Тождество предполагаетъ собою совпаденіе одного предмета съ другимъ, но тогда это будетъ уже не два предмета, а одинъ. Для того, чтобы одинъ домъ былъ тождественъ съ другимъ, нужно не только то, чтобы онъ былъ выстроенъ изъ одинаковаго матеріала и по одному плану, но чтобы онъ былъ выстроенъ и на томъ же мѣстѣ и въ одно и то же время. Но тогда второй домъ совпадаетъ съ первымъ. Тождество предметовъ предполагаетъ тождество существованія ихъ въ пространствѣ и во времени, но въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ не можетъ быть двухъ предметовъ. Различныя свойства могутъ быть локализованы и обыкновенно локализуются въ одномъ и томъ же мѣстѣ, такъ какъ каждой геометрической формѣ, въ которой передъ нами являются предметы, присущи и вѣсъ и цвѣтъ и температура. Но въ одно и то же время одной точкѣ пространства не можетъ принадлежать двухъ температуръ, двухъ различныхъ вѣсовъ. Изъ этого само собою слѣдуетъ, что не только не можетъ быть двухъ тождественныхъ предметовъ, но что и одинъ и тотъ же предметъ на самое малое количество времени не можетъ оставаться тождественнымъ самимъ съ собою. Изъ приведеннымъ нами въ примѣрѣ двухъ экземпляровъ книги, остановимся теперь на одномъ. Вотъ онъ передъ нами въ данный моментъ. Теперешній данный моментъ есть уже не прежній данный, время подвинулось впередъ. Тѣмъ же ли остался нашъ экземпляръ? Нѣтъ, прежде всего онъ перемѣнился въ пространствѣ. Въ своемъ движе-

ніи вокругъ оси, каждая точка земли подвигается по направленію къ востоку въ теченіе часа на 15° . Какъ бы ни былъ коротокъ моментъ, о которомъ мы говоримъ, мы всѣ со всѣмъ, что вокругъ насъ находится, прошли въ теченіе его нѣкоторую долю 15° и мы всѣ уже не въ томъ мѣстѣ пространства, гдѣ были. Но кромѣ этого земля двигается по орбитѣ со скоростью, равною въ среднемъ около 28 верстъ въ секунду, даже въ одну четырнадцатитысячную долю секунды мы уходимъ впередъ на цѣлую сажень. Но еще вся наша солнечная система двигается по направленію къ созвѣздіямъ Лиры и Геркулеса. Все это съ несомнѣнностью утверждаетъ, что въ теченіе предположеннаго нами короткаго момента, отношеніе нашей книги къ небеснымъ мірамъ, ко всей вселенной измѣнилось. Но кромѣ этого несомнѣнно, что измѣнилось ея положеніе и на землѣ. Температура у насъ не можетъ оставаться неизмѣнною. Постоянно происходитъ процессъ нагрѣванія и охлажденія. Достаточно провести рукою по столу, чтобы вызвать нѣкоторое повышеніе температуры, такъ какъ всякое треніе развиваетъ теплоту. Это повышеніе неуловимо для нашихъ инструментовъ, но оно существуетъ дѣйствительно. Несомнѣнно, что комната, въ которой я нахожусь, обладаетъ нѣкоторымъ электрическимъ напряженіемъ, и это напряженіе измѣняется непрерывно. Книга имѣетъ цвѣтной переплетъ или обложку. Свѣтъ непрерывно дѣйствуетъ на нее химически и обезцвѣчиваетъ ее. Пройдутъ можетъ быть мѣсяцы или годы, когда будетъ открыта эта перемѣна, но эта замѣченная перемѣна будетъ уже суммою безконечно малыхъ измѣненій, происходившихъ непрерывно въ цвѣтѣ обложки. Время можетъ быть опредѣлено, какъ наименованіе процесса измѣненій или перемѣнъ. Если бы не было перемѣнъ, то не было бы и времени. Пустого времени не существуетъ. Остановившееся время, это—остановившаяся жизнь, остановившееся движеніе. Могутъ сказать, что однѣ вещи измѣняются въ то время; какъ другія остаются неизмѣнными, и такимъ образомъ, время можетъ идти мимо нѣкоторыхъ вещей. Нѣтъ, этого не можетъ быть. Въ мірѣ все связано между собою и перемѣна въ одной вещи вызываетъ измѣненіе всѣхъ вещей

въ мірѣ. Отсюда слѣдуетъ, что не существуетъ ни тождественныхъ вещей, ни тождества вещи самой съ собою.

Но существуютъ тождественныя мысли о вещи. Мысль не можетъ быть равна вещи, она не захватываетъ всѣхъ признаковъ вещи, но пусть она заключаетъ въ себѣ нужные намъ признаки вещи. Намъ нужны свѣдѣнія о вмѣстимости, планѣ такого то дома, его освѣщеніи, отопленіи, его положенія въ городѣ. Они намъ даны и мы, руководясь ими въ своемъ разсужденіи, предполагаемъ ихъ неизмѣнными. Мышленіе есть процессъ, движеніе, но этотъ процессъ для того, чтобы достигать какихъ бы то ни было результатовъ, нуждается въ нѣкоторыхъ неизмѣнныхъ точкахъ опоры. Положимъ, что я намѣренъ, окончивши писать о тождествѣ, посѣтить моего товарища, живущаго отъ меня въ верстѣ. Я непременно представляю, что пунктъ, отъ котораго я направляюсь (мѣсто моего настоящаго пребыванія), и пунктъ, къ которому я направляюсь (мѣсто жительства моего товарища), неподвижны. Иначе немислимо идти. Какъ я буду опредѣлять и рассчитывать путь отъ моего дома къ дому моего коллеги, если сами эти дома будутъ непрестанно перемѣщаться въ произвольныхъ направленіяхъ. Я могу увѣренно идти на встрѣчу и движущемуся предмету или лицу, но только тогда, когда опредѣлены и мое и встрѣчное движеніе относительно какихъ-либо неподвижныхъ пунктовъ. Тоже самое и въ мысли. Допустимъ, я пожелаю сравнить домъ, въ которомъ теперь нахожусь, съ какимъ-либо еще другимъ домомъ, моя мысль о первомъ домѣ и мысль о второмъ домѣ должны непременно оставаться тождественными сами съ собою, такъ сказать, должны оставаться неподвижными, иначе немислимо никакое сравненіе. Я измѣряю аршиномъ длину куска матеріи. Я мыслю, что и длина аршина и длина матеріи остаются тождественными. Если допустить, что аршинъ измѣняется, что секунду назадъ онъ могъ быть больше или меньше, что матерія тоже измѣняется, тогда результаты моего измѣренія не будутъ имѣть никакого значенія. Но мы говоримъ, что всѣ вещи измѣняются непрерывно: желѣзный аршинъ отъ теплоты удлиняется и укорачивается отъ холода, матерію можно нѣ-

сколько растянуть, не разрывая. Это—такъ, но наша мысль, для того чтобы получить какой либо результатъ, должна пренебречь этимъ практическимъ не имѣющимъ значенія процесомъ измѣненій, она руководится теоретическимъ принципомъ тожества и достигаетъ, благодаря этому, практически важныхъ результатовъ. Мысль можетъ производить измѣренія и измѣняющихся вещей, принимая во вниманіе измѣненія, но и въ такомъ случаѣ она эти измѣненія относитъ къ чему либо неизмѣнному. При точныхъ измѣреніяхъ длины, нельзя пренебрегать измѣненіемъ длины отъ температуры. Тогда вводится поправка на температуру. Принимая во вниманіе, что законы расширенія тѣлъ и температура, при которой производится измѣреніе, извѣстны, приводятъ длину къ температурѣ при 0. Если у насъ въ рукахъ желѣзный метръ при 15° тепла, то мы говоримъ, что его длина при 0 короче на такую то величину X, которую потомъ, при результатѣ вычисленія, помноженную на число измѣренныхъ аршинъ, и нужно будетъ принять въ расчетъ. Распиряемость измѣряемаго предмета, положимъ, равна f и опять это f должно будетъ подвергнуться учету. Нетрудно видѣть, что для того, чтобы допустить этотъ процессъ, намъ опять таки нужно признать существованіе многихъ тожествъ. Тожественности температуры во время измѣренія, тожественнаго дѣйствія закона расширенія. Вообще, какъ физическій процессъ движенія, такъ и психическій процессъ мысли для того, чтобы быть цѣлесообразнымъ, нуждается въ неподвижныхъ точкахъ, въ тожественныхъ положеніяхъ.

Намъ нѣтъ нужды теперь изслѣдовать вопросъ о томъ, существуютъ ли неподвижныя точки въ физическомъ мірѣ, но намъ необходимо обсудить вопросъ о тожественныхъ мысляхъ. Если не существуетъ тожества въ природѣ, то тогда тожество мысли и требованіе мышленіемъ этого тожества не есть ли несоотвѣтствіе мысли природѣ? А мы говоримъ, что мышленіе о бытіи можетъ быть плодотворнымъ только при соотвѣтствіи мышленія и бытія. Размышленіе, думается, легко можетъ показать намъ, что текучесть міровой жизни нисколько не противорѣчитъ предъявляемому мыслью требованію существованія нѣкоторыхъ неподвижныхъ устоевъ. Пусть вещи измѣняются

непрестанно, но наша мысль предполагаетъ, что не измѣняются законы, по которымъ происходитъ это измѣненіе вещей. Если механическое мышленіе создаетъ общія представленія то логическое мышленіе создаетъ общія положенія, которыя истинны всегда и потому всегда должны оставаться тождественными. Квадратъ есть четырехъ угольная фигура, у которой всѣ стороны и всѣ углы равны между собою. Если провести въ квадратѣ діагональ, то онъ раздѣлится на двѣ равныя части. Имѣются ли теперь на лицо въ природѣ точные квадраты или нѣтъ, намъ нѣтъ дѣла до этого, но въ понятіи квадратъ мы всегда будемъ мыслить одни и тѣ же признаки, и если намъ скажутъ, что данный квадратъ раздѣленъ діагональю, то мы, не колеблясь, утвердимъ, что онъ раздѣленъ на двѣ равныя части. Такъ, каждый законъ природы долженъ быть тождествененъ самому себѣ, такъ, каждая мысль должна быть тождественна сама съ собою. Направляютъ возраженія противъ этого нашего тезиса. Могутъ сказать, что приведенные нами примѣры неудачны, что есть математики, которые не признаютъ точною нашу теорему о квадратѣ, что физики скажутъ, что измѣненіе тѣлъ отъ теплоты само можетъ подлежать измѣненію, что вообще, найденные нами неизмѣнные законы не неизмѣнны. Пусть, найденные законы дѣйствительно не неизмѣнны. Но и это не устраняетъ мысли о неизмѣнности законовъ природы. То, что мы практически познали, какъ законъ природы, на самомъ дѣлѣ можетъ быть результатомъ взаимодѣйствія многихъ законовъ или силъ, и когда взаимоотношеніе этихъ силъ измѣнится, измѣнится и дѣйствіе нашего закона. Но опять таки останутся неизмѣнными основные законы. Это положеніе всегда должно быть противопоставляемо и теоретическому возраженію противъ существованія неподвижныхъ началъ, возраженію эволюціонной философіи. По этой философіи и принципы мышленія и закона природы не суть нѣчто вѣчное и неизмѣнное, а только—практическія обобщенія. Медленное измѣненіе принято за неизмѣнность, медленное движеніе за неподвижность. Принципы нашего мышленія—практически выработанныя руководственныя начала, полезныя для данной эпохи, но не безусловно истинныя. Это

философское разсужденіе грѣшитъ тѣмъ, что не можетъ само слѣдовать себѣ, оно признаетъ неизмѣннымъ принципъ измѣнчивости. И установивъ этотъ принципъ, какъ всегда себѣ тождественный, и мысля о немъ по закону тождества, оно потомъ приходитъ къ отрицанію факта тождества. Если нѣтъ неизмѣнныхъ принциповъ, то нельзя утверждать, что все измѣняется, и всякое измѣненіе предполагаетъ за собою нѣчто неизмѣнное. Измѣняющееся сравнивается съ неизмѣннымъ. Ребенка мѣряютъ одною и тою же неизмѣнною мѣрою и замѣчаютъ, что онъ выросъ.

Указываютъ на то, что принципъ тождества противорѣчитъ тотъ фактъ, что подъ вещью всегда разумѣютъ не то, что она есть, а то, что она не есть. Дѣло вотъ въ чемъ: Мнѣ показали предметъ. Я мыслю, что это яблоко, потому что оно имѣетъ такую то форму, такой то цвѣтъ, такую то величину. Я опредѣляю и породу яблока, но вѣдь въ этомъ яблокѣ есть нѣчто индивидуальное, что отличаетъ его отъ всѣхъ яблоковъ въ мірѣ, а я мыслю въ немъ признаки, которые сближаютъ его съ другими яблоками, которые я наблюдалъ въ другихъ яблокахъ. Допустимъ, что я нашелъ въ немъ нѣчто особенное, ну что оно червиво или что оно начало гнить, но и эти признаки я наблюдалъ на другихъ яблокахъ. Вообще для меня понятны только тѣ признаки предмета, съ которыми я уже знакомъ; такимъ образомъ я подъ даннымъ предметомъ мыслю то, что отвлечено мною отъ другихъ предметовъ, я мыслю не объ особенномъ заключающемся въ данномъ предметѣ, а о томъ, что у него общаго съ другими предметами. Въ моей мысли нѣтъ того, что дѣлаетъ вещь именно этою вещью, а наоборотъ есть нѣчто, лишающее вещь печати индивидуальности. Это разсужденіе должно быть признано неправильнымъ. Пусть подъ вещью, данною мнѣ теперь, я мыслю совокупность признаковъ извѣстныхъ мнѣ давно, но совокупность этихъ признаковъ мыслится мною въ новомъ особенномъ сочетаніи. Если мы будемъ разсматривать признаки какого-либо лица, цвѣтъ волосъ, форма носа и т. д., то взятые въ отдѣльности эти признаки, конечно, могутъ быть у множества другихъ лицъ, но въ совокупности они встрѣчаются только у даннаго

лица. Поэтому, мысля ихъ въ данномъ сочетаніи, я мыслю только данное лицо, подъ А, я мыслю только А, я слѣдую въ данномъ случаѣ равнымъ образомъ и логикѣ и природѣ.

Говорятъ каждый предметъ измѣняется непрерывно, поэтому и не остается тождественнымъ самому себѣ. Но говоря это, вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаютъ, что процессъ измѣненія обыкновенно совершается медленно. Что значитъ это? Значитъ, что предметъ измѣняется сразу не во многихъ отношеніяхъ, что въ большей части онъ остается тождественнымъ тому, чѣмъ былъ. Мы нагрѣли предметъ, онъ увеличился въ объемѣ, сдѣлался менѣе твердъ, однако принято полагать, что его физическая природа осталась неизмѣнной, неизмѣннымъ остался матеріалъ, изъ котораго онъ сдѣланъ, его абсолютный вѣсъ (удѣльный вѣсъ уменьшился). Такимъ образомъ, при отсутствіи тождества абсолютнаго, остается тожество относительное, тожество въ нѣкоторыхъ признакахъ. Обыкновенно объ этомъ относительномъ тожествѣ, о тожествѣ предмета въ нужныхъ намъ признакахъ мы и ведемъ рѣчь. Тогда возможно не только тожество предмета съ самимъ собою, но и тожество различныхъ предметовъ. Это тожество есть сходство. Сходства бы не было, если бы не существовало тождества. Эти два человѣка, говоримъ мы, сходны по своему характеру, это значитъ, что въ ихъ характерѣ есть какія либо тождественныя черты. Двѣ фигуры, изъ которыхъ одна большая, а другая маленькая, сходны между собою, потому, что тождествененъ геометрическій законъ ихъ образованія, та и другая подчинены одному и тому же закону пропорцій. Шары могутъ быть и очень большими и очень маленькими, но всѣ они по своей формѣ сходны между собою, потому что всѣ они образованы по тождественному, т. е., одному и тому же закону: всѣ точки ихъ поверхности находятся въ равномъ разстояніи отъ центра.

Тожество есть исходное начало для двухъ великихъ принциповъ различія и сходства. Припомнимъ нашъ примѣръ мыслящихъ вѣсовъ. Тяжесть А, нѣсколько разъ подвѣшиваемая къ вѣсамъ и затѣмъ снимаемая, познается ими, какъ тождественная. Затѣмъ нѣсколько различающаяся отъ нея тяжесть

В познается, какъ различная. Мы приводили потомъ предположеніе, что подвѣшивались тяжести близкія къ А и близкія къ В, первыя познавались, какъ сходныя съ А, вторыя, какъ сходныя съ В. Можно и усложнить примѣръ и вмѣстѣ съ тѣмъ упростить выясненіе происхожденія идеи сходства. Пусть наши мыслящіе вѣсы обладаютъ еще зрѣніемъ. Пусть тяжесть А и В имѣютъ одинаковую геометрическую форму, но различную величину и различный цвѣтъ А—зеленый, В—красный. Пусть потомъ мы подвѣсили тяжесть С, имѣющую внѣшній видъ А, а вѣсъ В. Зрѣніе отождествитъ С съ А, ощущение тяжести отождествитъ С съ В. Это не полное тожество, а тожество въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мысль и полагаетъ, какъ сходство. *Мысль проходитъ три этапа: во первыхъ, она констатируетъ тожество. Тожество, это и точка опоры и исходная точка, во вторыхъ, мысль констатируетъ различіе, но при различіи, оказывается, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сохраняется и тожество, въ третьихъ, мысль константируетъ его, какъ сходство.*

Въ простѣйшемъ примѣрѣ мыслящихъ вѣсовъ было показано, что идея сходства можетъ развиваться изъ трудности установить различіе. Тяжести А и В различны, но могутъ быть тяжести столь близкія по вѣсу къ А и В, что ихъ можно смѣшать. Сознвая фактъ различія и съ трудомъ устанавливая его, тогда говорятъ, что сравниваемые предметы очень сходны. Мы указали на психо-физиологическій законъ по которому различія, стояція ниже нѣкоторыхъ предѣловъ, неуловимы для нашихъ органовъ чувствъ, и потому предметы съ такими малыми различіями нами легко могутъ быть отождествляемы. Безъ сомнѣнія, то, что не всякое различіе воспринимается нами, имѣетъ для насъ важное гносеологическое значеніе. Если бы нами улавливалось всякое различіе, мы не могли бы познать всей безконечной суммы предметовъ и существъ встрѣчающихся намъ на пути жизни. Нашъ познавательный аппаратъ былъ бы подавленъ безчисленностью воспринимаемыхъ имъ впечатлѣній. Теперь нѣтъ этого. Природа показывается намъ сначала, такъ сказать, въ общихъ контурахъ, а тѣмъ облегчаетъ дѣло ея изученія. Далѣе, искусственные

аппараты постепенно помогаютъ намъ изучать детали и нюансы природы. Мы отождествляемъ вѣсъ $A+x$ съ вѣсомъ A . Положимъ, A =пуду, x =золотнику. Предметы тождественны въ томъ, что вѣсъ A принадлежитъ имъ обоимъ. На вопросъ: будетъ ли въ 1-мъ и 2-мъ грузѣ пудъ, вамъ отвѣтять будетъ, но они различны въ томъ, что первый грузъ сверхъ пуда A владѣетъ еще вѣсомъ въ золотникъ x , а второй не имѣетъ этого добавочнаго вѣса. Это различіе очень ничтожно, для нашихъ органовъ чувствъ оно неуловимо, неуловимо и для многихъ вѣсовъ. Практически, конечно, пренебрегаются и большія различія и иногда меньшія могутъ имѣть большое значеніе. Если на желѣзнодорожныхъ вѣсахъ при свѣшиваніи груза $A+x$ стрѣлка покажетъ, что въ грузѣ болѣе пуда, то, оставляя въ сторонѣ вопросъ о минимальности этого больше, съ насъ возьмутъ за 10 фунтовъ, что при значительномъ разстояніи должно будетъ сказаться уже доступной органамъ чувствъ серебряной монетой. Такъ, имѣются условныя практическія границы тождества и различія вѣсовъ. Но всѣ эти условныя тождества, возможны лишь при существованіи тождества дѣйствительнаго. Тождество, которое мы знаемъ ближе всего и которое служитъ основою всего нашего познанія и всей нашей дѣятельности, есть тождество нашего я. Если измѣненіе въ чемъ-либо есть измѣненіе во всемъ, какъ это утверждаютъ нѣкоторые, то тогда непрестанное измѣненіе нашего я, содержанія нашего сознанія, дѣлало бы невозможнымъ для насъ мышленіе. Существуетъ теорія въ психологій, что мое „Я“, это только сумма всего того, что составляетъ содержаніе духа въ данный моментъ, причемъ духъ, какъ ложе рѣки, самъ по себѣ равенъ нулю, но какъ подъ рѣкою мы мыслимъ находящуюся въ немъ въ данный моментъ воду, такъ и подъ душой разумѣютъ непрерывно измѣняющіяся и текущія мысли, чувства, желанія, образуемая внѣшними и внутренними факторами. „Я“ есть только условное обозначеніе момента въ душевной жизни. Наша душа съ этой точки зрѣнія есть постоянно двигающееся и перемѣщающееся зеркало, въ которомъ не можетъ ничего отразиться правильно, которое слѣдовательно, если оно мыслить, не можетъ составить ни

одного правильнаго сужденія. Каждый, конечно, имѣетъ право считать свою душу, чѣмъ ему угодно, но позволительно однако утверждать, что всѣ люди въ своихъ логическихъ операціяхъ выходятъ изъ принципа тождества своего мыслящаго „я“.

Законъ тождества имѣетъ свою формулою $A=A$. Онъ называется *principium identitatis*. Его выражаютъ также въ формулѣ *omne subiectum est praedicatum sui*. Нѣкоторые расширяютъ значеніе этого положенія. Они подводятъ подъ этотъ принципъ *principium convenientiae* законъ согласія или относительнаго тождества. Они говорятъ, что подъ законъ тождества подходятъ аксіомы, равенства. Прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками. Прямой и кратчайшій—это, говорятъ, тождественныя понятія. Но съ этимъ нельзя согласиться. A есть A , это тождество. Но тождество прямоты и краткости еще должно быть выяснено. Можетъ быть изъ одной точки можно переходить въ другую, не переходя промежуточнаго пространства. Тогда вопросъ о кратчайшемъ разстояніи, связанный съ вопросомъ о пространствѣ, окажется не такъ легко разрѣшимымъ. Прямую линію иногда опредѣляютъ, какъ такую, у которой, если 2 точки неподвижны, то она вся остается неподвижною. Чтобы выяснитъ, что такая линія есть кратчайшая, нужно выяснитъ понятіе „движенія“. Кратчайшеесть есть признакъ прямой линіи, пускай онъ вытекаетъ изъ понятія прямизны, но такъ какъ онъ самъ по себѣ не есть прямизна, то здѣсь нѣтъ безусловнаго тождества. Точно также выраженіе $4+6=3+7$ не есть тождество. Здѣсь мы имѣемъ равенство. Тождество будетъ $10=10$. И только тогда, когда мы приведемъ первое выраженіе ко второму виду, мы получимъ тождество. Равенство и преобразованіе равенствъ ($4+6=3+7$) основываются на законѣ тождества, но ихъ не должно отождествлять съ самимъ закономъ, какъ выводы изъ аксіомы нельзя отождествлять съ аксіомами. Вообще число началъ не должно быть умножаемо, должно умножать выводы изъ принциповъ, но не принципы. Принципъ экономіи въ сферѣ мышленія требуетъ, чтобы все мыслимое утверждалось на немногихъ и простыхъ основахъ. Первою такою основою въ логикѣ и должно признатъ законъ безусловнаго тождества $A=A$, Н. В.

Гоголь есть Н. В. Гоголь. Н. В. Гоголь есть авторъ „Ревизора“ уже не тожество. Равносторонній треугольникъ есть равносторонній треугольникъ, это есть тожество. Равносторонній треугольникъ есть равноугольный треугольникъ есть истина, но не тожество. Когда равенство двухъ положеній установлено ($A=B$), тогда одно можно замѣнить другимъ, это будетъ сведеніе къ тожеству. Это постоянно происходитъ и это есть утилизація принципа.

Законъ противорѣчія. А не есть не А. Законъ тожества утверждаетъ, что А есть А, но этого мало: А есть *только* А и поэтому все, что есть не А, не есть А. Законъ тожества утверждаетъ бытіе предмета со всѣми его признаками, законъ противорѣчія ограничиваетъ это бытіе. Если Москва лежитъ подь $55^{\circ}45'$ широты, то все то, что не лежитъ подь указанными градусами или лежитъ не подь указанными, не есть Москва. Если Сократъ жилъ между 469—399 г. до Р. Х., то, значитъ, онъ не жилъ въ II вѣкѣ до Р. Х. Однако для выводовъ по закону противорѣчія нужно, чтобы существовало тожество и чтобы въ сужденіи, противорѣчащее которому отрицается, тожество было соблюдено. Если всякій предметъ непрерывно мѣняется во всѣхъ отношеніяхъ, то пока мы говоримъ А есть А, это А уже стало не А. Вчерашній юноша сталъ сегодняшнимъ старикомъ. Замѣтимъ, что для отрицаній по закону противорѣчія требуется, чтобы тожество было установлено правильно, т. е. такъ, чтобы подлежащее и сказуемое были взаимно замѣнимыми. Квадратъ есть прямоугольникъ. Это положеніе правильно, но оно не тожество. Нельзя сказать, что прямоугольникъ есть квадратъ, всѣ прямоугольники съ неравными сторонами не суть квадраты. Затѣмъ, если намъ показываютъ какой вибудь квадратъ, то онъ кромѣ того, что прямоуголенъ, можетъ быть зеленымъ, сѣрымъ. Будучи А, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть и В. Только когда признаками А опредѣляется весь предметъ, можно говорить, что А не есть не А. Такъ, говоря о квадратѣ, какъ геометрической фигурѣ и опредѣляя его, какъ четырехугольникъ, у котораго всѣ стороны и всѣ углы равны, опредѣляютъ его вполне, такъ какъ всѣ прочія его свойства—а ихъ можно вывести безчисленное множество—вытекаютъ

изъ этихъ. Установивъ опредѣленіе, приведенное къ тождеству, можно пользоваться принципомъ противорѣчія. Онъ прилагается ко всѣмъ сферамъ и научной и практической жизни и имѣетъ великое значеніе. На судѣ alibi есть неопровержимое доказательство невинности подсудимаго. Но сущность alibi есть приложеніе къ факту припципа противорѣчія. Между 2-мя и 4-мя часами ночи 1 сентября въ городѣ N на улицѣ A совершено убійство. Заподозрѣнъ такой-то. Но этотъ такой-то неопровержимо показалъ alibi—свое присутствіе въ моментъ преступленія не на мѣстѣ совершенія преступленія. Его признаютъ невивовнымъ. А не есть не А. Человѣкъ, находившійся 1-го сентября между 2 и 4 часами въ своей квартирѣ на улицѣ B не есть человѣкъ, не находившійся въ указанное время въ указанномъ мѣстѣ или не есть человѣкъ, находившійся въ указанное время не въ этомъ мѣстѣ, не есть убійца. Приведеніе къ принципу противорѣчія есть остроумнѣйшій, простѣйшій и въ то же время сильный приѣмъ для доказательства многихъ истинъ. Онъ очень часто употребляется въ элементарной геометріи. Припомнимъ ходъ доказательства во многихъ теоремахъ. Нужно доказать, что А есть В. Дѣлается предположеніе, что А не есть В. Это предположеніе съ необходимостью приводитъ къ выводу, что А не есть А. Изъ нелѣпости вывода дѣлается заключеніе къ нелѣпости предположенія, изъ котораго онъ вытекаетъ. Проверить это можно на какомъ угодно положеніи. Допустимъ, намъ нужно доказать, что діагональ квадрата дѣлитъ квадратъ пополамъ. Допустимъ, что она дѣлитъ не пополамъ. Тогда при наложеніи частей квадрата, одна на другую, онѣ не должны совпасть, но если онѣ не совпадутъ, то значить стороны и углы квадрата не равны. Этотъ выводъ нелѣпъ, такъ какъ стороны и углы квадрата равны; значить нелѣпо допущенное предположеніе. Приведеніе къ началу противорѣчія совершается совмѣстно съ приведеніемъ къ началу тождества, и, какъ увидимъ мы далѣе, совмѣстно съ другими принципами. Приведеніе тезиса къ противорѣчію съ самимъ собою есть уничтоженіе тезиса. А есть В, А есть не В, соединимъ два эти положенія и у насъ получится О. Я имѣю 5 рублей, я не имѣю 5 руб-

лей. Послѣ этихъ двухъ тезисовъ ничего нельзя сказать общиѣ—имѣю ли я или не имѣю 5 рублей. Во имя разныхъ косвенныхъ соображеній слушатель можетъ признать одно изъ моихъ положеній истиннымъ, а другое ложнымъ, но сами по себѣ во взаимномъ сопоставленіи они погашаютъ одно другое, все равно какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ погашаются интерференціею звуки или лучи. Въ жизни, конечно, нельзя просто погашать противорѣчія, но приходится разбираться съ ними. Въ приведенномъ мною примѣрѣ я могъ сказать, что я имѣю 5 рублей, чтобы похвастать, или въ видѣ обѣщанія дать ихъ, если мнѣ окажутъ какую либо услугу. Затѣмъ вошло новое лицо и попросило у меня 5 рублей займы; давать займы вообще пренецпріятная вещь. Я говорю—я не имѣю 5 рублей. Для того, кто слушалъ оба мои эти утвержденія, съ логической точки зрѣнія я погасилъ, уничтожилъ самого себя, но съ практической точки зрѣнія дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Въ одномъ изъ двухъ случаевъ я солгалъ, но путемъ окольныхъ соображеній можно съ большей вѣроятностью рѣшить, въ какомъ именно случаѣ я допустилъ ложь. Такъ въ области историческихъ наукъ часто нельзя прилагать такъ прямо и рѣшительно принципъ противорѣчія, какъ это постоянно допускается въ математической сферѣ. Еслибы кто захотѣлъ при оцѣнкѣ историческихъ документовъ прямолинейно выдвинуть принципъ противорѣчія, ему бы пришлось поставить крестъ надъ массою историческаго матеріала. Матеріаль въдъ этотъ нерѣдко бываетъ такого рода: А въ надгробной рѣчи надъ В говоритъ: „какой свѣтильникъ разума угасъ, какое сердце биться перестало“. И въ это же время тотъ же А пишетъ къ С о томъ же самомъ свѣтильникѣ разума и благородномъ сердцѣ, что такого мѣднаго лба и такой черной души не существовало. Мы легко логическимъ путемъ выводимъ, что мѣдный лобъ и свѣтильникъ разума—понятія, которыя нельзя отождествлять, и что точно также нельзя отождествлять благороднаго сердца и черной души. Рѣчь и письмо взаимно уничтожаютъ другъ друга. Исторія знаетъ не мало такихъ логически взаимно другъ друга уничтожающихъ документовъ. Имѣются и были издавна придворные историки, отъ

которыхъ рядомъ съ оффиціальною исторіей оставалась *historia arcana*—исторія тайная, писавшаяся подь сурдинку, распространявшаяся между немногими. Историкъ, конечно, не можетъ и не долженъ игнорировать той и другой исторіи. Много истины можетъ оказаться въ той и другой, много побочныхъ соображеній нужно бываетъ призвать историка на помощь, чтобы оцѣнить степень правдивости того или другого историческаго свидѣтельства. Если въ исторіи не нужно спѣшить пользоваться принципомъ противорѣчія, чтобы отвергать значеніе документовъ, то въ другихъ областяхъ не должно спѣшить пользоваться аргументомъ противорѣчія, какъ доказательствомъ неотразимой силы. Его нерѣдко примѣняли и примѣняютъ, чтобы отрицать самыя дорогія вѣрованія и убѣжденія человѣчества. Люди вѣрятъ, что причина міра есть Богъ и что Богъ абсолютно благъ, но въ мірѣ существуетъ зло и страданія, которыхъ абсолютно благое существо, говорятъ, допустить не могло. Слѣдовательно Бога нѣтъ. Человѣкъ чувствуетъ себя отвѣтственнымъ за свои дурные поступки. Но законъ причинности утверждаетъ, что всякія дѣйствія, всякіе поступки суть необходимое слѣдствіе предшествовавшихъ условій. Значитъ и дурные поступки человѣка—акты необходимости. Но никто не отвѣтствененъ за то, что онъ дѣлаетъ по необходимости. Значитъ, воръ и убійца не отвѣтственны за свои дѣянія. Не только законъ наказываетъ ихъ несправедливо, но самая совѣсть, если она у нихъ осталась, мучаетъ ихъ, причиняетъ имъ совершенно не заслуженныя страданія. Не легко разобратъ въ этихъ положеніяхъ. Кантъ въ рядѣ антимоній показалъ, что, пользуясь принципомъ противорѣчія, можно съ одинаковою силою утверждать противорѣчащія положенія. Въ такихъ случаяхъ для того, чтобы принять тотъ или другой выводъ, мы должны—подобно историкамъ—призвать на помощь иныя соображенія, соображенія этическаго, эстетическаго и телеологическаго характера. Заключить высшія истины, самыя дорогія и самыя святыя для человѣчества, въ формулы, имѣющія математическую силу убѣдительности, не удастся доселѣ человѣчеству. Принципъ противорѣчія, съ такимъ успѣхомъ примѣняемый обыкновенно на

практикѣ и въ положительныхъ сферахъ знанія, приложенный къ понятіямъ вѣчнаго, безконечнаго, абсолютнаго добра, свободы, безсмертія, повидимому готовъ насъ самихъ запутать въ противорѣчіяхъ. Только два начала могутъ безопасно провести человѣка по лабиринту недоумѣній при обсужденіи высшихъ вопросовъ. Эти начала: *вѣра въ существованіе правды и любовь къ правдѣ.*

Человѣкъ ограниченъ. Въ попросахъ высшихъ эта ограниченность сама открывается ему, такъ какъ онъ самъ видитъ, что запутывается въ рѣшеніи проблемъ, но, можетъ быть, къ счастью для себя, благодаря своей ограниченности, онъ не видитъ, что его дѣйствія, убѣжденія и слова во многомъ являются сѣтью противорѣчій. Свести два положенія къ принципу противорѣчія значитъ показать ихъ несовмѣстимость для мысли. Но далеко не всегда это легко сдѣлать. Мнѣ говорятъ, разложите число 5 на такія двѣ части, чтобы произведеніе ихъ равнялось 3. Если одинъ множитель будетъ равенъ 2, другой будетъ равенъ 3, произведеніе равно 6. Если одинъ множитель 1, другой 4, произведеніе 4, если одинъ $=\frac{1}{2}$, другой $=4\frac{1}{2}$, произведеніе $=2\frac{1}{4}$. Я могу долго искать производителей, сумма которыхъ равняется 5-ти, а произведеніе 3-мъ. А между тѣмъ такихъ чиселъ не можетъ быть, хотя и могутъ быть такія величины. Принципъ противорѣчія показываетъ, что предъявленное въ задачѣ требованіе невыполнимо. Но противорѣчіе въ требованіи, вѣдь, далеко неочевидно. На практикѣ прямо пренебрегаются малыя противорѣчія. Площадь круга не можетъ быть выражена числами, и однако ни одинъ землеѣръ не смутится, если вы предложите ему, измѣрить какой либо, скажемъ, круглый садъ, выразить площадь его въ квадратныхъ саженьяхъ и аршинахъ.

Естественно возникаетъ мысль: тотъ фактъ, что мы миримся съ противорѣчіями, не долженъ ли внушать недовѣріе нашему мышленію? Разсуждая о принципѣ тождества, мы отмѣчали, что мы расширяемъ область тождественнаго, ограничиваемъ сферу различій. Теперь оказывается, что мы произвольно суживаемъ сферу противорѣчиваго, ограничиваемъ область непримиримаго. Второе есть неизбежное слѣдствіе перваго, и оно есть слѣд-

ствіе не того, что погрѣшимо наше мышленіе, а того, что ограничена наша память и ограничена воспріимчивость нашихъ органовъ чувствъ. Во всякій кругъ можно вписать массу квадратовъ (т. е. я разумѣю вписать внутри круга, а не такъ только, чтобы вершины квадрата лежали на окружности) и можно вписать ихъ такъ, что мѣста круга, незаполненные такими квадратами будутъ меньше всякой данной величины. Ими можно пренебречь, а сумма вписанныхъ квадратовъ выразить площадь круглаго сада съ такою степенью приближенія, которая совершенно достаточна для всѣхъ практическихъ расчетовъ. Площадь точно равняется $A+x$, x неизвѣстенъ, но извѣстно, что онъ очень малъ, и вотъ—не впадая въ большую погрѣшность, говорятъ, что площадь равняется A . Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ отрицаніемъ принципа противорѣчія, а съ пренебреженіемъ малыхъ различій. Правда, мы выражаемся не точно. Мы говоримъ: площадь этого круга 10000 квадр. сажений, а нужно бы сказать площадь этого круга весьма незначительно отличается отъ 10000 кв. сажений. Но мы взаимно понимаемъ этотъ условный языкъ. Если мы вдумаемся въ выраженія, которыя употребляемъ, то увидимъ, что за ними скрывается масса несообразностей, хотя мы разумѣемъ за ними совершенно вѣрныя положенія. Я говорю: солнце взошло. Во 1) солнце не можетъ ходить, потому что у него нѣтъ ногъ и нѣтъ способности къ произвольнымъ движеніямъ, оно можетъ катиться, двигаться, но не восходить; во 2) я вовсе не хочу сказать, что солнце подвигалось, хотя и говорю это. Я разумѣю, что подвинулась земля, а не солнце и подвинулась отъ запада къ востоку такъ, что стало видно солнце. Способъ выраженія совершенно неправильный и однако понятный всѣмъ, и астрономамъ и крестьянамъ, только одни сущность факта понимаютъ такъ, а другіе иначе. Такъ и въ теоремѣ о площадяхъ. И здѣсь знакомый съ геометріей понимаетъ, что выраженіе не точно—о чемъ можетъ не догадаться не знающій геометріи—и онъ поступаетъ не мыслю, не принципомъ противорѣчія, а только словами. Когда мы объясняемъ что-нибудь дѣтямъ, то для того, чтобы объяснить что нибудь, намъ приходится поступаться точностью.

Выраженіе становится менѣе вѣрнымъ, но за то мысль болѣе понятна.

Въ рядѣ фактовъ, аналогичныхъ приблизительному измѣренію площадей, мы имѣемъ не тотъ фактъ, что нарушается принципъ противорѣчія, а тотъ что нашимъ званіямъ не достаетъ абсолютной точности. Вѣдь на самомъ дѣлѣ площадь сада и не можетъ быть точнымъ кругомъ, и наши измѣренія приблизительны, и формулы имѣютъ лишь приблизительную точность. Только при абсолютно точномъ знаніи мы не утверждали бы о вещахъ взаимно противорѣчащихъ положеній, что не можетъ быть квадрата равновеликаго кругу, и что площадь даннаго круга равна квадрату, заключающему 10000 кв. сажень, сторона котораго равна 100 сажнямъ. Абсолютно точное знаніе намъ недоступно, и мы довольствуемся знаніемъ приблизительнымъ. Но есть еще другой родъ фактовъ, стоящій на первый взглядъ тоже какъ бы въ противорѣчіи съ требованіями закона противорѣчія. Это: исключенія изъ общаго правила. Намъ говорятъ: тѣла расширяются отъ теплоты. Но потомъ оказывается, что вода въ нѣкоторыхъ предѣлахъ сжимается отъ теплоты и расширяется отъ холода. Ледъ плаваетъ въ водѣ, потому что вода при пониженіи ея температуры до 0° и при переходѣ въ твердое состояніе увеличивается на $\frac{1}{10}$ своего объема. Поэтому вода, ставъ льдомъ, дѣлается менѣе плотною и болѣе легкою. Какъ же намъ согласить эти два положенія? Тѣла расширяются отъ теплоты, вода при повышеніи температуры отъ 0° до 4° по Ц. сжимается. Логика насъ во всякомъ случаѣ обязываетъ утверждать, что или нѣтъ такого закона или нѣтъ изъ него исключеній. Но исключеніе есть на лицо, значитъ, скажутъ, нѣтъ закона. Нѣтъ, можно взглянуть на дѣло иначе. Будемъ нагревать воздухъ въ нагнетательномъ сосудѣ и въ тоже время сжимать его. Онъ будетъ и нагреваться и сжиматься. Этотъ фактъ не противорѣчитъ закону, что тѣла отъ теплоты расширяются, мы въ нашемъ опытѣ ввели новую силу, препятствующую дѣйствию расширенія. Не происходитъ ли вѣчто подобное и въ водѣ (въ висмутѣ, въ чугунѣ) въ нѣкоторыхъ предѣлахъ температуры? При нагреваніи тѣла частицы его стремятся

сблизиться между собою. Водяные кристаллы имѣютъ гексогональную форму ($\times$). Соедините три спички серединами такъ, что эти спички образуютъ между собой шесть равныхъ угловъ. Образовавшаяся у васъ фигура дастъ вамъ точное представленіе объ основной формѣ водяныхъ кристалловъ (льда, снѣга). Представимъ нѣсколько такихъ фигуръ. Онѣ могутъ, такъ сказать, входить одна въ другую, не соприкасаясь. Теперь представимъ, что происходитъ пониженіе температуры. Частицы тѣла стремятся прійти въ соприкосновеніе. Но чтобы концы такихъ фигуръ пришли въ соприкосновеніе, нужно, чтобы разошлись центры, чтобы фигуры вышли одна изъ другой. Когда дѣло произойдетъ такимъ образомъ, то мы будемъ имѣть, что вслѣдствіе стремленія частицъ при пониженіи температуры къ сближенію, при нѣкоторыхъ пониженіяхъ температуры объемъ воды будетъ увеличиваться. Такимъ образомъ то, что сначала явилось противорѣчіемъ принципа, въ концѣ концовъ оказалось его подтвержденіемъ. Должно оговориться, что въ вопросѣ о водѣ пока разъяснено не все, и что въ нашемъ изложеніи представлено дѣло въ схематически упрощенномъ видѣ. Но весьма вѣроятно, что приведенное объясненіе близко къ истинѣ и во всякомъ случаѣ оно намъ показываетъ, какъ иногда противорѣчія могутъ оказаться только кажущимися.

Возможны и иные случаи. Возможно, что провозглашенный законъ на самомъ дѣлѣ не имѣетъ всеобщаго значенія, и тогда противорѣчащій ему фактъ не будетъ служить ему подтверждающимъ его исключеніемъ, какъ это мы предположили о водѣ, но будетъ служить ограничивающимъ его началомъ. Были нѣкогда убѣждены, что всѣ звѣзды неподвижны и всѣ лебеди бѣлы. Первое положеніе устраняло нужду во многихъ изслѣдованіяхъ, вторымъ утверждалось, что физическая природа и фізіологическая организація лебедей вызываетъ бѣлую окраску. Звѣзды оказались двигающимися и теперь черные лебеди привозятся во всѣ болѣе или менѣе значительные зоологическіе сады. Положеніе о лебедяхъ оказалось ошибочно. Но, конечно, не случайно и не безпричинно то, что всѣ европейскіе лебеди бѣлы. Положеніе о всѣхъ лебедяхъ пришлось огра-

ничить приложеніемъ къ одному роду лебедей. Людямъ свойственно ошибаться, людямъ въ своихъ познаніяхъ приходится ограничиваться лишь приблизительною точностью, но и въ увеличеніи точности познаній и въ исправленіи ошибокъ ими въ ряду немногихъ основныхъ логическихъ началъ руководить принципіи противорѣчія.

Законъ исключеннаго третьяго. А непременно есть или В или не В. Законъ тождества говоритъ А есть В, законъ противорѣчія говоритъ А есть только В, законъ исключеннаго третьяго предполагаетъ, что невозможно, чтобы что нибудь не было и В и не В, а было бы чѣмъ то третьимъ. Многіе въ настоящее время склонны разсматривать законъ исключеннаго третьяго не какъ первоначальный законъ, а какъ законъ выведенный изъ принциповъ тождества и противорѣчія. Съ этой точки зрѣнія онъ не есть аксіома, а выводъ изъ аксіомы. Прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками. Это—аксіома. Въ треугольникѣ сумма двухъ сторонъ всегда больше третьей. Третья есть кратчайшее разстояніе между своими двумя конечными точками, а остальные двѣ тоже соединяютъ эти конечныя точки, это соединеніе не есть кратчайшее, слѣдовательно образующая его линія больше данной прямой. Но слѣдствіе изъ аксіомы, какъ это мы видимъ на данномъ примѣрѣ, есть уже теорема. Требуется доказать, что оно выходитъ изъ аксіомы. Если законъ исключеннаго третьяго (*principium exclusi tertii sive medii inter duo contradictoria*) есть выводной, то его должно вывести. Законъ тождества требуетъ, чтобы одинъ и тотъ же предметъ мы мыслили, какъ одинъ и тотъ же. Законъ противорѣчія требуетъ, чтобы одному и тому же предмету мы одновременно не приписывали и не отрицали одного и того же признака, законъ исключеннаго третьяго требуетъ, чтобы мы непременно или приписывали, или отрицали данный признакъ у предмета. Признакъ В или принадлежитъ предмету А, или не принадлежитъ, но непременно что нибудь изъ двухъ, предметъ В или находится въ данномъ мѣстѣ, или не находится, но нельзя предположить ничего третьяго. Въ новѣйшихъ логикахъ законъ исключеннаго третьяго часто поставляется рядомъ съ-

двумя первыми законами, какъ такой же основной, какъ и тѣ. Каждый новый законъ конечно долженъ содержать новую мысль. Новая мысль какъ будто есть. I. Законъ тождества утверждаетъ неизмѣнность (мысленную) совокупности признаковъ въ предметѣ. II. Законъ противорѣчія утверждаетъ несомѣстимость противорѣчащихъ признаковъ въ предметѣ. III. Законъ исключеннаго третьяго утверждаетъ необходимость для предмета имѣть одинъ изъ противорѣчащихъ признаковъ. По второму закону предметъ не можетъ быть вмѣстѣ и бѣлымъ и небѣлымъ, по третьему онъ непремѣнно долженъ быть или бѣлымъ или небѣлымъ. Я лично склоненъ думать, что разъ существуетъ второй законъ, то не нуженъ третій. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ положеніе—А не можетъ быть вмѣстѣ и В и не В. Что такое не В? Очевидно, все—кромѣ В. Я говорю: Х—не камень. Такое опредѣленіе оставляетъ для Х возможность быть всѣмъ кромѣ камня. Этотъ Х можетъ быть и осломъ, и профессоромъ, и созвѣздіемъ большой Медвѣдицы. Принципъ противорѣчія только и возможенъ при предположеніи, что все бытіе раздѣлено на двѣ—обыкновенно очень неравныя—части: В и не В. Москва и не Москва, т. е. вся вселенная, кромѣ Москвы, включая и Млечный путь и міры, лежащія за Млечнымъ путемъ. Но разъ въ дѣленіи заключено все возможно мыслимое, то этимъ самымъ утверждается невозможность мыслить что либо вѣѣ этого всего. Даже въ той формѣ, какъ я представилъ законъ противорѣчія, какъ законъ несомѣстимости противорѣчащихъ признаковъ, уже заключается мысль, что одинъ изъ признаковъ находится въ предметѣ. А есть В или не В, но говорятъ: А не можетъ быть С. Но что такое С? Конечно, не В, потому что по условію, данному закономъ противорѣчія, все кромѣ В есть не В. Если А есть С, то оно не В; если А не С, отсюда еще ничего не слѣдуетъ, оно можетъ быть D, E, F, такъ какъ все это мыслится въ не В.

Возражаютъ противъ самаго закона исключеннаго третьяго, и эти возраженія основываются на неправильномъ пониманіи требованій закона противорѣчія. Говорятъ, что есть вопросы, на которые можно отвѣчать и *да* и *нѣтъ*, между

тѣмъ, какъ законъ исключеннаго третьяго требуетъ только отвѣта или *да* или *нѣтъ*. На вопросъ: разумно ли поступалъ такой то въ такомъ то дѣлѣ,—можно отвѣтить и да, и нѣтъ, отчасти разумно, отчасти неразумно. Но такой отвѣтъ возможенъ, потому что вопросъ не приведенъ къ началу противорѣчія. Очевидно, дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, сложное. Въ различные моменты этого дѣла человекъ могъ поступать различнымъ образомъ. Принципъ исключеннаго третьяго устраняется лишь тамъ, гдѣ возможно совмѣщеніе противорѣчивыхъ признаковъ. А совмѣщеніе противорѣчивыхъ признаковъ въ одномъ предметѣ возможно въ различное время или въ различномъ отношеніи, т. е., возможно при несоблюденіи закона тождества, когда мы говоримъ объ одномъ предметѣ или объ одномъ лицѣ, но разумѣемъ не одно и то же. У насъ подъ руками два документа. Въ одномъ написано 1 го октября 1902 года была прекрасная погода, въ другомъ, что 1-го октября 1902 года стояло ужаснѣйшее ненастье. Какъ ни противорѣчивы эти документа, они оба могутъ оказаться истинными. Первая половина дня могла быть хорошею, вторая плохою. И на вопросъ: хорошій или нѣтъ былъ день тогда то, вы затруднитесь отвѣтомъ, потому что въ этомъ днѣ были и хорошіе и плохіе часы. Ваши документа говорятъ различное, потому что говорятъ о различномъ, хотя повидимому приписываютъ разнорѣчащіе признаки тождественному.

Законъ исключеннаго третьяго повидимому устраняется, а на самомъ дѣлѣ нарушается вслѣдствіе недостатковъ языка, вслѣдствіе своеобразнаго употребленія и значенія словъ. Понятія глупый и неглупый, богатый и небогатый, филологически прямо противорѣчатъ одно другому и поѣтому, разъ отвергнуто одно, должно быть повидимому принято другое или наоборотъ. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Выраженію не глупый усвояютъ значеніе близкое къ умный. Аттестадія онъ не глупъ на русскомъ языкѣ приближается къ похвалѣ или прямо представляетъ похвалу. Понятіе глупый равно приблизительно понятію дуракъ. Но человекъ можетъ и не заслуживать похвалы за свои способности и не быть глупымъ совсѣмъ. Точно также понятія богатый и не богатый употребляются не какъ

противорѣчащія, а каждое съ собственнымъ значеніемъ. Понятіе богатства вообще условно. Положимъ въ нашихъ глазахъ богатъ тотъ, кто имѣетъ около милліона. Но когда при такомъ пониманіи мы говоримъ кому либо онъ не богатъ, это не значитъ, что у этого кого либо только не хватаетъ чего нибудь до милліона, нѣтъ, въ обычномъ словоупотребленіи это будетъ значить, что ему далеко до милліона. А при такомъ пониманіи, очевидно, окажется на свѣтѣ много людей съ достаткомъ, которыхъ нельзя будетъ включить ни въ богатыхъ, ни въ небогатыхъ. Развитие языка все равно какъ ростъ дерева, имѣетъ свою сложную логику, и поэтому прямолинейной простѣйшей научной логикѣ, пытающейся все заключить въ простыя схемы, часто и оказывается труднымъ справиться съ языкомъ. Слова—это знаки понятій, но этихъ знаковъ меньше, чѣмъ понятій, и они подвижны, условны. Подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, словами въ разное время и въ различныхъ мѣстахъ придаютъ различное значеніе. Отсюда—нерѣдко логическая неясность рѣчи при ясности мысли.

Закопъ исключеннаго третьяго, какъ и законы тождества и противорѣчій, вызываетъ еще возраженія, обусловленныя не вербальными, а метафизическими затрудненіями. Для выясненія этихъ затрудней можно немного перефразировать старинный парадоксъ Зенона. Когда летящая стрѣла находится въ пунктѣ А, двигается ли она или нѣтъ? Движеніе состоитъ въ переходѣ изъ одного пункта въ другой. Когда тѣло движется изъ А въ В, то это значитъ, что оно уже оставило А и еще не достигло В. Подъ пунктомъ А мы разумѣемъ въ нашемъ разсужденіи часть пространства, равную объему стрѣлы. Какое бы безконечно короткое время мы ни назначили для пребыванія стрѣлы въ А, она въ нашемъ мышленіи въ этотъ періодъ времени представится неподвижною. Стрѣла или не достигла А или уже двигается изъ А, въ томъ или другомъ случаѣ она или не въ А или не двигается. Если она не двигается, то она значитъ не летящая, а если она двигается, то она не находится ни въ А, ни В, и вообще нигдѣ. Но на самомъ дѣлѣ она находится между А и В. Мы имѣемъ здѣсь, что анализъ нашего вопроса съ цѣлью извлечь изъ него матеріалъ для

отвѣта привелъ насъ къ отрицанію всѣхъ изслѣдованныхъ нами трехъ логическихъ закоповъ тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго. Летящая стрѣла оказалась у насъ не лежащею, т. е., не тожественною сама съ собою, у нея оказались противорѣчащіе признаки движенія и неподвижности, и наконецъ на требованіе отвѣчать по закону исключеннаго третьяго двигается она или не двигается? Мы не можемъ ничего отвѣтить. Какъ разобратся въ этомъ парадоксѣ? Мы приводили примѣры того, какъ можно отрицать бытіе Божіе, свободу воли. Мы видимъ теперь, что при охотѣ изъ приведеннаго парадокса можно извлечь массу несообразностей. Но не нужно спѣшить съ этимъ. О летящей стрѣлѣ, конечно, должно говорить то, что говоритъ о ней общечеловѣческой здравый смыслъ, какъ тоже самое должно утверждать и объ отвѣтственности людей за свои поступки. Но не должно смущаться и тѣхъ странныхъ результатовъ, къ которымъ привелъ насъ анализъ явленія. Вѣдь анализъ не доведенъ до конца. Чтобы выяснитъ вопросъ и дать отвѣтъ точный, намъ нужно дать анализъ понятій перемѣщенія, движенія, пространства. Тогда мы увидимъ, что причина несообразностей, появившихся въ выводѣ нашего разсужденія, есть та, что мы въ началѣ разсужденія приняли понятія въ обычномъ ходячемъ смыслѣ—какой совершенно достаточенъ для практическихъ цѣлей,—а потомъ признали за ними философскую точность, которой они на самомъ дѣлѣ не имѣютъ. Философскій анализъ покажетъ намъ, что въ концѣ концовъ фактъ движенія доселѣ не вполне выясненъ, какъ и ни одинъ фактъ не выясненъ до своей глубочайшей основы, поэтому мы и представляемъ и описываемъ его не вполне точно. Если мы примемъ потомъ неточное, за точное, то конечно въ выводѣ мы получимъ несообразности.

Не будемъ смущаться этими несообразностями, а будемъ въ нихъ разбираться. Законъ тяготѣнія учитъ насъ, что всѣ тѣла притягиваются къ центру земли. Мы видимъ, что дымъ, паръ поднимаются кверху отъ земли, мы видимъ, что воздушные шары съ людьми поднимаются на воздухъ, видимъ птицъ, летающихъ въ воздухѣ. Сначала это представляется какъ бы противорѣчіемъ закону, но потомъ анализъ

показываетъ намъ, что всѣ эти факты суть необходимое слѣдствіе изъ закона, и самое блестящее его подтвержденіе. Такъ руководясь принципами мышленія, мы, можетъ быть, впослѣдствіи разберемъ и съ тѣми антиноміями, которыя теперь не умѣемъ согласить съ ними, мы съ вами приняли теперь и изслѣдовали три закона: тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго. Я попытался показать, что третій законъ (объ исключенномъ третьемъ) можно разсматривать, какъ выводъ изъ второго. Позволительно пойти далѣе. Позволительно допустить, что всѣ эти три закона объединяются въ формулѣ Аристотеля, которую обыкновенно считаютъ первымъ выраженіемъ принципа противорѣчія. Вотъ положеніе Аристотеля. „Невозможно, чтобы одно и тоже сказуемое могло быть утверждаемо и отрицаемо относительно одного и того же подлежащаго въ одно и тоже время и въ одномъ и томъ же смыслѣ“. (То γὰρ αὐτὸ ἄμα ὑπάρχειν τε καὶ μὴ ὑπάρχειν ἀδύνατον τῷ αὐτῷ καὶ κατὰ το αὐτὸ ..... αὐτῇ δὴ πασῶν ἐστὶ βεβαιωτάτη τῶν ἀρχῶν *Metaphys III, 3, 1005b, 19—23*). Мнѣ думается, что это можно назвать *закономъ взаимной непроницаемости мыслей*, и показать, что въ этомъ законѣ объединяются всѣ три изслѣдованныя нами начала. Остановимся на какомъ либо опредѣленномъ моментѣ времени. Положимъ, въ этотъ опредѣленный моментъ въ опредѣленномъ пунктѣ мы помѣщаемъ кубъ, сторона котораго равна одному аршину. Мы мыслимъ, что этотъ кубъ имѣетъ пудъ вѣса. По вопросу о вѣсѣ опредѣленное протяженіе въ опредѣленный моментъ мы наполнили содержаніемъ. Въ этотъ моментъ въ этомъ мѣстѣ мы не можемъ мыслить другого вѣса и, говоря впослѣдствіи объ этомъ моментѣ и этомъ мѣстѣ, мы будемъ наполнять его пудомъ вѣса, и этотъ пудъ абсолютно устраняетъ возможность проникновенія этого пункта въ этотъ моментъ другимъ вѣсомъ. Разъ мы опредѣлили вѣсъ какой либо геометрической формы въ опредѣленный моментъ, мы этимъ самымъ въ данный моментъ сдѣлали ее, такъ сказать, непроницаемою для другого вѣса. Но это только въ отношеніи вѣса. Непроницаемое въ одномъ отношеніи, можетъ быть и проницаемымъ во многихъ другихъ. Температура, цвѣтъ, степень твердости, все это еще не опредѣлено относи-

тельно куба. но во всякомъ изъ этихъ отношеній ему можетъ принадлежать въ одинъ данный моментъ только одно опредѣленіе. Допустимъ, что мы опредѣлили, съ какихъ отношеній и съ какихъ точекъ зрѣнія можетъ быть рассматриваемъ данный предметъ такъ, чтобы исчерпалось его содержаніе. Тогда мы предлагаемъ объ этомъ предметѣ рядъ вопросовъ и по требованію логической непроницаемости на каждый изъ этихъ вопросовъ мы можемъ дать только одинъ отвѣтъ. Такимъ образомъ утверждается законъ *исключеннаго другаго*, по отношенію къ которому законъ исключеннаго третьяго будетъ только развитіемъ. Положимъ, мы приписали вещи А вѣсъ пудъ, этимъ исключается возможность приписать ей какой либо другой вѣсъ. Другое исключается. Но вотъ намъ дана вещь В, и мы при сравненіи съ А установили только, что она вѣситъ не пудъ. Что значитъ наше опредѣленіе? Что мы разумѣемъ пудъ не пудомъ? Всѣ возможные вѣса, я даже не скажу отъ 0 до ∞ , потому что теоретически мы можемъ переходить и за 0. Итакъ относительно вещи В мы знаемъ, что ей можно приписать всякій вѣсъ изъ всѣхъ возможныхъ кромѣ пуда. Съ одной стороны—пудъ, съ другой—все кромѣ пуда. Сложивное вмѣстѣ это дастъ все возможное. Конечно не остается дальше никакого предположенія ни для какого третьяго.

Такъ, три логическіе закона объединяются въ одномъ законѣ *исключеннаго другаго* или—что тоже—въ законѣ противорѣчія. Но не трудно видѣть, что за этимъ закономъ скрываются и имъ предполагаются еще многія начала. За нимъ предполагается существованіе пространства и времени, постоянства и перемѣны. Этотъ законъ только утверждаетъ мыслимость или не мыслимость существованія фактовъ, но въ немъ уже содержится предположеніе мысли существованія необходимой связи между фактами. Его утверждаетъ четвертый логическій „Законъ достаточнаго основанія“ (*principium rationis sufficientis*), требующій, чтобы ничто не мыслилось безъ достаточнаго основанія. Смыслъ этого закона тотъ, что ни одна мысль не можетъ быть мыслима безъ связи съ другими, и если эта связь оказывается невозможною, то эта мысль

должна быть отвергнута. Если предшествующая мысль, какъ свое необходимое продолженіе, требуетъ мысли несостоятельной, то тогда должно быть отвергнуто не только это несостоятельное слѣдствіе, но и мысль, изъ которой оно вытекаетъ. Основаніе требуетъ признанія слѣдствія, отрицаніе слѣдствія требуетъ отрицанія основанія. Этотъ законъ не принимается очень многими логиками. Невольно подсказывается шутливая мысль—можетъ быть и неумѣстная въ серьезномъ курсѣ,—что эти логики, отрицая законъ достаточнаго основанія, хотятъ сохранить за собою право говорить безъ основанія. Другіе логики хотятъ измѣнить его названіе, предлагаютъ назвать его просто закономъ основанія, предлагаютъ назвать его закономъ логическаго основанія. Но сила конечно не въ названіи вещи, а въ самой вещи. Въ данномъ случаѣ однако ясно, что эти новые термины направляются противъ слова *достаточный*. Я склоненъ думать, что для насъ самое разумное и безопасное принять этотъ законъ въ его традиціонной формулировкѣ и самимъ стараться и другимъ желать всегда мыслить на достаточномъ основаніи.

Противъ закона достаточнаго основанія выдвигаютъ миеологию. Я мыслю Юпитера, говорятъ нѣкоторые логики, но Юпитера не существуетъ. Должно признаться, это одно изъ тѣхъ возраженій, которыя представляются столь несостоятельными, что даже сомнѣваешься правильно ли ихъ понялъ. Если я знаю, что Юпитеръ не существуетъ, я его и мыслю не существующимъ, т. е., я мыслю даже не его, а я мыслю о мысли о немъ римлянъ, мыслю, какъ они представляли его. И моя мысль о Юпитерѣ имѣетъ для себя достаточное основаніе въ курсѣ миеологіи или исторіи римской религіи. Человѣкъ, говорятъ, создаетъ образы фантазіи, романистъ пишетъ романы, въ которыхъ дѣйствуютъ, наслаждаются и страдаютъ никогда не существовавшія лица. Но на самомъ дѣлѣ, что такое наши образы фантазіи? Это—представляющіеся намъ возможными типы существованія. Мы мыслимъ, что они не реальны, но что они возможны. Я видѣлъ въ одномъ мѣстѣ рѣку, въ другомъ—лѣсъ, въ третьемъ красивую долину. Я мыслю, что ихъ можно бы было соединить въ одной мѣстности. Мысли о

возможныхъ комбинаціяхъ нужны намъ уже потому, что человѣкъ можетъ ихъ осуществить, или осуществленіе ихъ вообще представляется возможнымъ. Поэтъ и представляетъ намъ реальное осуществленіе психологически возможнаго. Положимъ, писатель наблюдалъ, какъ какой нибудь Иванъ Ивановичъ бралъ взятки мѣдными пятаками. Онъ представилъ себѣ, что будетъ, если Иванъ Ивановича поставить на такое мѣсто, гдѣ можно брать рублями. Зная характеръ Ивана Ивановича и условія новаго мѣста, онъ по закону достаточнаго основанія думаетъ, что Иванъ Ивановичъ долженъ будетъ дѣйствовать такъ-то и такъ-то. И вотъ, назвавши Ивана Ивановича Андреемъ Петровичемъ, онъ и представляетъ намъ осуществленіе этой возможности въ повѣсти. Въ наиболѣе художественныхъ произведеніяхъ, гдѣ наиболѣе силенъ полетъ фантазіи, на самомъ дѣлѣ наиболѣе соблюдается законъ достаточнаго основанія. У Достоевскаго въ братьяхъ Карамазовыхъ изображенъ кошмаръ Ивана Федоровича—бесѣда допившагося до бѣлой горячки героя ни болѣе ни менѣе, какъ съ чортомъ. Что здѣсь реальнаго? Гдѣ здѣсь законъ достаточнаго основанія? Но компетентные психіатры засвидѣтельствовали, что кошмары, поразительно похожіе на описанный, дѣйствительно происходятъ. Очевидно, писатель такъ хорошо выяснилъ природу человѣческаго духа, такъ хорошо по-являлъ состояніе лица, паходящагося въ извѣстныхъ условіяхъ, что явпо прозрѣвалъ, какія мысли, какіе образы должны были являться въ больномъ мозгу этого лица. Но всякое прозрѣніе, опредѣленіе по части дѣлага, по настоящему будущаго основывается на законосообразности фактовъ. Мысль можетъ предугадывать эти факты только по закону достаточнаго основанія. Ивана Федоровича Карамазова не существовало. Но писатель говоритъ намъ, что если бы онъ былъ и находился въ такихъ-то условіяхъ, то съ нимъ было бы то-то. Такое утвержденіе предполагаетъ законосообразность въ фактахъ и отвѣчающую ей законосообразность въ мысляхъ.

Существованіе закона достаточнаго основанія слѣдуетъ уже изъ того, что существуетъ законъ противорѣчія, и изъ того, что не всякая мысль мыслима. Я хотѣлъ бы представить себѣ

человѣка съ двумя нормальными головами на одной нормальной шеѣ, но такой человѣкъ не представимъ, немислимъ. Я могу мыслить только то, что не содержитъ въ себѣ внутренняго противорѣчія. Уживаются у насъ въ душѣ и противорѣчивыя воззрѣнія, но лишь постольку, поскольку мы не видимъ ихъ противорѣчія. Вообще мысль для того, чтобы существовать, не должна сама въ себѣ содержать противорѣчія и не должна быть въ противорѣчіи съ другими содержимыми нами мыслями. Мы читаемъ стихотвореніе. „Во свѣтлой темнотѣ блистающихъ вочей явился темный блескъ отъ солнечныхъ лучей“, но мыслить этой абракадабры мы не можемъ. Я говорю: сегодня суббота, но я не могу мыслить этой мысли, такъ какъ знаю, что сегодня пятница. Вотъ почему ссылка на Юпитера, на образы фантазіи, будто бы доказывающіе, что законъ достаточнаго основанія не дѣйствуетъ въ нашемъ мышленіи, представляется крайне странной. Вѣдь, образъ Юпитера, если его подвергнуть анализу, заключаетъ въ себѣ много внутреннихъ и логическихъ противорѣчій. Но мысль наша объ этомъ образѣ не противорѣчитъ принципу противорѣчія, потому что мы, сознавая его противорѣчивость, мыслимъ его не реальнымъ.

Но законъ достаточнаго основанія утверждаетъ не только то, что мысли для того, чтобы быть мыслимой, нужно не быть въ противорѣчіи съ другими мыслями, не нужно имѣть, такъ сказать, отрицательныхъ инстанцій. Тогда мы получили бы только, что мысль по закону непроницаемости мысли не можетъ совмѣщаться съ отрицающими ее положеніями. Но кругъ мыслей каждаго изъ насъ, конечно, въ сущности очень ничтоженъ. И если нѣтъ для мысли закона достаточнаго основанія, то тогда безконечная пустота нашего незнанія открывала бы безграничный просторъ для возникновенія всевозможныхъ своеобразнѣйшихъ положеній. Однако мы не видимъ этого. Новыя мысли, возникающія въ нашей головѣ, ютятся около старыхъ, растутъ изъ нихъ, питаются ихъ почвою. По-наблюдаемъ за собою, за нашими предположеніями, гипотезами; мы увидимъ, что матеріаль для всѣхъ нихъ заимствуется нами изъ имѣющейся у насъ наличности. Ни одна форма, ни одинъ образъ не могутъ быть построены нами, если намъ на-

передъ уже не былъ чѣмъ нибудь предсказанъ образецъ. Но это—зависимость мысли по происхожденію. Рядомъ съ этимъ открывается въ такой же мѣрѣ зависимость мыслей по значенію. Я рѣшаю вопросъ и потомъ немедленно говорю: нѣтъ, это рѣшеніе нелѣпо. Было ли здѣсь нарушеніе закона достаточнаго основанія? Нѣтъ; когда я составлялъ рѣшеніе, оно вытекало у меня изъ имѣвшихся у меня основаній, но когда я его формулировалъ, моему умственному взору преподнеслись факты и положенія, стоящія въ противорѣчій съ моимъ рѣшеніемъ, и я отвергъ его. Самыя нелѣпыя мысли и тѣ возникаютъ по закону достаточнаго основанія, только мышленіе при этомъ упускаетъ изъ виду тѣ факты, которые разрушаютъ это основаніе. Чиновникъ Поприщинъ вообразилъ себя Фердинандомъ, королемъ испанскимъ. Собственно говоря, неизвѣстно, чему нужно удивляться;—нелѣпости мысли или тому, какъ человѣкъ могъ дойти до такой нелѣпой мысли. Но попытаемся ее анализировать, постараемся понять логику несчастнаго сумасшедшаго. Должно обратить вниманіе, что вѣдь въ то время, когда онъ говоритъ, что онъ Фердинандъ, онъ забываетъ и отрицаетъ, что онъ Поприщинъ, какія-то темныя воспомнанія, что-то связывающее его съ Поприщиномъ у него чувствуется, но все это темно. За то съ другой стороны, въ истрадавшейся душѣ этого маленькаго человѣка, жившаго въ мансардѣ, видѣвшаго только презрѣніе къ себѣ и высокомеріе со стороны другихъ, въ этомъ жалкомъ человѣкѣ, самолюбіе котораго непрестанно уязвлялось и расло непрестанно, развивалось сознаніе своего достоинства, сознаніе, что ему мѣсто на государственной вершинѣ. Къ этому сознанію ему прійти было тѣмъ легче, что самое представленіе о государственной вершинѣ у него въ сущности было очень скромное. Вѣдь, его больное самолюбіе, поднимавшее его до короля, въ сущности довольствовалось тѣмъ, чтобы поразить своей оригинальной мантией кухарку Мавру. Представимъ только себѣ колоссальное—хотя и не постоянное—просвѣты сознанія всегда бываютъ у сумасшедшихъ—забвеніе колоссальнаго количества фактовъ, и оставшіеся въ наличномъ сознаніи факты естественно должны привести къ мысли, что онъ, именуемый

Поприщиннымъ, есть Фердинандъ. Достаточно забыть о томъ, что лува находится отъ насъ на разстояніи 350 тысячъ верстъ, чтобы, руководясь непосредственнымъ зрѣніемъ, написать проэктъ о томъ, какъ ее достать при помощи системы лѣстницъ.

Закономъ достаточнаго основанія требуется, чтобы каждая мысль мыслилась не просто на основаніи, но на достаточномъ основаніи. Н богатъ, много жертвуетъ на учебныя заведенія; это можетъ служить основаніемъ для надежды, что онъ пожертвуетъ на то заведеніе, на которое у него хотятъ просить, но это недостаточное основаніе для мысли, что онъ непременно пожертвуетъ на ту школу, о которой идетъ рѣчь. Онъ можетъ быть атеистомъ по убѣжденію, а школа можетъ быть духовною; онъ можетъ быть противникомъ классическаго образованія, а школа—классическою. Наконецъ, имъ можетъ быть уже замѣченъ кругъ школъ, которымъ онъ рѣшилъ оказать поддержку, и онъ рѣшилъ отказывать всѣмъ школамъ внѣ этого круга. Мы и не можемъ мыслить, что онъ непременно дастъ. И когда мы направляемъ просителя къ такому жертвователю и говоримъ: онъ вамъ непременно дастъ,—мы только это говоримъ, но не можемъ мыслить этого. Всякая мысль есть утвержденіе или отрицаніе чего нибудь, и мы не можемъ допустить никакого утвержденія и никакого отрицанія безъ достаточнаго основанія. Съ этимъ плохо мирится повидимому фактъ существованія безчисленнаго количества мыслей и проэктовъ крайне неосновательныхъ. Если начать толковать о школьномъ дѣлѣ, о преобразованіи учебныхъ заведеній, о введеніи въ русскіхъ школахъ заграничной академической свободы, какъ легко, какъ просто наши собесѣдники будутъ рѣшать эти вопросы. Но вопросъ этотъ по существу крайне труденъ и на Западѣ онъ далекъ—мнѣ даже кажется, должно сказать, безконечно далекъ—отъ благополучнаго разрѣшенія. Развѣ въ расчеты какого либо правительства можетъ входить приготовленіе невѣжественныхъ докторовъ, недобросовѣстныхъ адвокатовъ и инженеровъ, невѣрующихъ богослововъ, вообще плохихъ и нечестныхъ служителей того дѣла, къ которому они готовятъ? Конечно нѣтъ; но всѣ профессіи насчи-

тываютъ въ своихъ рядахъ много плохихъ представителей. Если даже сообщить вопросу не такую идеальную постановку, а сузить его: „какъ улучшить дѣло образованія“?—многіе склонны думать, что на этотъ вопросъ очень легко отвѣтить, и безъ сомнѣнія они руководятся закономъ достаточнаго основанія въ своихъ сужденіяхъ. Они не только не видятъ, что существуютъ многія стороны въ дѣлѣ, которыя ихъ основанія дѣлаютъ неосновательными. Академическая свобода занятій безъ сомнѣнія имѣетъ въ себѣ прекрасныя стороны. Студентъ можетъ распланировать свое время, какъ ему угодно, выбирать предметы занятій въ наиболѣе для него удобномъ порядкѣ. А здѣсь имѣютъ важное значеніе индивидуальныя особенности. Я лично не могу изучать предметъ, не составивъ напередъ никакого общаго представленія о немъ, и затѣмъ я вообще предпочитаю концентрическое изученіе, другіе—наоборотъ. Пусть каждый занимается, какъ хочетъ, и въ концѣ концовъ, когда ему угодно, является на докторскій экзамень. Такъ рассуждаютъ по закону достаточнаго основанія. Но выступаетъ въ дѣлѣ другая сторона. Самый любознательный и даровитый студентъ можетъ быть нѣсколько лѣнивымъ и особенно для этой лѣности является искушеніе въ началѣ. Во многихъ наукахъ начало особенно трудно. А запустивши начало, студентъ можетъ потомъ совсѣмъ не совладѣть съ продолженіемъ. Неопытный студентъ можетъ разбросаться въ выборѣ предметовъ для занятій, тѣмъ болѣе, что опытные преподаватели, получая гонорары съ слушателей, не прочь объявлять рекламныя курсы. Въ результатѣ отъ нѣкоторыхъ и даже отъ немалаго числа лицъ степень доктора можетъ ускользнуть навсегда, а съ практической точки зрѣнія государство потеряетъ въ нихъ хорошихъ работниковъ для той или другой отрасли дѣла. Нужно сдѣлать выборъ и чѣмъ ближе знакомится человекъ съ дѣломъ, тѣмъ болѣе, если хотите, затрудняетъ его законъ достаточнаго основанія, потому что тѣмъ яснѣе ему видны темныя стороны при всякомъ рѣшеніи вопроса. Ребенокъ легко рѣшаетъ вопросы по закону достаточнаго основанія, для взрослого рѣшеніе труднѣе, но за то его рѣшенія много основательнѣе. Но вездѣ у ребенка или у

взрослаго, гдѣ мысль представляется истиною, она представляется таковою на достаточномъ основаніи, которое мыслящій иногда, можетъ быть, затруднится формулировать, но которое всегда у него имѣется. Дѣти, говорятъ, угадываютъ, кто ихъ любитъ и кто ихъ не любитъ. Это угадываніе есть мыслительный процессъ и совершается по закону достаточнаго основанія, хотя процессъ, при которомъ основаніе приводитъ къ такому слѣдствію, часто бываетъ неудовимымъ.

Законъ достаточнаго основанія не должно смѣшивать съ закономъ причинной связи мыслей по происхожденію. Одна мысль вызываетъ другую, одинъ образъ напоминаетъ о другомъ. Это—законъ ассоціацій, о которомъ мы говорили. Одна мысль утверждается на другой или отрицается другою, это—законъ достаточнаго основанія. И какъ ассоціаціями можетъ и должна регулировать воля, такъ воля должна регулировать и умозаключеніями, она должна стремиться вызывать изъ памяти въ поле сознанія или отыскивать въ настоящемъ все нужное для того, чтобы рѣшеніе мысли отвѣчало истинѣ.

Законъ достаточнаго основанія, какъ и всѣ другіе логическіе законы, есть законъ естественный. Человѣкъ примѣняетъ его съ первыхъ шаговъ своей жизни. Первые основанія, изъ которыхъ онъ дѣлаетъ выводы, это суть факты его собственной жизни, его душевныя состоянія, онъ нагромождаетъ на нихъ одни познанія за другими, одни выводы вслѣдъ другимъ. Такъ, къ тому времени, когда онъ станетъ способенъ отдавать себѣ отчетъ въ своей логической дѣятельности, у него скопляется большой запасъ знаній и возрѣній, которыя и служатъ для него опорными пунктами въ дѣлѣ дальнѣйшей работы мысли. Эта работа неизбежно приводитъ къ тому, что изъ запаса одно за другимъ приходится выкидывать, какъ неосновательное. Первоначальныя точки опоры замѣняютъ новыми. Логическій анализъ и критика могутъ пойти очень далеко въ отыскиваніи опоръ для опоръ, достаточнаго основанія для того, что издавна служило само достаточнымъ основаніемъ для многого. Въ этихъ поискахъ философская мысль иногда приходила къ безутѣшному выводу, что мы не владемъ ни однимъ положеніемъ, утверждающимся на достаточность основанія.

Во имя достаточнаго основанія объявляютъ, что не заслуживаютъ вѣры никакія изъ нашихъ утвержденій—религіозныя, философскія, научныя, практическія. Только одна мысль оказывается достаточно обоснованной, что ни одна мысль не обоснована достаточно. Такъ сущность этой пессимистической философіи, носящей имя абсолютнаго скептицизма, оказывается заключающеюся въ самоуничтоженіи, такъ какъ ея основной принципъ заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе.

С. Глаголевъ.

Николай Яковлевичъ Гротъ (1852 + 1899 г.) и его философскіе труды.

(Продолженіе *).

Вопросомъ о критеріѣ истины занимались всѣ виднѣйшіе философы и древняго и новаго времени. Какія же рѣшенія давали древніе философы, занимавшіеся этими вопросами? Нашъ авторъ приводитъ здѣсь подробныя историческія справки. Стоики критеріемъ истины признавали правильную и всестороннюю переработку ощущеній. Противники же ихъ—эпикурейцы—самыя ощущенія, служащія матеріаломъ для этой переработки. Но одновременно съ такимъ эмпиризмомъ развился и скептицизмъ. (Пиррона и его послѣдователей), провозглашавшій, что всѣ наши воспріятія имѣютъ лишь относительный характеръ. Скептицизмъ этотъ развивался до 3-го в. до Р. Хр., когда возникла ему реакція въ формѣ мистицизма, признававшего возможность непосредственнаго созерцанія внутреннаго бытія вещей непоколебимымъ догматомъ. Эта теорія и господствовала до XI в. нашей эры. Въ это время вопросъ о познаніи дифференцируется въ двухъ извѣстныхъ направленіяхъ: 1) номинализма, перешедшаго въ XVI в. въ эмпиризмъ (родоначальникъ Бэконъ), и 2) реализма, перешедшаго въ XVII в. въ раціонализмъ (родоначальникъ Декартъ). И съ тѣхъ поръ большинство мыслителей рѣзко раздѣлилось на эти два лагеря: эмпириковъ, признававшихъ орудіемъ познанія чув-

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 14.

ственный опытъ и отрицавшихъ прирожденные и независимыя отъ опыта идеи о сущностяхъ,—и рационалистовъ, признававшихъ основою знанія прирожденные идеи разума о мировыхъ субстанціяхъ и утверждавшихъ, что чувственный опытъ имѣеть второстепенное значеніе въ изслѣдованіи началъ, управляющихъ міромъ.

Въ концѣ XVIII в., въ лицѣ Канта, эмпирика въ „Критикѣ чистаго разума“ и рационалиста въ „Критикѣ практическаго разума“,—была сдѣлана грандіозная попытка компромисса между эмпиризмомъ и рационализмомъ. Но эта попытка не могла имѣть прочнаго успѣха; послѣдователи его раздѣлились на два лагеря: одни, слѣдуя „Критикѣ чистаго разума“, примкнули къ эмпирикамъ; другіе—сдѣлались чистыми идеалистами (Фихте, Шеллингъ, Гегель, Шопенгауэръ). Но въ то время, какъ у нѣмцевъ разгоралась крайности идеализма, въ Англии и Франціи эмпирическая наука, оживленная и поднятая въ собственныхъ глазахъ „Критикою чистаго разума“ Канта, продолжала проникать въ тайные законы явленій, при помощи разсудочной переработки данныхъ опыта и сдѣлала такіе громадныя успѣхи, что вполне вѣроятнымъ является предположеніе, что въ феноменахъ, доступныхъ этому опыту, она изучаетъ настоящія сущности всего существующаго въ мірѣ, и что предполагать въ вещахъ еще какія либо особыя сущности, неудобимыя для чувственнаго опыта, нѣтъ основаній.

Но противники эмпиризма,—послѣдователи рационалистическихъ системъ нынѣшняго вѣка, все еще не оставляютъ науку въ покоѣ. Они упрекаютъ ее въ „наивномъ реализмѣ“, они утверждаютъ, что вся она основана на инстинктивной, безотчетной вѣрѣ чловѣка въ правильность показаній органовъ чувствъ и что, такъ какъ эта правильность еще не доказана, такъ какъ достовѣрнаго критерія истинности чувственнаго опыта наука еще не имѣеть, то, слѣдовательно, все ея зданіе построено на пескѣ.

Отсюда естественно является вопросъ: какимъ же образомъ, какими аргументами могла бы оправдать наука наивный реализмъ, вѣру чловѣка въ истинность его чувственныхъ воспріятій? Нашъ мыслитель находитъ, что такіе аргументы въ пользу достовѣрности

чувственнаго опыта есть, и ихъ можно раздѣлить на два класса: отрицательные и положительные. Отрицательные аргументы сводятся къ указанію нелѣпыхъ послѣдствій предположенія, что ощущенія насъ обманываютъ; положительные сводятся къ выводу изъ несомнѣнныхъ научныхъ соображеній—заключенія о необходимости соответствія ощущеній ихъ объектамъ. Нашъ авторъ начинаетъ съ указанія отрицательныхъ соображеній. „Если бы мы предположили, что ощущенія насъ обманываютъ, то откуда бы, спрашиваетъ авторъ, человѣкъ взялъ основанія для разграниченія нормальныхъ ощущеній въ бодрствующемъ состояніи отъ сновидѣній, иллюзій и галлюцинацій“¹⁾? Признаки, которые лежатъ въ основаніи понятій, сновидѣній, иллюзій, галлюцинацій,—суть признаки чисто отрицательные, т. е., составленные изъ отрицанія признаковъ нормальныхъ ощущеній. Слѣдовательно, тотъ, кто признаетъ различіе ощущеній, галлюцинацій и иллюзій, уже допускаетъ возможность правильныхъ ощущеній. Но этого различія никто и никогда не отрицалъ. Слѣдовательно, непоколебимое общее убѣжденіе наше въ существованіи различія между ощущеніями, съ одной стороны, иллюзіями, галлюцинаціями и сновидѣніями съ другой, служитъ лучшимъ доказательствомъ возможности для человѣка правильности ощущеній.

Далѣе, если бы ощущенія насъ обманывали, то нельзя было бы предположить возможность какого либо дѣйствія нашего, какой либо дѣятельности. Понятія дѣйствія, дѣятельности уже предполагаютъ существованіе извѣстныхъ объектовъ, на которые они направлены. Если же ссть объекты, то какимъ образомъ, спрашиваетъ Гротъ, могли бы мы дѣйствовать на нихъ, если бы ощущенія неправильно намъ ихъ изображали? Аргументъ этотъ авторъ находитъ, хотя и старымъ, но сильнымъ.

Затѣмъ, отрицательнымъ доказательствомъ правильности ощущеній, соответствія ихъ объектамъ, является еще возможность искусственнаго воспроизведенія объективныхъ явленій и предметовъ, на основаніи этихъ ощущеній и ихъ переработки. Если бы ощущенія насъ обманывали и несоответствовали внут-

1) Р. Бог. 1883, 5—6, 433 стр.

ренней природѣ вещей, то мы ни одну вещь не могли бы знать во всемъ ея составѣ, а слѣдовательно и искусственное воспроизведеніе предметовъ и явленій, вполне тождественныхъ тѣмъ, которые создала сама природа, было бы невозможно. Другими словами, признаніе обманчивости ощущеній вело бы логически къ новому абсурду, къ отрицанію возможности искусственнаго воспроизведенія этихъ ощущеній при помощи искусственныхъ объектовъ, ихъ вызывающихъ. Наконецъ, есть еще одно отрицательное доказательство соответствія ощущеній природѣ внѣшнихъ объектовъ. Если бы ощущенія насъ обманывали, то невозможно было бы никакое умственное общеніе между живыми существами. Если бы ощущенія не соответствовали своему объекту, тѣмъ движеніямъ нашимъ, которыя ихъ вызвали, то вѣдь другое лице никогда бы не могло знать нашихъ идей, умственное общеніе людей съ помощью языка было бы невозможно. Но дѣйствительность противорѣчитъ этому абсурдному заключенію.

Таковы отрицательныя доказательства; но они только доказываютъ вѣроятность соответствія ощущеній объектамъ, а не необходимость этого соответствія. Эта необходимость можетъ быть выведена лишь дедуктивнымъ путемъ изъ доказанныхъ научныхъ истинъ. Одною изъ такихъ научно доказанныхъ истинъ является въ наше время положеніе, что сложныя тѣла, организмы суть лишь сложныя трансформациі тѣлъ болѣе простыхъ, продукты постепенной эволюціи первоначальныхъ веществъ. Изъ этого же научнаго вывода по Гроту слѣдуетъ, что организмы создала сама природа, что всѣ органы чувственаго опыта представляютъ лишь дальнѣйшую дифференціацію той первоначальной чувствующей поверхности, которая ощущала только механическіе толчки и движенія въ окружающей средѣ и вызывала тѣмъ самымъ организмы къ соответственнымъ имъ механическимъ толчкамъ и движеніямъ. А если такъ, продолжаетъ Гротъ, то изъ упомянутаго же положенія современной науки вытекаетъ и необходимость полнаго соответствія ощущеній свойствамъ вещей. Если эти самыя вещи и ихъ свойства вызвали дифференціацію чувствующей поверхности организма и образованіе различныхъ органовъ чувствъ,

служащихъ для передачи ихъ въ сознание организма, то ощущенія, какъ продукты самой природы, нами ощущаемой, должны правильно отражать ея свойства. Итакъ, по нашему мыслителю, лучшее доказательство въ пользу достовѣрности чувственнаго опыта можно найти въ развитіи современнаго научнаго вывода объ условіяхъ происхожденія организма: тождество нашего организма съ природою—вотъ, по Гроту, лучшая основа для объясненія процесса и лучшее ручательство достовѣрности чувственнаго опыта. Такимъ образомъ, заключаетъ нашъ мыслитель, „наивный реализмъ“ отнынѣ перестаетъ быть наивнымъ: современная наука заключаетъ въ себѣ всѣ данныя сдѣлать его созпательнымъ и разумнымъ. Но Гротъ пытается доказать, на основаніи соображеній другой науки, психологіи, что каждый человѣкъ имѣетъ, помимо научныхъ соображеній о происхожденіи своего организма и, внутреннія, вполнѣ твердыя, основанія для своего убѣжденія въ достовѣрности ощущеній. Уже давно психологія указываетъ на то, что въ переработкѣ нашего внѣшняго опыта участвуютъ вѣкоторыя представленія и понятія, заимствованныя изъ внутренняго опыта. Кантъ призналъ эти формы субъективными и прирожденными. Нашъ же мыслитель отрицаетъ прирожденность этихъ идей и старается выяснитъ постепенное ихъ происхожденіе изъ переработки и осложненія внутреннихъ ощущеній, относящихся къ дѣятельности нашего организма. Въ числѣ этихъ идей находятся, напр. идеи пространства, времени, причины, дѣйствія и др. Но наиболѣе общою и отвлеченною изъ всѣхъ нашихъ идей, имѣющихъ основою своею нашъ внутренний опытъ, Гротъ считаетъ идею однообразія, неизмѣнности всего существующаго, т. е., идею однообразія природы. Эта идея тоже сначала образуется изъ данныхъ нашего внутренняго опыта, изъ наблюденія постоянной однородности испытываемыхъ нами состояній, и обнаруживается въ представленіи нашего „я“, какъ чего-то неизмѣннаго. Затѣмъ она переносится на внѣшніе предметы, а изъ обобщенія неизмѣнности насъ самихъ и всѣхъ предметовъ нашего опыта образуется постепенно отвлеченное понятіе однообразія природы. Это то понятіе однообразія природы, существованіе котораго,

хотя бы въ смутномъ видѣ, можно замѣтить уже у десятилѣтняго ребенка, и которое всецѣло построено на внутреннемъ опытѣ, на переработкѣ непосредственнаго содержанія нашего самосознанія и служить по нашему мыслителю основою для убѣжденія каждаго человѣка въ правильности его ощущеній, въ соотвѣтствіи ихъ съ объектами, такъ какъ изъ идеи одвообразія природы логически вытекаетъ и идея однообразія законовъ нашего внутренняго міра и законовъ міра внѣшняго, и увѣренность, что наши ощущенія, являясь продуктомъ дѣйствія на насъ этого внѣшняго міра, не могутъ не передавать свойствъ этого міра въ ихъ дѣйствительномъ видѣ. Гротъ находитъ, что практически этотъ критерій давно уже признается всѣми учеными. Всякій ученый, сознательно довѣрившійся своему чувственному наблюденію и опыту, давно уже дѣлаетъ заключеніе о необходимости соотвѣтствія своихъ ощущеній свойствамъ объектовъ, именно на основаніи законовъ однообразія природы; и утверждать противное—по нашему мыслителю—значило бы уже очень низко ставить разсудочныя силы ученыхъ, изучающихъ природу эмпирически. Оставалось лишь научно оправдать это полное однообразіе природы, т. е., выяснить его причины или источники, доказать, что однообразіе природы есть не только фактъ, не подлежащій сомнѣнію, но и безусловная необходимость, и именно это научное доказательство находится нынѣ, по мнѣнію нашего мыслителя, въ распоряженіи ученыхъ, убѣдившихся при помощи научныхъ изслѣдованій природы въ томъ, что организмъ человѣка есть лишь продуктъ развитія самой природы въ процессѣ постепеннаго приспособленія ея отдѣльных частей другъ къ другу (организмовъ къ неорганической матеріи и обратно). И Гротъ находитъ, что наука, разъ она имѣетъ такое научное доказательство необходимости однообразія природы, въ правѣ нынѣ поставить уже въ формѣ неопровержимаго тезиса положеніе, что ощущенія наши,—при извѣстныхъ условіяхъ, доступныхъ точному опредѣленію, служатъ наилучшимъ критеріемъ того, что существуетъ въ мірѣ и что потому философія совершенно напрасно возводитъ отдѣльные случаи обмановъ чувствъ въ общее положеніе объ

обманчивости всѣхъ ощущеній и на этомъ положеніи строить утвержденіе, что только она, философія, опираясь на разумъ, какъ особую познавательную силу, призвана открыть истинную сущность бытія міра. Гротъ убѣжденъ, что если бытіе міра когда нибудь и будетъ выяснено вполне, во всѣхъ своихъ законахъ, то именно только помощью всесторонней интеллектуальной переработки человѣкомъ всѣхъ его ощущеній, открывающихъ ему различныя свойства этого бытія и доступныхъ искусственному усовершенствованію (микроскопъ, телескопъ, слуховыя трубы, телефоны и проч.). Итакъ, заключаетъ нашъ авторъ, вопросъ о критеріяхъ истиннаго знанія едва ли уже нынѣ имѣетъ значеніе вопроса неразрѣшеннаго, загадочнаго, на обсужденіе котораго стоило бы тратить время и силы: лучшимъ критеріемъ истиннаго знанія служитъ научно-доказанный законъ однообразія природы, а изъ этого закона логически вытекаетъ то, что въ отдѣльныхъ случаяхъ для человѣка, въ его процессѣ познанія природы, единственнымъ критеріемъ дѣйствительно-существующаго и являются правильно организованныя чувственныя воспріятія его и другихъ людей. Таковъ конечный выводъ Грота о критеріяхъ истины. Рѣшеніе вопроса „о критеріяхъ истины“ особенно сильно повліяло на разработку ученія автора „О методѣ чувства“.

Сперва это вліяніе обнаружилось на его статьяхъ, относящихся къ области этики (напр. въ статьяхъ „О прогрессѣ“ (1883), „О свободѣ воли“ (84 г.), „О значеніи пессимизма и оптимизма“ (84 г.), „Объ эгоизмѣ и альтруизмѣ“ (84 г.)). Въ этихъ статьяхъ авторъ въ оцѣнку каждаго этического явленія вводилъ методъ чувства. Но особенно ясно ученіе о методѣ чувства обнаружилось въ „основныхъ типахъ философскихъ построеній въ различныя эпохи“¹⁾.

Авторъ указываетъ необходимость изслѣдовать философскія системы психологическимъ методомъ. Подъ психологическимъ же методомъ онъ разумѣетъ такой методъ, который разсматриваетъ философскія системы и построенія, какъ результаты удовлетворенія человѣкомъ субъективныхъ потребностей его

¹⁾ Рус. Богатство 1884, 8, 235—259 и 9, 425—440.

ума. Изъ этого же взгляда вытекаетъ, что всякая система должна быть разсматриваема въ связи, какъ съ субъективными потребностями человѣчества въ каждый отдѣльный моментъ его развитія, такъ и въ связи съ субъективными потребностями отдѣльныхъ личностей. Но разъ существуютъ извѣстные психологическіе законы правильнаго психологическаго развитія, уже а priori можно предположить, что въ эволюціи тѣхъ субъективныхъ потребностей, которыя порождали тѣ или другія философскія системы, должна быть извѣстная правильность. Что такая правильная смѣна моментовъ философскаго творчества существуетъ, это доказывается всѣми тѣми обобщеніями, къ какимъ уже пришла исторія философіи. Извѣстно, что существуютъ типы философіи— идеализмъ, матеріализмъ, деизмъ, эмпиризмъ, теизмъ, пантеизмъ и т. под. Главныхъ характерныхъ типовъ философіи авторъ насчитываетъ 6: мистицизмъ, догматизмъ, скептицизмъ, раціонализмъ, критицизмъ, эмпиризмъ. Высказывая то убѣжденіе, что органическая связь и послѣдовательность этихъ системъ не подлежатъ сомнѣнію, нашъ авторъ и старается установить эту связь. Первою формою философскихъ построеній по Гроту является мистицизмъ. Человѣкъ, вышедши изъ умственнаго дѣтства, начинаетъ инстинктивно стремиться къ познанію, къ тому, чтобы отдать себѣ отчетъ въ природѣ окружающихъ вещей; прежде всего, онъ ими поражается, благоговѣть предъ ними, какъ непонятными ему таинственными явленіями міра. И вотъ является предположеніе существованія таинственныхъ силъ природы, является поклоненіе имъ, и результатомъ его философскія построенія, въ которыхъ главнымъ содержаніемъ являются именно эти силы и которыя ставятъ себѣ задачей проникнуть въ природу этихъ силъ. Всѣ соотвѣтствующія объясненія существующаго, произвольныя построенія, фантастическія предположенія и составляютъ, по Гроту, то соединеніе идей и воззрѣній, которое называется мистицизмомъ.

Но на этой точкѣ зрѣнія человѣкъ не останавливается: онъ постепенно начинаетъ находить реальную связь явленій, и то, что казалось ему таинственнымъ, начинаетъ объясняться просто и естественно. Характеристической чертой этой стадіи развитія яв-

ляется то, что здѣсь человекъ еще вполне довѣряетъ своимъ случайнымъ опытамъ и размышленіямъ, не относится къ нимъ съ критикой и сомнѣніемъ—это—*догматизмъ*.

Но и догматизмъ, соединенный съ вѣрою въ непосредственный опытъ, продолжаться долго не можетъ. Является сознаніе цѣлаго ряда противорѣчій въ процессѣ сознанія, недовѣріе къ силамъ человеческого ума, какъ реакція противъ чрезмѣрнаго довѣрія къ нимъ. Является скептицизмъ, логическій продуктъ догматизма, доведеннаго до крайности.

Но и скептицизмъ тоже не можетъ долго продолжаться, съ одной стороны въ силу особенности человеческого ума, который, по самой своей организаціи, стремится проникнуть въ скрытыя отношенія вещей,—съ другой стороны, въ силу практической потребности человеческого познанія найти принципы нравственнаго поведенія. Недовѣріе къ силамъ познающаго субъекта разрѣшается яснымъ противоположеніемъ человеческого ума всей остальной природѣ и разрѣшается въ концѣ концовъ убѣжденіемъ, что человеческій умъ не можетъ быть такъ устроенъ, чтобы онъ не могъ познавать міра; онъ долженъ обладать средствами, которыя привели бы къ примиренію всѣхъ противорѣчій; онъ есть самъ по себѣ сила, которой нужно довѣриться, которую можно противопоставить внѣшнему чувственному опыту, объясняющему всѣ упомянутыя противорѣчія. Такъ является раціонализмъ—логическій выходъ изъ скептицизма.

Но раціонализмъ является выходомъ далеко не окончательнымъ: раціонализмъ доходитъ въ концѣ концовъ до абсурдовъ и произвольностей, такъ что необходимо является реакція. Преувеличеніе цѣны ума, мысли въ познавательномъ процессѣ,—убѣжденіе, что умъ способенъ непосредственно созерцать истину, приводитъ къ слишкомъ большому довѣрію къ его показаніямъ, и это излишнее довѣріе отражается на строѣ философскихъ ученій, приводитъ къ такимъ міросозерцаніямъ, въ которыхъ—масса произвольнаго, случайнаго. Когда произвольность и вообще незаконность многихъ выводовъ раціонализма замѣчается, когда замѣчается невозможность при помощи од-

ного ума, безъ помощи чувственнаго опыта, построить истинное представленіе о мірѣ, тогда является новый скептицизмъ, такъ сказать, частный: скептическое отношеніе къ силамъ отрѣшеннаго отъ опыта ума, вмѣстѣ съ потребностью разъяснить вообще степень возможности и предѣлы познанія природы вещей помощью наличныхъ средствъ человѣческаго сознанія, вмѣстѣ съ потребностью отдать себѣ отчетъ въ познавательныхъ процессахъ; является потребность разсматривать всю познавательную дѣятельность, какъ цѣлое, и связать представленіе объ отдѣльныхъ познавательныхъ функціяхъ въ органическую связь другъ съ другомъ; плодомъ такого стремленія является критицизмъ—новый типъ философскихъ построеній.

Критицизмъ стремится указать предѣлы познавательной дѣятельности, далѣе которыхъ человѣческой умъ идти не можетъ. Но когда въ результатѣ признана предѣльность познавательныхъ средствъ чловѣка, невозможность рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ человѣческаго ума, когда явилось сознаніе конечности человѣческой мысли, тогда философія устремляется на изученіе конкретно-данной дѣйствительности, является потребность точно обосновать изученіе этой конкретно-данной дѣйствительности, поставить въ основу познанія изученіе явленій, а не того, что лежитъ за ними и недоступно опыту: плодомъ критицизма является эмпиризмъ, какъ совокупность такихъ философскихъ построеній, которыя стремятся основываться исключительно на опытѣ. Такъ по нашему автору замыкается философское развитіе.

Но теперь является вопросъ: оканчивается ли развитіе философіи въ эмпиризмѣ? Гротъ рѣшительно отрицаетъ это. Если бы чловѣкъ былъ существомъ только теоретически познающимъ, если бы онъ только ощущалъ, познавалъ и умствовалъ, то на этомъ дѣло, пожалуй, и остановилось бы. Но все дѣло въ томъ, что рядомъ съ объективнымъ строемъ въ человѣческомъ сознаніи, есть строй субъективный; рядомъ съ объективными потребностями ума есть потребности субъективныя, которыя вскорѣ оказываются не удовлетворенными. Когда же

оказывается на дѣлѣ, что эмпирический методъ можетъ лишь постепенно, медленно, лишь послѣ вѣковой работы привести къ окончательнымъ результатамъ, когда оказывается, что всякая система, основанная на опытѣ, должна быть неполной, когда субъективная неудовлетворенность все болѣе и болѣе растетъ, тогда, по нашему мыслителю, снова является необходимость выйти за предѣлы опыта, является вновь обращеніе къ тому, что называется сверхчувственнымъ міромъ, является предположеніе, что такой сверхчувственный міръ существуетъ, что онъ управляется особыми силами и т. под. Такимъ образомъ, эмпиризмъ, въ силу субъективныхъ потребностей человѣческаго сознанія, приводитъ опять къ мистицизму. Начинается ровый кругъ міровоззрѣній, который отличается отъ прежняго лишь большею глубиною, но въ общемъ обнаруживаетъ тѣ же моменты развитія мысли человѣка.

Таковы по Гроту главные типы философскихъ построеній въ разныя эпохи и такова послѣдовательность въ ихъ смѣнѣ. Нашъ авторъ старается доказать вѣрность своихъ выводовъ историческими ссылками. Онъ указываетъ въ исторіи философіи смѣну перечисленныхъ нами моментовъ.

1) Мистицизмъ господствовалъ на Востокѣ и въ Греціи, до момента возникновенія собственно философскихъ системъ.

2) Догматизмъ—въ греческой философіи.

3) Средневѣковая философія, вмѣстѣ съ новой философіей перваго времени, представляетъ собою эпоху скептицизма.

4) Въ лицѣ Декарта и мистиковъ XVII и XVIII в. господствовалъ рационализмъ.

5) Съ Канта началась критическая философія.

6) Послѣ же него пріобрѣла господство эмпирическая философія (Кантъ, Льюисъ, Гербартъ, Бенеке и др.). Итакъ, во всей исторіи философіи всѣ указанные моменты смѣнились по одному разу. Но и въ каждомъ отдѣльномъ періодѣ можно указать повтореніе тѣхъ же моментовъ. Такъ, напр., въ греческой философіи изъ мистицизма древнихъ теогоній и космогоній вышелъ догматизмъ элейцевъ и пифагорейцевъ; изъ ихъ же догматизма, какъ реакція, вышелъ скептицизмъ

софистовъ: выходя же изъ скептицизма софистовъ, явился раціонализмъ Сократа и Платона; но этотъ раціонализмъ въ лицѣ Аристотеля создалъ перваго критициста. Критицизмъ же породилъ философію удовлетворенія лишь практическихъ интересовъ: эмпирическія (по задачѣ философіи) школы эмпикурейцевъ, стоиковъ и др. родственныхъ имъ направленій. Въ дальнѣйшемъ ходѣ философскихъ системъ нашъ авторъ усматриваетъ круговоротъ. Такъ, съ 1 в. до Р. Хр. начинается вновь обнаруживаться склонность къ мистицизму; являются Филонъ, Плотинъ, новопиэагорейцы, неоплатоники. Начинается новое религиозное движеніе, и въ связи съ нимъ зарождаются новыя формы мистической философіи, новыя мистическія построенія, которыя въ концѣ концовъ разрѣшились средневѣковымъ догматизмомъ и т. д., снова тотъ же круговоротъ. Итакъ, заключаетъ Гротъ, какъ вообще во всей исторіи философіи, такъ и въ отдѣльныхъ періодахъ ея, наблюдаются одни и тѣ же послѣдовательные моменты развитія мысли. Но чѣмъ объяснить это явленіе? Въ чемъ его смыслъ и заботы? Во второй статьѣ „Основныхъ типовъ“ авторъ и старается объяснить это явленіе. „Коллективная человѣческая мысль, говоритъ онъ, слагается на основахъ развитія мысли индивидуальной; мысль народа есть мысль большинства личностей, составляющихъ народъ. Если же такъ, если же коллективная мысль есть лишь сумма мыслей индивидуальныхъ, то вопросъ о смѣнѣ извѣстныхъ фазисовъ въ развитіи мысли коллективной въ концѣ концовъ окажется вопросомъ о смѣнѣ извѣстныхъ фазисовъ въ развитіи мысли суммы индивидуумовъ, взятыхъ вмѣстѣ. А если такъ, то является вопросъ, какіе же законы обуславливаютъ смѣну фазисовъ въ развитіи мысли индивидуумовъ, какіе законы обуславливаютъ то или другое направленіе умственнаго творчества отдѣльнаго человѣка? Такихъ законовъ, разъясняетъ нашъ авторъ, есть два: законъ подражательности или ассимиляціи, и законъ реакціи, или сопротивленія. Этими двумя главными законами и сочетаніемъ ихъ и объясняется смѣна моментовъ индивидуальной и общей философской мысли. Но тотъ фактъ, почему въ извѣстную

эпоху преобладаетъ одно міровоззрѣніе, а въ другую—другое, этими законами еще не объясняется. Для объясненія этого факта требуется еще найти дополнительные законы развитія идей въ исторіи философіи. Новѣйшая теорія развитія даетъ указанія на тѣ законы, которые объясняютъ подобное преобладаніе. Теорія развитія указываетъ, что характеръ тѣхъ или другихъ соціальныхъ явленій опредѣляется двумя принципами: борьбою за существованіе и естественнымъ подборомъ. Имѣютъ ли примѣненіе эти законы въ области идей, въ сферѣ мыслей? Гротъ убѣжденъ, что въ положительномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Въ области идей совершается тоже борьба за существованіе и естественный подборъ. Есть въ каждый моментъ извѣстная философская точка зрѣнія, которая, въ силу условій существованія и вслѣдствіе извѣстнаго состоянія знаній человѣка или народа, имѣетъ болѣе шансовъ на развитіе, чѣмъ другія точки зрѣнія. Несомнѣнно, напр. что въ древнѣйшую эпоху греческой философіи, имѣла болѣе шансовъ на развитіе мистическая точка зрѣнія, потому что для другихъ точекъ зрѣнія не существовало благоприятныхъ условій въ данномъ состояніи знаній человѣческихъ. Въ борьбѣ за существованіе имѣютъ перевѣсъ, побѣждаютъ тѣ воззрѣнія, которыя болѣе приспособлены къ интеллектуальной средѣ, на почвѣ которой они развиваются. Другой дополнительный законъ, это законъ естественнаго подбора: есть умы, болѣе сходные по своей организаціи другъ съ другомъ, и есть умы менѣе сходные. Это сходство и несходство умовъ является факторомъ въ борьбѣ за существованіе между идеями. Если бы такого сходства и несходства не было, то упомянутая борьба совершалась бы съ большимъ однообразіемъ и не достигала бы тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, какихъ она достигаетъ, благодаря этому принципу. Но не только между умами, но и между идеями существуетъ такой же естественный подборъ. Идеи, родственныя въ разныхъ умахъ, путемъ умственнаго обмѣна стремятся соединиться въ одно цѣлое. Извѣстныя міровоззрѣнія, въ первыя минуты элементарныя и невыработанныя, скоро достигаютъ поэтому такого развитія

и живучести, благодаря естественному средству идей, что называемое время становятся руководящими.

Итакъ, резюмируетъ свои мысли Гротъ, преобладаніе тѣхъ или другихъ міровоззрѣній въ данную эпоху, въ томъ или другомъ народѣ и во всемъ человѣчествѣ, объясняется принципами—борьбы за существованіе и естественнымъ подборомъ идей, между тѣмъ, какъ направленіе индивидуальнаго умственнаго развитія объясняется законами ассимиляціи и реакціи.

Теперь остается еще одинъ вопросъ—насколько во всѣхъ указанныхъ направленіяхъ мысли сказывается именно субъективный строй человѣческой природы, субъективныя настроенія чувства, влеченія, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ народовъ. Нашъ авторъ находитъ не труднымъ доказать, что въ основѣ всѣхъ этихъ направленій философскаго творчества лежатъ субъективныя состоянія сознанія.

Доказательство этого своего тезиса Гротъ начинаетъ съ анализа чувствованій, возбуждающихъ мистицизмъ. Мистицизмъ соотвѣтствуетъ пробужденію въ человѣкѣ умственныхъ и познавательныхъ потребностей, а чрезъ то соотвѣтствуетъ тому состоянію удивленія, которое вызываетъ въ человѣкѣ созерцаніе еще непонятныхъ ему явленій природы. Мистицизмъ и есть философія угнетеннаго, уstraшеннаго этимъ созерцаніемъ, пораженнаго новизною видимыхъ явленій, недоумѣвающего предъ ними душевнаго настроенія; всякое (?) мистическое міровоззрѣніе въ концѣ концовъ основано на чувствѣ страха, робости, приниженности, на субъективномъ стремленіи человѣка найти себѣ опору и прибѣжище въ правильномъ общеніи съ таинственными силами, управляющими природою и единственно способными защищать его противъ тѣхъ случайностей, которымъ безпрестанно подвержены его жизнь и благосостояніе. Поэтому же самому мистицизмъ, по нашему мыслителю, есть философія рабства, аскетизма, эпохи младечества, когда человѣкъ не способенъ еще справиться ни съ природою, ни съ окружающими его людьми, и потому начинаетъ вѣрить, что вокругъ его дѣйствуютъ какія-то таинственныя, не подчиненныя ему, силы и дѣтели. Догматизмъ

есть, наоборотъ, философія надежды, самоувѣренности, твердаго, спокойнаго настроенія, которое наступаетъ вслѣдъ за подавленностью и сопровождаетъ эпоху юности, пробужденія свободы и силы. Догматизмъ развивался въ тѣ эпохи, когда, съ одной стороны, совершался переходъ отъ деспотіи къ болѣе свободнымъ формамъ жизни, когда, съ другой стороны, открывались новыя способы справляться съ явленіями природы и подчинять ихъ своей волѣ, когда являлась у человѣка надежда подчинить вскорѣ себѣ явленія и сдѣлать ихъ источниками своего благоденствія.

Противоположностью догматизму,—философіи юности, свободы, является скептицизмъ—философія разочарованія, отчаянія, уныло-апатичнаго настроенія. Эта философія усталости, подавленности, является тогда, когда въ человѣкѣ, вслѣдствіе повесенныхъ имъ утратъ, неудачъ и разочарованій въ борьбѣ съ природою, разбилась увѣренность и надежда, что онъ справится съ условіями окружающей его среды; поэтому же скептицизмъ сопровождаетъ поворотныя, критическія эпохи, какъ въ развитіи наукъ, такъ и въ развитіи соціальнаго строя жизни, эпохи, характеризующія кризисъ, переходъ отъ юности къ зрѣлости. Рационализмъ есть философія возстановленной умственной гармоніи, пріобрѣтенаго вновь равновѣсія душевныхъ силъ; онъ соотвѣтствуетъ тому состоянію спокойствія, которое сопровождаетъ первыя эпохи зрѣлости человѣческой мысли въ общественной и индивидуальной жизни, эпохи установленія устойчивыхъ отношеній въ области соціальной и въ области взаимодѣйствія человѣка съ природою. Поэтому рационализмъ сопровождается возстановленнымъ довѣріемъ человѣка къ силѣ своей воли, направленной сознательно къ извѣстной цѣли. Но это чисто субъективное состояніе довѣрія сопровождается преувеличеніями, которыя опять вызываютъ новую реакцію. Когда человѣкъ извѣрился въ чрезмѣрной и абсолютной силѣ своего ума и своей воли при наличныхъ способахъ борьбы съ природою и съ соціальнымъ неустройствомъ, тогда онъ дѣлается склоннымъ вновь допустить сомнѣніе въ своемъ могуществѣ; и этотъ синтезъ частнаго сомнѣнія и ча-

стной увѣренности, синтезъ скептицизма и рационализма, даетъ въ результатѣ критицизмъ. И въ этомъ міровоззрѣніи основа, главнымъ образомъ, субъективная, потому что оно (міровоззрѣніе) соотвѣтствуетъ извѣстному строю интеллектуальныхъ и нравственныхъ чувствъ человѣка, оно соотвѣтствуетъ извѣстной гармоніи между увѣренностью человѣка въ его силѣ и недоувѣріемъ къ этимъ силамъ, которое обусловливается сознаніемъ невозможности достигнуть сразу совершенныхъ знаній и совершеннаго соціального устройства, сознаніемъ ограниченности и относительности своего могущества. Наконецъ, эмпиризмъ есть философія окончательной зрѣлости и старости, охлажденія и равнодушія, философія, вызванная тѣмъ настроеніемъ, которое возникаетъ, когда человѣкъ, вслѣдствіе критической повѣрки средствъ, которымъ онъ обладаетъ для того, чтобы передѣлать дѣйствительность, убѣдился, что средства эти хороши лишь въ условномъ смыслѣ и что, отбросивъ слишкомъ широкія и неосуществимыя, утопическія задачи, онъ долженъ терпѣливо и кропотливо сосредоточиться на частной, специальной дѣятельности.

Но и эмпиризмъ не есть міровоззрѣніе, сопровождающее окончательное разложеніе мысли и силъ человѣка. Въ послѣднюю эпоху существованія, эпоху дряхлости, старости, народы снова впадаютъ въ мистицизмъ, въ младенческое, дѣтское состояніе угнетеннаго, недоумѣвающего настроенія. Подобно тому, какъ каждая личность, прожившая полную жизнь, въ свою послѣднюю фазу существованія возвращается къ исходной точкѣ, т. е., снова впадаетъ въ дѣтство, такъ и мысль человѣка въ своей послѣдовательной эволюціи опять возвращается въ состояніе, въ которомъ она находилась въ исходномъ моментѣ своего развитія.

Итакъ нашъ авторъ находитъ, что нѣтъ данныхъ сомнѣваться въ томъ, что въ основѣ всѣхъ указанныхъ типовъ міровоззрѣнія лежатъ субъективныя настроенія и чувства человѣка. И подобно тому, какъ въ жизни цѣлаго человечества смѣняются послѣдовательно всѣ 6 типовъ философскихъ настроеній, такъ и въ жизни cadaго отдѣльнаго человѣка пере-

живаются всѣ эти типы. Въ эпоху младенчества человѣкъ склоненъ къ мистицизму: потому-то часто встрѣчается въ людяхъ, начинающихъ приходить къ самосознанію, настроеніе мистически—религіозное, которое сопровождается смутнымъ стремленіемъ къ самосовершенствованію. Затѣмъ слѣдуетъ эпоха самоувѣренности, эпоха догматизма, которая характеризуетъ юность каждаго человѣка, мыслящаго и развивающагося. За этой эпохой, на поворотѣ отъ молодости къ зрѣлости,— слѣдуетъ часто періодъ разочарованія, апатіи (скептицизмъ), а затѣмъ наступаетъ періодъ зрѣлости, когда человѣкъ восстанавливаетъ гармонію въ своемъ субъективномъ строѣ, приобретаетъ сознательное довѣріе къ своимъ силамъ, начинаетъ вѣрить въ свой умъ (раціонализмъ). Но въ этомъ довѣрїи къ своему уму, къ своимъ силамъ, есть всегда нѣкоторое преувеличеніе, которое устраняется критицизмомъ, соотвѣтствующимъ второму періоду зрѣлости индивидуумовъ и представляющимъ собою, такъ сказать, послѣдніе итоги повѣрки своихъ знаній, силъ и стремленій. Наконецъ, окончательно достигнувъ извѣстнаго міровоззрѣнія, человѣкъ въ зрѣлые годы начинаетъ примѣнять свои принципы къ частностямъ и подробностямъ, становится эмпирикомъ, склоннымъ отрицать всякіе метафизическіе вопросы. И нашъ актеръ находитъ, что каждый человѣкъ, если только онъ вникнетъ въ свое умственное прошлое и настоящее, способенъ будетъ болѣе или менѣе ясно опредѣлить ту эпоху, въ какой онъ находится. „И мнѣ кажется, заключаетъ онъ ¹⁾, что я переживаю нынѣ періодъ скептицизма, переходъ отъ догматическаго настроенія къ раціоналистическому, насколько послѣднее возможно при томъ строѣ знаній и стремленій, какія находятся у меня на лицо“. Обосновывая далѣе субъективность основъ философскихъ міровоззрѣній, Гротъ находитъ, что эта субъективность доказывается не только анализомъ общихъ точекъ зрѣнія, на которыя становилась философія, но и анализомъ разныхъ частныхъ направленій. Такъ матеріализмъ проявляется въ людяхъ холоднаго темперамента, живущихъ болѣе умомъ, нежели

¹⁾ Р. Б. 1884, 9, 436.

сердцемъ; спиритуализмъ соотвѣтствуетъ преобладанію въ человѣкѣ нравственныхъ эмоцій. Теизмъ по Гроту обусловливается (будто?) преобладаніемъ въ душевномъ строѣ индивидуальныхъ эгоистическихъ чувствъ и потому-то онъ болѣе (?) соотвѣтствуетъ нравственному строю малоразвитаго въ социальномъ отношеніи человечества ¹⁾. Пантеизмъ, наоборотъ, обнаруживается преобладаніемъ социальныхъ, альтруистическихъ чувствъ (?) и пантеистами, въ противоположность теистамъ, бывали исключительныя по развитію и широтѣ своихъ общественныхъ симпатій личности: имъ доступно было широкое сочувствіе ко всему живому, къ природѣ въ ея цѣломъ,—совершенно непонятное для заурядныхъ натуръ.

Но еще яснѣе субъективное основаніе философскихъ міровоззрѣній въ практической области въ области нравственности. Гротъ беретъ въ примѣръ ученіе интуитивистовъ и утилитаристовъ. Люди, бывшіе по преимуществу альтруистами, склонные жертвовать собою на пользу ближнихъ, имѣли всегда болѣе склонности къ интуитивистической точкѣ зрѣнія въ морали. Напротивъ того, утилитаристы стояли всегда болѣе на почвѣ чувствъ эгоистическихъ. Они олицетворяли собою протестъ человѣческой природы противъ тѣхъ, иногда бесплодныхъ жертвъ, какія требовалъ въ ту или другую эпоху несовершенный социальный строй. Синтезъ той или другой точки зрѣнія соотвѣтствуетъ синтезу чувствъ альтруистическихъ и эгоистическихъ въ отдѣльной личности, моральному ученію современнаго эволюціонизма. Наконецъ, въ оптимизмъ и пессимизмъ сказывается контрастъ преобладанія состояній пріятныхъ и непріятныхъ. Лица, испытывающія болѣе страданій, нежели удовольствій, склонны къ пессимизму и наоборотъ. Такимъ образомъ, по нашему мыслителю, всѣ существующія разграниченія понятій, соотвѣтствующихъ разнымъ типамъ философскихъ построеній, могутъ быть объяснены на почвѣ субъективныхъ настроеній и чувствъ человѣка. Вслѣдствіе же такой субъективной основы, всѣ міровоззрѣнія находятся другъ съ другомъ въ большемъ или меньшемъ родствѣ или.

¹⁾ Р. В. 1884, 9, 437.

антагонизмѣ, т. е., склонны сочетаться въ одно цѣлое, или, напротивъ, исключать другъ друга. Ихъ объединяютъ въ одно цѣлое, или рѣзко раздѣляютъ другъ отъ друга, именно чувства и субъективныя влеченія человѣческой природы. И Гротъ находитъ, что до тѣхъ поръ, пока эти субъективныя состоянія будутъ оказывать вліявіе на мысли человѣка, до тѣхъ поръ будутъ плодиться и новыя философскія міровоззрѣнія. А это вліяніе, по нашему мыслителю, можетъ прекратиться лишь съ полной эмансипаціей мысли человѣка отъ чувствъ, съ полнымъ развитіемъ человѣческаго сознанія и самосознанія, съ окончательною побѣдою идейныхъ началъ надъ эмоціальными, съ развитіемъ абсолютной свободы, подчиненіемъ ея исключительно однимъ лишь идейнымъ началамъ. Но здѣсь естественно у нашего автора возникаетъ вопросъ: „Но можетъ ли подобная перспектива когда либо осуществиться?“ Едва ли, отвѣчаетъ авторъ ¹⁾, такое состояніе достижимо, а если оно и можетъ быть удѣломъ человѣчества, то лишь въ самомъ отдаленномъ будущемъ. Теперь же Гротъ считаетъ лишь возможнымъ, сказать, что еще долго, въ теченіе всего времени, какое мы можемъ обозрѣть своимъ воображеніемъ, *чувство* будетъ все таки въ той или другой степени *вліяты* на мысль, и вмѣстѣ съ тѣмъ философскія міровоззрѣнія будутъ по прежнему жить, развиваться и смѣнять другъ друга“. Этимъ и заканчивается излагаемая нами статья Грота. Выясняя значеніе этой статьи въ общемъ ходѣ своего развитія, Гротъ говоритъ, что онъ „въ Основныхъ типахъ философскихъ построеній“ довольно точно и опредѣленно обосновалъ связь философскихъ построеній съ чувствомъ, признавъ ограниченное число этихъ построеній и зависимость ихъ отъ преобладанія различныхъ чувствъ въ извѣстныя эпохи и у извѣстныхъ людей, а также неизбежную смѣну или круговоротъ философскихъ освѣщеній дѣйствительности въ исторіи мысли всего человѣчества, всякаго народа и отдѣльнаго человѣка.

Это положеніе Грота имѣло большое значеніе для послѣдующихъ работъ ²⁾. Изъ него вытекала относительная закон-

¹⁾ Р. В. 1884, 9, 440.

²⁾ См. здѣсь опять указ. самого Грота (Пр. Об. 1886 г. 12, 801 стр.).

ность каждаго философскаго міровоззрѣнія, и оставался лишь одинъ шагъ до признанія возможности такого философскаго ученія, которое, опираясь на синтезъ разнообразныхъ чувствъ и соотвѣтствуя извѣстной гармоніи и полнотѣ ихъ, исчерпывало бы до дна субъективныя потребности человѣка и соотвѣтствовало бы дѣйствительной субъективной внутренней цѣнѣ самыхъ вещей и міра. Но прежде, чѣмъ сдѣлать рѣшительный шагъ къ признанію этого положенія, Гротъ еще разъ выпускаетъ въ свѣтъ статью, разрабатывающую вопросъ въ духѣ позитивной науки. Это—статья: „Къ вопросу о классификаціи наукъ“. Въ вопросѣ о классификаціи наукъ Гротъ вполне примыкаетъ къ позитивизму; свою классификацію онъ обосновываетъ, выходя изъ Конта и Спенсера. Задача классификаціи наукъ, по нашему мыслителю, состоитъ отнюдь не въ томъ, въ чемъ ее полагали многіе изъ прежнихъ философовъ,—въ возможно—гармоническомъ распредѣленіи уже существующихъ названій наукъ. Гротъ находитъ, что эти названія возникли случайно, подъ вліяніемъ временныхъ и чисто субъективныхъ условій научной дѣятельности. И потому пытаются отыскать необходимую органическую связь тамъ, гдѣ дано только случайное механическое соединеніе,—безнадежная, да и бесполезная задача. Научная классификація наукъ должна, по нашему автору, искать своихъ принциповъ въ изслѣдованіи самихъ явленій природы, въ ихъ естественной системѣ, а не въ разсмотрѣніи признанныхъ до сего времени категорій наукъ и знаній. А такъ какъ наука есть одна изъ разнородныхъ „дѣятельностей“ человѣка, регулируемыхъ закономъ психологическимъ, то по Гроту научная классификація наукъ должна быть обоснована на принципахъ психологическихъ, въ частности, на тѣхъ, которые относятся къ теоріи познавательныхъ процессовъ человѣка. Другими словами, она, по нашему мыслителю, должна быть результатомъ изслѣдованія различныхъ моментовъ познавательной дѣятельности человѣка въ ихъ связи съ естественной системою объектовъ этой послѣдней. Слѣдовательно, задача классификаціи наукъ есть задача психологическая, но вмѣстѣ съ тѣмъ, она разрѣшима

только на почвѣ общаго ученія о природѣ, о системѣ явленій природы и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, т. е., на почвѣ естествознанія въ обширномъ значеніи этого слова. Опредѣливши характеръ задачи классификаціи наукъ, Гротъ опредѣляетъ далѣе главнѣйшій принципъ классификаціи наукъ. Такимъ главнымъ, принципомъ по Гроту является единство и неразрывность науки. Наука, едина и неразрывна, какъ съ господствующей въ наше время психологической точки зрѣнія, съ которой она представляется однороднымъ и органически связаннымъ, по своимъ приѣмамъ и задачѣ, видомъ человѣческой дѣятельности,—такъ и съ распространенной нынѣ физической, или естественно-научной точки зрѣнія, признающей единство и цѣльность всей природы, насколько она является „объектомъ“ научнаго познанія. Поэтому, если и можно дѣлить и дробить единую и неразрывную въ своихъ частяхъ науку, то лишь условно, чисто логически, такимъ же способомъ, какимъ логически разчленяется идея организма, идея сознанія и т. д.; въ сущности же, повторяетъ нашъ авторъ, наука едина, однородна и неразрывна. Это по Гроту—главный принципъ классификаціи наукъ. Но есть и частные принципы; они двухъ родовъ—физическіе и психологическіе. Наука должна разчленяться: въ 1-хъ, сообразно своему объективному содержанию, т. е., сообразно со свойствами и отношеніями предметовъ, ею изслѣдуемыхъ, и во 2-хъ, сообразно своему внутреннему строенію, т. е., сообразно психологическимъ моментамъ научнаго анализа, направленнаго на объекты одного и того же порядка. Эти два расчлененія научнаго организма должны, по нашему мыслителю, тѣсно переплетаться другъ съ другомъ, и слѣдовательно, внѣшняя и внутренняя, экстроспективная (объективная) и интроспективная (субъективная) точки зрѣнія въ разчлененіи должны постоянно идти рука объ руку. Это и составляетъ второй общій принципъ для классификаціи наукъ, выведенный изъ анализа связи и отношенія принциповъ.

Но этотъ принципъ до сихъ поръ еще недостаточно ясно сознавался. Нашъ авторъ и доказываетъ это исторіею вопроса ¹⁾. Итогъ этихъ взглядовъ тотъ, что до Конта собственно

¹⁾ 339 стр. и слѣд. (Р. Б. 1884 г. XI, „Къ вопросу о классификаціи наукъ“).

не было заслуживающей вниманія классификаціи наукъ; Контъ далъ первый опытъ вполне сознательной и научной классификаціи знаній. Второй опытъ былъ предложенъ Спенсеромъ. По мнѣнію нашего мыслителя эти двѣ классификаціи—контская и спенсеровская, представляютъ собою все, что наука дала до сихъ поръ цѣннаго и серьезнаго въ этой области, такъ какъ всѣ другіе опыты классификаціи наукъ, послѣ появленія философіи Конта, или возвращаются къ прежнимъ ненаучнымъ принципамъ (напр. Амперъ, Дюрингъ), или же представляютъ только нѣкоторую переработку этихъ двухъ классификацій (напр. Бэнъ). Гротъ и ограничивается разборомъ только этихъ двухъ лучшихъ классификацій. Главное различіе между ними то, что у Конта преобладаетъ объективный, физическій критерій, а у Спенсера—субъективный, внутренній. Критикуя классификацію Конта и Спенсера, нашъ авторъ приходитъ къ тому выводу, что изъ классификаціи Конта можетъ быть взяты только общій принципъ—іерархіи знаній, а у Спенсера можно взять его психологическую точку зрѣнія—различіе абстрактныхъ, конкретныхъ и смѣшанныхъ научныхъ идей и стремленій, и обозначеніе особыми терминами наукъ, въ которыхъ обнаруживается это различіе содержанія идей. Но въ общемъ Гротъ находитъ обѣ эти классификаціи далеко не удовлетворительными и пытается самъ исправить и объединить обѣ эти классификаціи въ одной общей системѣ, руководствуясь обоими принципами: (объективнымъ) принципомъ развитія явленій природы, независимо отъ нашего сознанія, и (субъективнымъ) принципомъ развитія нашихъ идей въ процессъ познанія этихъ явленій природы. Нашъ авторъ и находитъ, что по первому изъ этихъ принциповъ всѣ міровыя явленія можно раздѣлить на три класса: 1) неорганическія, 2) органическія и 3) надорганическія. Каждый изъ этихъ классовъ можно въ свою очередь раздѣлить на двѣ группы: первый—на космическую и геологическую, второй—на фитологическую (растительную) и зоологическую, и третій—психологическую и соціоло-

гическую. Такимъ образомъ, по Гроту получается слѣдующая основная (съ физической точки зрѣнія) іерархія наукъ:

- I. Науки о неорганическихъ явленіяхъ—Космологія, Геологія.
- II. Науки объ органическихъ явленіяхъ—Фитологія, Зоологія.
- III. Науки о надорганическихъ явленіяхъ—Психологія, Соціологія.

Нашъ авторъ указываетъ на то, что это основное разчлененіе содержавія науки отличается совершеннымъ единствомъ принципа и простоты, но именно въ силу этой особенности въ этой классификаціи и не встрѣчается такихъ названій наукъ, какъ математики, астрономіи, химіи, фізіологіи. Всѣ эти названія обозначаютъ собою науки болѣе спеціальнаго характера и получаютъ при дальнѣйшемъ разчлененіи 6 основныхъ наукъ съ точки зрѣнія психологической. Основною же психологической точки зрѣнія является тотъ психологическій процессъ идей и знаній отъ конкретныхъ къ абстрактнымъ, который отражается на составѣ каждой объективно-раздѣльной науки. Съ этой точки зрѣнія, естественная послѣдовательность наукъ будетъ слѣдующая:

1) Науки конкретныя	} индуктивныя.
2) Науки конкретно-абстрактныя	
3) Науки абстрактныя	} индуктивно-дедуктивныя.
4) Науки абстрактно-конкретныя	

Такое распредѣленіе наукъ опредѣляется, по Гроту, тѣми *четырьмя* стадіями, чрезъ которыя проходитъ каждая отдѣльная наука въ своемъ развитіи.

Первою—низшею подготовительною стадіею каждой науки, по нашему автору, является обработка конкретныхъ представленій въ конкретныя понятія, или, говоря другими словами, провѣрка, исправленіе и дополненіе, системы—тѣхъ конкретныхъ понятій, которыя образовались въ человѣческомъ умѣ подъ вліяніемъ внѣ и до научнаго ознакомленія съ природою. Эту задачу, въ предѣлахъ каждой области знаній, и выполняютъ науки конкретныя, собирающія, описывающія и классифицирующія матеріаль, т. е., наличные факты научнаго опыта.

Вторая стадія научной дѣятельности—это переработка конкретных понятій въ отвлеченныя, —искусственныя расчлененія, и анализъ содержанія конкретных понятій, въ видахъ провѣрки исправленія и дополненія образовавшихся въ человеческомъ умѣ, путемъ донаучнаго опыта, отвлеченныхъ понятій. Эту задачу и выполняютъ науки конкретно-абстрактныя, т. е. науки, матеріаль которыхъ является еще конкретнымъ, продукты же абстрактными.

Третью стадію научной работы,—составляетъ переработка отвлеченныхъ понятій въ самыя отвлеченныя, методически организованныя, научныя идеи, съ цѣлью построенія стройной системы таковыхъ (понятій) и съ цѣлью приобрѣтенія общихъ принциповъ, изъ которыхъ можно бы было дедуцировать совершенное объясненіе всевозможныхъ специальныхъ случаевъ—этимъ занимаются абстрактныя науки. Когда, такимъ образомъ, развитіе научныхъ идей дойдетъ до своей вершины, тогда, по Гроту, начинается обратный путь—отъ абстрактнаго къ конкретному, и объясненіе конкретныхъ явленій съ точки зрѣнія абстрактныхъ принциповъ составляетъ уже задачу наукъ абстрактно-конкретныхъ (4-ая стадія).

Сообразно этимъ четыремъ степенямъ отвлеченности наукъ, нашъ авторъ и расчленяетъ основныя 6 наукъ. Нѣкоторыя изъ этихъ наукъ уже прошли всѣ стадіи своего развитія, другія еще находятся на пути развитія. Такъ, абстрактную, —самую позднюю стадію развитія, прошли науки только въ области космологіи. Въ геологіи, зоологіи и фитонологіи онѣ находятся только въ процессѣ образованія, въ психологіи же и соціологіи—онѣ могутъ быть только предусмотрѣны, какъ должествующія развиться. Объектами на послѣдней (абстрактной) стадіи развитія наукъ являются самыя отвлеченныя научныя идеи, къ выработкѣ и опредѣленію которыхъ наука постепенно стремится въ различныхъ своихъ отдѣлахъ. Такъ, въ космологіи такими идеями являются идеи—формы, величины, числа, пространства, времени; въ геологіи,—идеи тѣла, вещества, силы...; въ фитонологіи—идеи существованія, роста,

развитія...; въ психологiи—идеи—сознанія, субъекта, психической эволюціи...; въ соціологiи идеи--союза, общества, коллективнаго творчества, прогресса, культуры, искусства, науки и т. д. Гротъ указываетъ на то, что нѣкоторыя изъ этихъ идей, какъ особые предметы изслѣдованія, едва еще намѣчены въ наукѣ, но за то, чѣмъ меньше онѣ были до сихъ поръ доступны научному опредѣленію, тѣмъ съ большимъ упорствомъ она стремилась предугадать и опредѣлить ихъ значеніе путемъ отвлеченныхъ фантазій; философія и является поэтому, съ точки зрѣнія нашего автора, низшей стадіею развитія всѣхъ абстрактныхъ наукъ, вмѣстѣ взятыхъ, и преждевременною попыткою объединенія и законченнаго изложенія ихъ предполагаемаго содержанія, попыткою вполнѣ законною съ субъективной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія чувствованій и стремленій человѣка, но незаконною съ точки зрѣнія объективной, научной. Вслѣдствіе же такого пониманія, нашъ авторъ и отказывается считать философію наукою, а признаетъ ее только высшимъ отвлеченнымъ „искусствомъ“, иногда вѣрно предугадывающимъ будущія открытія науки, но все-таки субъективнымъ, носящимъ на себѣ печать личности и времени, и потому вовсе не освобождающимъ науку отъ необходимости повторить ту же работу мысли новымъ путемъ и новыми приѣмами. Философія, отрицающая это свое субъективное значеніе и претендующая, несмотря ни на что, быть наукою, и есть по Гроту та метафизика, лженаука, противъ которой боролись лучшіе умы во всѣ эпохи и которая въ древности носила названіе діалектики, а въ средніе вѣка—назаніе „схоластики“. Итакъ, самый фактъ существованія философіи говоритъ за то, что абстрактной стадіи науки далеко еще не достигли; но все-таки и эта, самая отвлеченная стадія, возможна для всѣхъ наукъ. Приводя въ единство всѣ важнѣйшія расчлененія содержанія науки, Гротъ даетъ слѣдующую общую классификацію наукъ, исчерпывающую всѣ возможныя стадіи и все содержаніе человѣческаго знанія (см. таблицу этой классификаціи на слѣдующей страницѣ).

Науки:	А) Конкретныя	Б) Конкретно-абстрактныя	В)
Космологія Геологія	Космографія Географія	Космогенія-мегатологія (о величинахъ) и кинесологія. Геогенія - соматологія (химія) и динамологія (физика)	С (вс тин (Г ств
Фитологія Зоологія	Фитографія Зоографія	Фитогенія (морфологія—анатомія растений) и бластанологія(фізіологія растений) Зоогенія (органологія—анатомія животныхъ и фізіологія)	О ло жи В
Психологія Соціологія	Психографія Соціографія	Психогенія (эстетесологія (психостатика) и психоматологія (или психодинамика) Соціогенія (есмологія соціостатика)и эргасіологія (или соціодинамика).	Н о об (н ще

Такова первая русская позитивно-эволюціонная (по названію, данному классификаціи самимъ авторомъ) классификація наукъ.

Составивъ означенную классификацію, Гротъ старается представить нѣкоторыя дополнительныя соображенія въ пользу ея. Такъ какъ эта классификація главнымъ принципомъ имѣетъ (какъ мы уже указывали) единство и неразрывность, однородность наукъ, а единство, однородность науки имѣетъ своимъ основаніемъ единство и однородность источника бытія, то нашъ авторъ и старается доказать единство обоихъ источниковъ знанія—внутренняго и внѣшняго опытовъ. Свои доказательства въ пользу этого онъ выражаетъ въ 4-хъ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) между внѣшнимъ и внутреннимъ опытомъ нѣтъ рѣзкой противоположности и строгихъ границъ: различіе того и другого для современнаго психолога совершенно условно. 2) Нѣтъ области знанія и, слѣдовательно, науки, которая могла бы быть создана иначе, какъ при совмѣстномъ участіи внѣшняго и внутренняго опыта въ различныхъ пропорціяхъ и отношеніяхъ. 3) Развитіе методовъ познанія, завися отъ развитія и отношенія соответствующихъ явленій, есть развитіе столько же внѣшняго, сколько и внутренняго опыта, параллельно и въ ихъ согласіи другъ съ другомъ. 4) Науки психологическія и соціологическія, трактующія главнымъ образомъ, но не исключительно, о человѣкѣ, отличаются отъ наукъ космологическихъ, геологическихъ, фитологическихъ и зоологическихъ не противоположностью своихъ методовъ, основанныхъ будто бы на противоположности внѣшняго и внутренняго опыта, а лишь большею сложностью соединенныхъ и интегрированныхъ въ одно неразрывное цѣлое другъ съ другомъ методовъ внутренняго и внѣшняго опытовъ. Примѣромъ такой интеграціи Гротъ и считаетъ свою классификацію наукъ, построенную на объединенныхъ принципахъ развитія явленій природы и явленій сознанія (идей), причемъ первый извлеченъ преимущественно изъ внутренняго опыта. (Р. Бог. 1884, XII, 12; 613—614 стр.).

На основаніи всѣхъ этихъ тезисовъ—авторъ и ставитъ общую посылку, что во всѣхъ сферахъ познанія внѣшній и

внутренній опыты въ различныхъ формахъ и пропорціяхъ органически связаны другъ съ другомъ и неотдѣлимы другъ отъ друга; иначе говоря, Гротъ утверждаетъ, что источникъ познавія въ сущности одинъ и тотъ же; отсюда прямой выводъ къ единству и однородности науки. А единство и однородность науки и есть тотъ принципъ, который нашъ авторъ стремится, какъ можно крѣпче, обосновать, чтобы имѣть полное право положить его въ основу своей классификаціи наукъ. И такъ какъ этотъ принципъ, по мнѣнію самого автора, вполне обоснованъ, то, очевидно, классификація, построенная на немъ, можетъ считаться также вполне обоснованною. Таковъ послѣдній итогъ изъ дополнительныхъ соображеній автора по поводу его классификаціи наукъ.

Александръ Никольскій.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ЛТЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Августа № 15. 1903 года.

Содержаніе. Росписаніе на весь годъ часовъ дня, въ которые долженъ производиться благоуѣсть въ Церквахъ Харьковской Епархіи.—Высочайшее повелѣніе о возвышеніи служебныхъ правъ и преимуществъ помощниковъ инспекторовъ духовныхъ семинарій.—Высочайшая отмѣтка.—Опредѣленія Святѣйшаго Синода 1) по поводу Высочайшей отмѣтки на всенодланѣйшемъ отчетѣ о состоявіи Псковской губерніи за 1901—1902 г., 2) о введеніи преподаванія соматологіи и гігіены въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.—Разъяснительное постановленіе Святѣйшаго Синода по вопросу о порядкѣ производства Правленіями духовно-учебныхъ заведеній испытаній на званіе учителя или учительницы одноклассной церковно-приходской школы въ лѣтніе мѣсяцы.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи объявленіе.—Отъ Харьковского Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

РОСПИСАНІЕ

на весь годъ часовъ дня, въ которые долженъ производиться благоуѣсть въ церквахъ Харьковской Епархіи.

А. ВЪ Г. ХАРЬКОВѢ.

1. БЛАГОВѢСТЬ КЪ ВЕЧЕРНЯМЪ.

Въ 1 часъ по полудни: въ Соборѣ и въ приходскихъ церквахъ въ навечерія Рождества Христова и Богоявленія, если они случатся въ субботу или воскресеніе, въ приходскихъ церквахъ въ великій пятокъ.

Въ 2 часа по полудни: въ Соборѣ въ великій пятокъ.

Въ 4 часа по полудни: въ Соборѣ и въ приходскихъ церквахъ на первый день Пасхи и въ субботу сыропустную.

Въ 5 часовъ пополудни: къ вечернѣ, соединенной съ утренею, въ Соборѣ и въ приходскихъ церквахъ въ воскресные, праздничные и простые дни въ теченіе всего года.

2. БЛАГОВѢСТЬ КО ВСЕНОЩНЫМЪ БДѢНІЯМЪ.

Въ 6 часовъ вечера: во весь годъ наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Въ это же время производится благо-

вѣсть къ Андрееву стоянію, къ Страстямъ и въ навечеріе субботы акаѳиста.

3. БЛАГОВѢСТЬ КЪ УТРЕНЯМЪ.

Въ 12 часовъ ночи: на первый день Пасхи.

Въ 4 часа утра: въ праздники Рождества Христова, Богоявленія и Благовѣщенія.

Въ 4 часа утра: въ великую субботу.

4. БЛАГОВѢСТЬ КЪ РАННИМЪ ЛИТУРГІЯМЪ.

Въ 6 часовъ утра: во всѣ дни года, когда бываетъ ранняя литургія.

5. БЛАГОВѢСТЬ КЪ СРЕДНИМЪ, ПО ВРЕМЕНИ, ЛИТУРГІЯМЪ.

Въ 8 часовъ утра: въ приходскихъ церквахъ на Пасхальной недѣлѣ, начиная со среды, въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ, въ субботы: Троицкую, Дмитріевскую и мясопустную, въ средніе праздники: Іоанна Богослова, 8 мая, св. пророка. Іліи, 20 іюля, св. великомученика Пантелеимона, 27 іюля, Архистратига Михаила, 8 ноября, и въ тѣ высокаторжественные дни, когда совершается только одна литургія.

6. БЛАГОВѢСТЬ КЪ ПОЗДНИМЪ ЛИТУРГІЯМЪ.

Въ 8 часовъ утра: въ Покровскомъ монастырѣ на первый день Пасхи.

Въ 9 часовъ утра: во всѣ воскресные, праздничные, высокаторжественные и въ тѣ простые дни, когда по какому либо случаю бываетъ поздняя литургія.

Въ 10 часовъ утра: на Пятидесятницу и къ Преждеосвященнымъ литургіямъ.

Въ 11^{1/2} часовъ утра: въ навечерія Рождества Христова и Богоявленія и въ Великую субботу.

7. БЛАГОВѢСТЬ КЪ ЧАСАМЪ.

Въ 9 часовъ утра: во всѣ простые дни великаго поста и въ навечерія Рождества Христова и Богоявленія.

Въ 10 часовъ утра: въ великій пятокъ.

8. ДВѢ ЛИТУРГІИ, РАННЯЯ и ПОЗДНЯЯ, СОВЕРШАЮТСЯ:

Въ Каѳедральномъ Соборѣ и въ Покровскомъ Монастырѣ— во всѣ дни года, за исключеніемъ тѣхъ, въ которые, по уставу, не можетъ совершаться ранняя литургія.

Въ приходскихъ двухклерныхъ Церквахъ— во всѣ воскресные дни и въ великіе праздники, на второй день Рождества Христова, на второй и третій день Пасхи, въ день перенесенія мощей св. Николая, 9 мая, въ Духовъ день, въ день памяти свв. Апостоловъ Петра и Павла, 29 іюня, на Усѣкновение главы св. Іоанна Предтечи, 29 августа, въ день памяти св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, 30 августа, въ день св. Ап. Іоанна Богослова, 26 сентября, на Покровъ Божіей Матери, 1 октября, въ день празднованія въ честь Казанской иконы Божіей Матери, 22 октября, въ день памяти святителя Николая, 6 декабря:

Во всѣхъ церквахъ г. Харькова, при которыхъ состоитъ не менѣе двухъ священниковъ, Богослуженіе совершается ежедневно. Въ одноклерныхъ приходскихъ церквахъ Богослуженіе совершается не менѣе трехъ дней въ недѣлю.

Между началомъ благовѣста и началомъ Богослуженія долженъ быть промежутокъ и служба должна начинаться только по окончаніи благовѣста.

Настоятели церквей строго наблюдаютъ за звонарями, чтобы они не совершали благовѣста ранѣе показаннаго въ семъ росписаніи времени и начинали таковой не ранѣе благовѣста въ каѳедральномъ Соборѣ. Виновные въ нарушеніи указанныхъ часовъ благовѣста подвергаются взысканію. Наблюденіе за точнымъ порядкомъ въ благовѣстѣ со стороны настоятелей и звонарей возлагается на городскихъ благочинныхъ, которые о виновникахъ нарушенія сихъ правилъ даютъ знать ключарю Собора, для доклада Епархіальному Архіерею.

В. ВЪ УѢЗДНЫХЪ и ЗАШТАТНЫХЪ ГОРОДАХЪ.

Соборныя церкви уѣздныхъ и заштатныхъ городовъ относительно Богослуженія во всемъ подчиняются правиламъ, указаннымъ для Харьковскаго каѳедральнаго Собора.

Приходскія двухклирныя церкви этихъ городовъ слѣдуютъ правиламъ, установленнымъ для Харьковскихъ двухклирныхъ приходскихъ церквей.

Одноклирныя церкви этихъ городовъ руководствуются правилами, установленными для Харьковскихъ одноклирныхъ церквей.

Отступаютъ церкви этихъ городовъ отъ правилъ, установленныхъ для г. Харькова, только въ слѣдующемъ:

1. Въ соборахъ этихъ городовъ въ простые дни совершается только одна литургія, ранняя.

2. Въ одноклирныхъ церквахъ этихъ городовъ а) въ воскресные и праздничные дни совершается литургія ранняя, средняя, или поздняя, смотря по мѣстнымъ условіямъ и обычаямъ; б) если въ городѣ нѣсколько одноклирныхъ приходскихъ церквей, то Богослуженіе въ нихъ распредѣляется такъ, чтобы въ каждой оно совершалось не менѣе трехъ разъ въ недѣлю и чтобы въ то же время въ каждый простой день седмицы оно совершалось въ какой либо изъ этихъ церквей. Это распредѣленіе, подъ наблюденіемъ и руководствомъ мѣстнаго Благочиннаго, устанавливливается по соглашенію между настоятелями этихъ церквей, представляется на утвержденіе Епархіальнаго Архіерея и, по утвержденіи, точно исполняется; измѣненія въ немъ могутъ быть произведены, по особымъ обстоятельствамъ и причинамъ, только съ разрѣшенія Епархіальнаго Начальства.

3. Въ соборахъ, двухклирныхъ и одноклирныхъ церквахъ этихъ городовъ подъ простые, воскресные и праздничные дни, когда не положено всенощное бдѣніе, утренняя отъ Троицкой недѣли и до Воздвиженія совершается съ вечера въ соединеніи съ вечернею, а съ Воздвиженія и до Троицкой недѣли—утромъ, въ 5 часовъ.

Благовѣсть ко всѣмъ Богослуженіямъ въ приходскихъ церквахъ уѣздныхъ и заштатныхъ городовъ начинать по соборному колоколу. Отвѣтственность за исполненіемъ этихъ правилъ возлагается на настоятелей церквей. Наблюдать за этимъ долженъ благочинный, если онъ живетъ въ томъ же городѣ, или, въ противномъ случаѣ, настоятель собора, который объ укло-

няющихся отъ этого порядка, доносить благочинному, а послѣдній Епархіальному Архіерею.

В. ВЪ СЕЛЬСКИХЪ ЦЕРКВАХЪ.

1. БЛАГОВѢСТЪ КЪ ВЕЧЕРНѢ И ПОВЕЧЕРІЮ ВЪ ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

Въ 4 часа по полудни.

2. БЛАГОВѢСТЪ КЪ УТРЕНѢ.

Во всѣ дни года, за исключеніемъ великаго поста, въ 5 часовъ утра.

Въ Великій постъ въ 6 часовъ утра.

3. БЛАГОВѢСТЪ КЪ ЧАСАМЪ ВЪ ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

Въ 9 часовъ утра.

4. БЛАГОВѢСТЪ КЪ ЛИТУРГІИ.

Въ 7—8 часовъ утра, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Благовѣсть къ Преждеосвященнымъ литургіямъ—въ 10 часовъ утра. Относительно времени благовѣста къ Богослуженіямъ въ особенные дни года и къ особеннымъ службамъ церковнымъ руководиться правилами, установленными для приходскихъ церквей города Харькова.

Наблюденіе за соблюденіемъ этихъ правилъ въ сельскихъ церквахъ принадлежитъ мѣстнымъ Благочиннымъ, которые объ отступленіяхъ отъ нихъ и о виновникахъ этихъ отступленій доносятъ Епархіальному Архіерею.

Примѣчаніе. Благовѣсть въ одинъ колоколь долженъ быть ровный, неспѣшный, но и нерѣдкій; а звонъ во всѣ колокола долженъ быть стройный и пріятный.

Высочайшее повелѣніе

о возвышеніи служебныхъ правъ и преимуществъ помощниковъ инспекторовъ духовныхъ семинарій.

I. Государственный Сѣвътъ, въ Соединенныхъ Департаментахъ Промышленности, Наукъ и Торговли и Законовъ и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Оберъ-Прокурора Святѣй-

шаго Синода, о возвышеніи служебныхъ правъ и преимуществъ помощниковъ инспекторовъ духовныхъ семинарій, мнѣніемъ положилъ: Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить: 1) Помощникамъ инспекторовъ духовныхъ семинарій изъ лицъ, имѣющихъ степень магистра или кандидата богословскихъ наукъ, присваиваются VIII классъ по должности, VIII разрядъ по мундиру и права на чинопроизводство наравнѣ съ преподавателями духовныхъ семинарій. 2) Лицамъ, имѣющимъ степень магистра или кандидата богословскихъ наукъ, при первоначальномъ назначеніи ихъ на должность помощника инспектора духовной семинарій, предоставляется право на полученіе третяго, не въ зачетъ, жалованья изъ Государственнаго Казначейства. 3) Помощники инспекторовъ духовныхъ семинарій, если ими вынутъ жребій, опредѣляющій поступленіе ихъ въ постоянныя войска, освобождаются отъ дѣйствительной службы въ мирное время и зачисляются въ запасъ арміи на 18 лѣтъ на основаніяхъ, изложенныхъ въ п. 3 ст. 80 Уст. воин. повин., изд. 1897 года. Государь Императоръ означенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, въ 26 день мая сего года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

II. Государь Императоръ, въ 20-й день іюня 1903 года, Высочайше утвердить соизволилъ всеподданнѣйшій докладъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода слѣдующаго содержанія: 1) предоставить помощникамъ инспекторовъ изъ лицъ, имѣющихъ степень магистра или кандидата духовныхъ академій, право, съ разрѣшенія епархіальнаго Преосвященнаго, преподавать въ семинаріяхъ, за установленное вознагражденіе, уроки (но не болѣе 6-ти въ недѣлю) по тѣмъ предметамъ, которые соотвѣтствуютъ ихъ спеціальному образованію и по которымъ окажутся свободными уроки по распределеніи ихъ между напичными преподавателями; 2) разрѣшить всѣмъ помощникамъ инспекторовъ присутствовать въ Педагогическихъ Собраніяхъ Правленій духовныхъ семинарій съ правомъ голоса наравнѣ съ другими членами Правленія, и 3) предоставить помощникамъ инспекторовъ изъ лицъ, имѣющихъ степени магистра или кандидата духовной академіи право на полученіе высшихъ окладовъ жалованья III и IV разрядовъ на общихъ основаніяхъ съ преподавателями семинарій; помощникамъ же инспекторовъ изъ дѣйствительныхъ студентовъ академій предоставить право на полученіе оклада II-го разряда, по выслугѣ пяти лѣтъ.

Высочайшая отмѣтка.

Во внесенномъ по Высочайшему повелѣнію въ Комитетъ Мянн-стровъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1901 годъ о состояніи Пермской губерніи противъ указанія, что, для развитія народныхъ хоровъ и для ознакомленія ихъ регентовъ съ лучшими произведеніями церковной и свѣтской литературы, а также и съ народною русскою пѣснею въ художественной обработкѣ, попечительство о народной трезвости устраиваетъ ежегодно въ Перми и Екатеринбургѣ курсы пѣнія, слушателями которыхъ бывають учителя и учительницы Народныхъ школъ, отчасти псаломщики и многіе любители крестьяне и заводскіе мастеровые—послѣдовала Высочайшая Его Императорскаго Величества отмѣтка: „Желалъ бы видѣть повсемѣстное распространеніе пѣвческихъ обществъ“.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

I. Отъ 4—16 іюля 1903 г. за № 3086, по всеподданнѣйшему отчету за 1901—1902 годы о состояніи Псковской губерніи.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 19 іюня сего года за № 5426, по сообщенію управляющаго дѣлами Комитета Министровъ о томъ, что по Высочайшему повелѣнію въ Комитетъ Министровъ внесенъ всеподданнѣйшій отчетъ за 1901—1902 годы о состояніи Псковской губерніи, и что въ отчетѣ этомъ, по объясненію, что являющійся въ настоящее время просвѣтителемъ народа школьный учитель, вышедшій въ большинствѣ случаевъ изъ крестьянской или мѣщанской среды и вкусившій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ учительской семинаріи плоды современной провинціальной цивилизаціи, по возвращеніи своемъ въ деревню, получая за свой трудъ въ большинствѣ случаевъ не свыше 300 рублей въ годъ, сразу же становится въ неопредѣленное положеніе чело-вѣка, оторваннаго отъ своей среды и необладающаго достаточными средствами для поддержанія общенія съ тою, съ которою по развитію онъ считаетъ себя связаннымъ, послѣдовала Высочайшая отмѣтка: „Желалъ бы видѣть побольше учительницъ въ народныхъ школахъ“. Приказалъ: По выслушаніи настоящаго предложенія, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: объ изъясненной въ предложеніи Высочайшей Его Императорскаго Величества от-

мѣсткѣ, для объявленія по духовному вѣдомству, напечатать въ журналѣ „Церковныя Вѣдомости“.

II. Отъ 27 іюня—10 іюля 1903 года за № 2914. О введеніи преподаванія соматологіи и гігіены въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предположенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 19 минуваго іюня № 832, журналъ Учебнаго Комитета за № 256, съ заключеніемъ Комитета, по возбужденному Правленіемъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова вопросу о введеніи преподаванія соматологіи и гігіены въ учебныя заведенія, состоящія въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода. Приказал: Въ виду того, что элементарныя свѣдѣнія по медицинѣ и гігіенѣ преподаются въ настоящее время во многихъ духовныхъ семинаріяхъ, въ качествѣ необязательнаго предмета, также и въ нѣкоторыхъ епархіальныхъ женскихъ училищахъ, а по новому уставу женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства, начальныя свѣдѣнія по гігіенѣ введены даже въ число обязательныхъ предметовъ изученія, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ предоста-вить Г. Синодальному Оберъ-Прокурору сообщить Правленію Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, что со стороны Святѣйшаго Синода не встрѣчается препятствій къ тому, чтобы въ духовныхъ семинаріяхъ и въ женскихъ епархіальныхъ училищахъ вводить преподаваніе соматологіи и общей гігіены въ качествѣ необязательнаго предмета, если будутъ изысканы на это мѣстныя епархіальныя средства.

Разъяснительное постановленіе Святѣйшаго Синода,

отъ 23 мая—4 іюня 1903 г. за № 2428, по вопросу о порядкѣ производства Правленіями духовно-учебныхъ заведеній испытаній на званіе учителя или учительницы одноклассной церковно-приходской школы въ лѣтніе мѣсяцы.

Согласно заключенію Учебнаго Комитета и отзыву Училищнаго Совѣта, Святѣйшій Синодъ постановилъ разъяснить по духовно-учебному вѣдомству, что Правленія духовно-учебныхъ заведеній могутъ производить испытанія на званіе учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ въ лѣтніе мѣсяцы во исполненіе опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 6—13 ноября 1902 года за

№ 4965, лишь въ томъ случаѣ, если въ епархіи въ теченіе лѣтняго времени происходятъ временныя педагогическія курсы для учителей школъ грамоты и имѣется возможность для лицъ, подвергающихся испытанію на званіе учителя церковно-приходской школы, дать требуемый отъ нихъ §§ 15 и 19 дѣйствующихъ правилъ для сихъ испытаній пробный урокъ по русскому языку и арифметикѣ въ образцовой школѣ, состоящей при курсахъ; въ тѣхъ же епархіяхъ, гдѣ въ лѣтнее время не будетъ происходить учительскихъ курсовъ и не представится возможности располагать лѣтомъ церковно-приходскою школою съ учащимися, въ которой ищущіе учительскаго званія могли бы дать пробные уроки, испытанія на званіе учителя церковно-приходской школы Правленіями духовно-учебныхъ заведеній въ лѣтнее время могутъ и не производиться.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Харьковская Духовная Консисторія объявляетъ, что опредѣленіемъ Епархіальнаго Начальства, состоявшимся 16/25 іюля н. г. священникъ Вознесенской церкви слободы Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, Стефанъ Артемьевъ удаленъ отъ должности депутата 1-го Ахтырскаго округа, съ прописаніемъ въ его формулярѣ, что онъ удаленъ отъ этой должности за неисполнительность и нерадѣніе къ возлагаемымъ ею обязанностямъ. При чемъ тѣмъ же опредѣленіемъ Епархіальнаго Начальства дѣлается предостереженіе, что также будетъ поступлено впредь и со всѣми, которые окажутся виновными въ подобномъ небреженіи къ возлагаемымъ на нихъ Епархіальнымъ Начальствомъ должностямъ и порученіямъ.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ.

Харьковскій Епархіальный Совѣтъ по миссіонерскимъ дѣламъ свмѣ объявляетъ благочиннымъ и приходскимъ священникамъ Епархіи къ свѣдѣнію и для надлежащаго исполненія нижеслѣдующее: Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, по поводу доклада г. епархіальнаго миссіонера о томъ, что по постановленію Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ

ежегодно (осенью) во всѣхъ благочиніяхъ Епархіи происходятъ окружные миссіонерскіе сѣзды приходскихъ священниковъ, признавъ такіе сѣзды *весьма полезными* и разрѣшилъ быть имъ и впредь.

Согласно распоряженія Его Высокопреосвященства, назначеніе сроковъ спехъ сѣздовъ въ текущемъ году предоставляется усмотрѣнію благочинныхъ, при чемъ а) *въ первой половинѣ октября мѣсяца сѣздовъ не должно быть* и б) протоколы сѣздовъ вмѣстѣ съ вѣдомостями о расколо-сектантахъ въ приходахъ должны быть представлены въ Совѣтъ по миссіонерскимъ дѣламъ *къ 15 ноября*

Епархіальныя извѣщенія.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія:

Сочествіевская церковь сл. Хатняго, Волчанскаго уѣзда

Діаконскія.

Троицкая церковь города Богодухова.

Казанская церковь с. Басовки, Сумскаго уѣзда.

Преображенская церковь с. Краснополя, Ахтырскаго уѣзда.

Троицкая церковь с. Перекопа, Валковскаго уѣзда.

Николаевская церковь с. Тарасовки, Купянскаго уѣзда.

Пятницкая церковь с. Бакировка, Ахтырскаго уѣзда.

Митрофаніевская церковь с. Кузимовки, Купянскаго уѣзда.

Псаломщичкія:

Георгіевская церковь сл. Голой-Должны, Изюмскаго уѣзда.

Троицкая церковь с. Моксеевки, Старобѣльскаго уѣзда.

Покровская церковь с. Городища, Старобѣльскаго уѣзда.

Петро-Павловская церковь с. Княжнаго, Валковскаго уѣзда.

Воскресенская церковь с. Боголюбовки, Купянскаго уѣзда.

Іоанно-Предтеченск. церковь с. Ново-Ивановки, Зміевскаго уѣзда.

Пророко-Осіевская церковь, при Харьковскомъ Реальномъ Училищѣ.

Свято-Духовская церковь с. Кононовки, Старобѣльскаго уѣзда.

Влад.-Богородичн. церковь с. Должпка, Харьковскаго уѣзда.

Арханг.-Михайловск. церковь зашт. гор. Краснокутска, Богодухов. уѣзда.

- Введенская церковь с. Студенка, Изюмского уѣзда.
 Троицкая церковь с. Чернокаменки, Зміевского уѣзда.
 Кресто-Возд. церковь с. Кручвка, Богодуховскаго уѣзда.
 Екатерининская церковь с. Полчиовки, Богодуховскаго уѣзда.
 Рожд.-Богородичн. церковь с. Бараниовки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Воскресенская церковь с. Булацеловки, Зміевского уѣзда.
 Георгіевская церковь с. Ново-Павловки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Церковь сл. Волоховки, Волчанскаго уѣзда.
 Варваринская церковь с. Канитольскаго, Изюмскаго уѣзда.
 Успенская церковь с. Хотѣни, Сумскаго уѣзда.
 Сошествіевская церковь с. Хатняго, Волчанскаго уѣзда.
 Рождество-Богородичная церковь с. Поповки, Купянскаго уѣзда.
 Троицкая церковь с. Мироовки, Харьковскаго уѣзда.
 Іоанно-Богословская церковь с. Солнцевки, Харьковскаго уѣзда.
 Кресто-Воздвиженская церковь с. Межерича, Лебединскаго уѣзда.
 Церковь сл. Молодовой, Волчанскаго уѣзда.
 Рождество Бог. церковь з. г. Чугуева, Зміевского уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Торжественныя Богослуженія, совершенныя Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ слоб. Дергачей.—Отзывъ профессора консерваторіи о пѣннн учениковъ церковно-приходской школы села Гавриловки.—Памяти о. Дамитрія Корвильева.

Торжественныя Богослуженія, совершенныя Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ. Въ воскресенье, 27 сего іюля, въ день престольнаго праздника, въ храмѣ св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона Божественную литургію совершалъ Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, при участіи протоіереевъ: ректора семинаріи, о. І. Знаменскаго, члена консисторіи О. Н. Опикевича, благочиннаго О. П. Ѳомпа и мѣстныхъ священниковъ о. о. В. Ветухова и І. Приходина съ протодіакономъ В. Д. Вербидкимъ. На литургіи Владыка рукоположилъ ставленниковъ во іерея и діакона, а въ концѣ—Архиастырь произнесъ устно простое, доступное понимавію простыхъ богомольцевъ, сердечное и глубоко назидательное слово, приблизительно въ такомъ смыслѣ:

„Поздравляю васъ, благочестивые прихожане этого храма, съ храмовымъ вашимъ праздникомъ; храмовой праздникъ для прихожанъ есть великій, какъ годовой, праздникъ. Въ этотъ празд-

никъ прихожане должны оставить свои обычныя занятія и предаться усиленной молитвѣ, должны побывать и на всеобщемъ бдѣніи, и на литургіи, и на общемъ молебнѣ, должны пригласить въ дома свои приходскаго батюшку съ честнымъ крестомъ и праздничной иконою для молитвы и окропленія св. водою, должны выслушать или прочесть житіе Св. Пантелеимона, вникнуть въ оное и поучиться тѣмъ добродѣтелямъ, коими отличался Св. Великомученикъ. А добродѣтели его были велики и разнообразны. Его страданія за Христа были ужасны: по повелѣнію языческаго начальства, Св. Пантелеимона бросали въ кипящее олово, строгали тѣло его желѣзными когтями, колесовали гвоздьми, рубили мечемъ, но и мечъ, какъ трава, сгибался на шеѣ его, бросали на растерзаніе лютымъ звѣрямъ, но звѣри ласкались ему и лобызали ноги его. Потому-то Св. Пантелеимонъ и именуется великомученикомъ. Св. Пантелеимонъ, по рожденіи отъ языческихъ родителей, былъ названъ Пантелеономъ, что значить сильный какъ левъ, будучи же просвѣщенъ священникомъ Ермолаемъ, въ св. крещеніи переименованъ, по волѣ Божіей, Пантелеимономъ, что значить многомилостивый. И милость его не изглаголанная: по образованію своему, онъ былъ врачъ тѣлесный, но Господь далъ ему свлу врачевать и духовно; онъ исцѣлялъ неизлѣчимыхъ больныхъ, воскрешалъ мертвыхъ и за врачевство свое денегъ не бралъ, врачуя тѣло и душу человѣка.

Своимъ словомъ и примѣрнымъ страданіемъ за Христа онъ многихъ язычниковъ обратилъ ко Христу. Св. Пантелеимонъ жилъ приблизительно за 1700 лѣтъ до нашего времени, и въ теченіе этихъ 1700 лѣтъ многократно оказывалъ помощь всѣмъ прѣбѣгающимъ къ нему за ходатайствомъ у Господа милости. Недавно Господь явилъ намъ новаго молитвенника за насъ, грѣшныхъ, препод. Серафима Саровскаго. Преподобный Серафимъ, Чудотворецъ Саровскій, новоявленный угодникъ Божій, подвижникъ Саровской пустыни, жилъ всего за 70 лѣтъ до нашего времени, и есть еще люди въ живыхъ, кои лично знали и присутствовали при погребеніи пр. Серафима. Такъ благодать Божія, дѣйствующая раньше черезъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, и нынѣ въ изобиліи наполняетъ землю нашу: всѣ мы знаемъ, что черезъ преподобнаго Серафима поданы притекающимъ къ нему съ вѣрою многія исцѣленія. Выѣстъ съ этимъ въ лицѣ препод. Серафима Господь поставилъ намъ, русскимъ людямъ, новый свѣтлыиъкъ вѣры для посрамленія невѣрующихъ и утвержденія колеблющихся христіанъ.

Молятся же, Православные, Господу Богу и въ храмѣ, и въ домахъ своихъ, усердно призывая на ряду съ Матерію Божіею, со всѣми Святими и Св. угодниковъ Божіихъ Пантелеимона и Серафима. Благословеніе Божіе да будетъ съ вами“. Такъ закончилъ Владыка свое трогательное, сердечное слово къ Пантелеимоновской паствѣ.

Выходя изъ храма, Архипастырь преподаль всѣмъ, переполнившимся храмъ, общее благословеніе, спѣша уѣхать на освященіе мѣста подъ новостроющійся храмъ на Лысой горѣ, въ честь иконы Казанскія Божія Матери.

Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, совершалъ слѣдующія Богослуженія:

1-го августа, въ Каѳедральномъ соборѣ литургію, послѣ которой былъ крестный ходъ на рѣку Лопань.

3-го августа (воскресенье) въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ—литургію.

5-го августа въ Куряжскомъ монастырѣ—всенощное бдѣніе.

— *Служеніе Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія въ храмовой праздникъ въ Спасо-Преображенской церкви г. Харькова.* 6-го августа въ празднованіи Преображенскіимъ приходомъ г. Харькова своего храмового праздника принялъ участіе Его Высокопреосвященство Архіепископъ Арсеній.

Въ этотъ день раннюю литургію въ Спасо-Преображенскомъ храмѣ совершилъ о. благочинный, священникъ Петръ Өоминъ, въ сослуженіи о. Владиміра Шаповалова. Съ 9-ти же часовъ утра Божественную литургію совершилъ Высокопреосвященнѣйшій Владыка въ сослуженіи о.о. протоіереевъ: М. Румянцева, Н. Онкевича, А. Любарскаго и священниковъ: ключаря Г. Вяноградова, Н. Зефирова и Г. Рудинскаго при участіи архіерейскаго хора пѣвчихъ подъ управленіемъ Ведриискаго. Къ 10 часамъ храмъ былъ уже переполненъ молящимися, и густыя толпы народа окружали его въ оградѣ и на площади. Порядокъ въ храмѣ, благодаря общему молитвенному настроенію, сохранялся образцовый. Народъ, вообще весьма усердный къ своему храму, теперь въ особенности радъ былъ увидѣть въ немъ своего Владыку и глубоко умаялся его благолѣпнымъ, величественнымъ и стройнымъ Богослуженіемъ. Въ обычное время литургіи Владыка вышелъ къ народу говорить слово. Съ сеи въ этомъ длинномъ храмѣ Владыка едва ли былъ бы слышенъ всѣмъ стоявшимъ у заднихъ дверей. И вотъ Владыка всходитъ на амвонъ среди храма, это древнее мѣсто епископскихъ поученій, —

и отсюда обращается къ прихожанамъ съ такимъ воодушевленнымъ, искреннимъ, простымъ словомъ, которое тронуло всѣхъ до глубины души. Самый видъ Архіепископа стоящаго среди народа и въ народѣ, который окружалъ его со всѣхъ сторонъ, производилъ умилятельное впечатлѣніе истиннаго пастыря, руководящаго овецъ своихъ, и дѣтей, внимающихъ слову отца своего. На поздравленіе Владыки съ храмовымъ праздникомъ отовсюду послышался единодушный отвѣтъ благодарственныхъ восклицаній, и при водворившейся мертвой тишинѣ полилось живое слово Владыки, выяснявшее народу глубокій смыслъ Преображенія Господня. Прекрасныя сопоставленія, возвышенныя мысли, трогательныя изліянія чувствъ облекались Владыкою въ такое простое, близкое пониманію народа изложеніе, что невольно у многихъ вырывалось восклицаніе: „Какъ все это—просто и какъ понятно, какъ это прекрасно говорятъ Владыка по нашему!“ Это слово Владыки было для пастырей положительно образцовою школою проповѣди истинно народной. Въ этомъ словѣ Владыка изъясненіемъ тропчнаго явленія Божества въ Преображеніи вскусно освѣщались самыя важныя явленія человѣческой жизни: сладость молитвы, твердость вѣры, пестинность загробной жизни, величіе загробнаго блаженства и сущность его... Продолжительное слово Владыки народъ слушалъ съ поразительнымъ вниманіемъ, и, несомнѣнно, вынесъ изъ него глубокій урокъ для себя и истинное религіозное утѣшеніе.

По окончаніи Божественной литургіи Владыка совершилъ здѣсь же въ храмѣ освященіе плодовъ и краткій молебенъ съ многолѣтіемъ. Разоблачившись, онъ принялъ церковнаго старосту и милостиво соизволилъ принять отъ него приглашеніе раздѣлить хлѣбъ-соль.

Исходя изъ храма, Архипастырь долго благословлялъ народъ, благодарившій его за слово и Богослуженіе и отбылъ при колокольномъ звонѣ въ домъ церковнаго старосты П. С. Силакова. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ супругою старосты съ хлѣбомъ — солью, его семьею и многочисленными прихожанами. Почетнѣйшихъ изъ нихъ представлялъ Архипастырю о. благочинный. Здѣсь Владыка милостиво разспрашивалъ о семействѣ хозяина, о мѣстномъ попечительствѣ о бѣдныхъ, о проповѣдничествѣ мѣстныхъ священниковъ, численности прихода, о ходѣ дѣла по переносу водоразборной будки у храма. Откушавши чашку чая, Владыка, послѣ молитвы, благословилъ столъ и въ общеніи съ прихожанами изволилъ раздѣлять трапезу. Милостивая бесѣда Владыки, благодушное

его отношеніе ко всѣмъ дѣлала времяпрепровожденіе незамѣтнымъ. Во время трапезы былъ провозглашенъ тостъ за здоровье Архипастыря, такъ осчастливившаго приходъ своимъ участіемъ въ храмовомъ праздникѣ, не смотря на всю многосложность своихъ обязанностей и трудовъ, а Владыка отвѣтилъ въ свою очередь тостомъ за здоровье причта и церковнаго старосты Преображенской церкви. Были еще провозглашены здравяцы за хозяйна дома и его супругу, прихожанъ и приглашенныхъ священно-служителей.

Послѣ трапезы Владыка, провожаемый искренними пзъявленіями горячей благодарности отъ всѣхъ участниковъ торжества, отбылъ около 3 часовъ дня во Всѣхсвятское.

- Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, сл. Дергачей Харьковскаго уѣзда и Епархіальнаго сиротскаго пріюта.

Давно уже Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній собирался посѣтить Епархіальный сиротскій пріютъ, давно уже и пріютъ ожидалъ его къ себѣ какъ своего гостя и хозяина. Но поѣздки по другимъ мѣстамъ епархіи, по городамъ и селамъ, монастырямъ, церквамъ и церковно-приходскимъ школамъ, а также желаніе основательно ознакомиться съ дѣйствіями основныхъ епархіальныхъ учрежденій препятствовали ему осуществить свое намѣреніе. Наконецъ 31 іюля состоялась незабвенная для сл. Дергачей и сиротскаго пріюта поѣздка Высокопреосвященнѣйшаго Архипастыря.

Въ 9 часу утра Высокопреосвященнѣйшій Владыка, въ сопровожденіи попечителя пріюта Клейменова, отбылъ изъ своей дачи „Всесвятское“ для слѣдованія на лошадахъ въ сл. Дергачи. При выѣздѣ изъ Харькова, возлѣ желѣзнодорожной заставы, Владыка былъ встрѣченъ предсѣдателемъ сиротскаго пріюта прот. о. Петромъ Тимоѣевымъ, который, принявъ здѣсь архипастырское благословеніе, сопровождалъ Владыку до самого пріюта. Въ началѣ 11 ч. Владыка въѣхалъ въ сл. Дергачи, при колокольномъ звонѣ двухъ приходскихъ церквей, и направился въ отдѣленіе Епархіальнаго сиротскаго пріюта. Встрѣченный почетнымъ предсѣдателемъ пріюта прот. Т. И. Буткевичемъ, благочиннымъ церквей прот. о. Маркомъ Рокитянскимъ и нѣкоторыми другими лицами, Владыка внимательно осмотрѣлъ здѣсь все принадлежащее отдѣленію хозяйство. Онъ обошелъ дворовую усадьбу и садъ и любовался превосходнымъ видомъ послѣдняго. Оба находящіеся здѣсь дома, чистые и опрятные, со всей внутренней обстановкой произвели пріятное

впечатлѣніе на Владыку. Осматривая общежитіе, Высокопреосвященнѣйшій Архипастырь выразилъ сожалѣніе, что этотъ добрый уголокъ епархіальнаго хозяйства остается пока пустымъ.

Отсюда Владыка поѣхалъ въ Рождество-Богородичную церковь. Храмъ давно уже былъ полонъ прихожанами, собравшимся принять архипастырское благословеніе. Послѣ обычной встрѣчи, Архипастырь предложилъ всѣмъ собравшимся пропѣть нѣкоторые общеупотребительныя церковныя пѣснопѣнія и скоро храмъ былъ оглашенъ еднороднымъ и, къ удивленію, стройнымъ пѣніемъ: „Спася, Господя“, „Достойно есть“. Утѣшенный столь умилительнымъ зрѣлищемъ живой поющей Церкви, Владыка выразилъ свое одобреніе собравшемуся народу, прося его всегда принимать участіе въ церковномъ пѣніи. „Пойте въ церкви Господеву Богу нашему, говорилъ Владыка, пойте и молитесь ему; будьте живыми членами Церкви Христовой предстоящими и воспѣвающими. Въ церковномъ пѣніи, въ общенародномъ хорѣ всѣ вы будете чувствовать и понимать свое христіанское единеніе и свое молитвенное общеніе. Здѣсь вы увидите, какъ старецъ, дребезжащій голосомъ своимъ, объединяется съ юношей, громогласно вопіющимъ къ Богу. Мужья и жены, дѣвы и старицы, богатые и бѣдные—всѣ будутъ чувствовать здѣсь себя членами одной христіанской семьи, всѣ составятъ единый стройный хоръ предъ лицемъ Господа и Бога своего“.

Побесѣдовавъ вслѣдъ за тѣмъ съ дѣтьми и взрослыми объ основныхъ вѣрнѣхъ вѣры христіанской и особенностяхъ православія, о крестномъ знаменіи и нерстосложеніи, Высокопреосвященный Архипастырь, сопровождаемый толпами народа, отбылъ въ Николаевскую церковь той же слободы.

И въ Николаевскомъ храмѣ Владыка также слушалъ общенародное пѣніе и бесѣдовалъ о его важномъ воспитательномъ значеніи. Но особенно долго онъ бесѣдовалъ съ дѣтьми, учащимися въ мѣстной церковно-приходской церкви, испытывая ихъ въ знаніи молитвъ, священной исторіи и основныхъ спасительныхъ истинъ христіанства. Бойкія дѣти, ободренныя ласковымъ и умѣлымъ обращеніемъ любящаго ихъ Архипастыря, давали правильныя отвѣты, вполне оправдывая труды усерднаго законоучителя о Павла Лобковскаго.

Отсюда Владыка направился въ зданіе второклассной церковно-приходской школы, гдѣ было все првготовлено для встрѣчи Высокопреосвященнѣйшаго Посѣтителя. При входѣ въ зданіе школы

Владыка былъ встрѣченъ Епархіальнымъ Наблюдателемъ школъ В. Ѳ. Давыденко и уѣзднымъ наблюдателемъ прот. о. Петромъ Тимошеевымъ, которые, послѣ осмотра Владыкою помѣщеній нижняго этажа, проводили его въ залъ верхняго этажа. Послѣ пѣнія учащимися „исъ полла эти деснота“, завѣдующій школою прот. Дмитрій Регншевскій привѣтствовалъ Владыку словомъ слѣдующаго содержанія:

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивый Архипастырь!

Возлюбленный ученикъ Господа нашего Іисуса Христа, дивный тайновидецъ Іоаннъ Богословъ, въ Откровеніи своемъ именуеть епископовъ помѣстныхъ церквей—ангелами. А потому и мы встрѣчаемъ Тебя, какъ ангела, оставленнаго отъ Господа Хранителемъ Церкви Харьковской области; встрѣчаемъ Тебя съ радостію и любовію, ибо ангелы Божіи, являясь людямъ, по преимуществу, были вѣстниками неизрѣченныхъ милостей Божіихъ; встрѣчаемъ Тебя съ благоговѣніемъ, ибо Ты избранный сосудъ сугубой благодати Божіей для наученія, строенія Тавнъ Божіихъ и управленія вѣрною Тебѣ паствы; встрѣчаемъ Тебя со страхомъ, ибо намъ грѣшнымъ людямъ страшно впасть въ руки ангела мстителя.

Да будетъ же, Преосвященнѣйшій Владыко, Твое вхожденіе къ намъ и всхожденіе отъ насъ исполнено милости, благодати и правды.

Выслушавъ это краткое, но глубоко содержательное привѣтственное слово, Владыка поблагодарилъ почтеннаго протоіерея, бодраго въ старости своей и усерднаго въ школьныхъ трудахъ. Затѣмъ началась бесѣда Владыки съ готовящимися къ поступленію во второклассную школу учениками и выбывшими изъ нея по церковной исторіи и по разнымъ предметамъ Закона Божіа. Прослушавъ послѣ этого пѣніе наизустъ догматика 4 гл., Высокопреосвященный Владыка, при пѣніи учащихся, отбылъ въ Епархіальный сиротскій пріютъ, отстоящій въ 4 верст. отъ сл. Дергачей.

За воротами пріюта при самомъ вѣздѣ во дворъ его, Владыка былъ встрѣченъ членами комитета по управленію пріютомъ—свящ. о. П. Антоновымъ, свящ. о. Іоанномъ Иянковымъ, свящ. о. І. Закритскимъ, свящ. Амвросіевской церкви, и докторомъ пріюта В. А. Шоловымъ. Здѣсь Владыка выпелъ изъ кареты и, благословивъ встрѣчающихъ его лицъ, отправился далѣе пѣшкомъ для обозрѣнія усадьбы и находящихся на ней построекъ. Прежде всего

Архипастырь направился въ церковь. Здѣсь въ полномъ составѣ собралась обитатели Приюта, давно жаждавшіе видѣть лице своего Архипастыря. Здѣсь стояли вдовы съ дѣтьми на рукахъ, мальчики и дѣвочки, старицы и юные. Прослушавъ входное пѣніе тропаря Амвросію Медиоланскому, исполненное приютскимъ хоромъ, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, обращаясь къ предстоящимъ приютянамъ, сказалъ имъ слѣдующее глубоко назидательное слово.

„Съ удовольствіемъ и радостію я вступаю въ этотъ Святой храмъ, посвященный памяти Св. Амвросія Медиоланскаго. Я вошелъ сюда прежде обозрѣнія вашихъ помѣщеній и угодій Приюта вашего для того, чтобы сначала вмѣстѣ съ вами вознести здѣсь свои молитвы объ упокоеніи души усопшаго преспомятаго Архіепископа Амвросія. Думаю, что вы никогда не забываете его и въ своихъ частныхъ молитвахъ. Дѣло, какое совершилъ онъ для васъ, великое и славное дѣло. Тяжела и горька сиротская доля: нужда и лишенія, слезы и скорбя—вотъ удѣлъ ея. Тѣмъ болѣе поэтому вы должны всегда благодарить всеблагото Бога и помнить о своемъ благодѣлѣ, который сдѣлалъ все необходимое для того, чтобы облегчить ваши нужды и утереть горькія слезы ваши. Однего только бойтесь, чтобы не оскорбить его памяти своею жизнію и своимъ поведеніемъ. Вы оскорбите его, если, пользуясь всѣми удобствами, будете проводить жизнь свою въ праздности, ничего не дѣлая, а еще болѣе, если будете заводить между собою ссоры и раздоры. Трудитесь нехѣночно и работайте не только для себя, но и для дѣтей своихъ, не только для семей своихъ, но и для общаго блага. Честный трудъ, каковъ бы онъ ни былъ, никогда не можетъ унижить человѣка. А въ особенности скажу я это о насъ духовныхъ, для которыхъ и физическій трудъ дѣло не новое и не случайное. Божіею Милостію я—нынѣ Архіепископъ, но въ своемъ дѣтствѣ и юности я никогда не уклонялся отъ труда, если онъ былъ полезенъ. Я косилъ на полѣ русскою косою не хуже добраго работника; я не чуждался брать въ руки грабли, работая ими рядомъ съ крестьянами. Я молотилъ хлѣбъ въ четыре цѣпа; зимой на простыхъ салазкахъ возилъ бѣлье на рѣку, помогая матери. И что же? Унизилъ ли меня такой трудъ? Такъ и васъ не унижилъ честный трудъ на пользу общую и свою. Не дай Богъ услышать мнѣ когда-нибудь, чтобы кто-либо изъ васъ нанялъ для себя прислугу. Сами трудитесь, сами все дѣлайте. Прежде всего трудитесь для своихъ дѣтей, обшивая ихъ, обмывая, ухаживая за ними, воспитывая ихъ. Но если нужда потребуетъ, вы должны раздѣлять

свой трудъ и на пользу общую, на пользу пріютскаго хозяйства: и въ кухнѣ присмотрѣть и за коровами походвть, и за огородомъ послѣдить, и за чистотою помѣщеній въ Пріютѣ—все это дѣло ваше. А мы съ своей стороны будемъ заботиться о томъ, чтобы было у васъ и тепло, и сытно, и уютно, чтобы ни вы, ни дѣти ваши не испытывали недостатка ни въ пищѣ ни въ одеждѣ. Не заботьтесь о роскоши и излишествѣ, чтобы не подать повода другимъ осуждать васъ.

Пусть почиваетъ на Сиротскомъ Пріютѣ нашемъ Божіе благословеніе и да будетъ во всемъ добрый достатокъ, а между вами миръ и любовь.

Наставительное слово Архипастыря было выслушано съ особеннымъ вниманіемъ, причемъ особенно поучительными представлялись для всѣхъ черты изъ его трудовой жизни.

Во время обычной встрѣчи, Высокопреосвященнѣйшій Владыка предлагалъ отслужить литію о почившемъ основателѣ Пріюта, Архіепископѣ Амвросіи, причемъ всѣхъ предстоящихъ просилъ пѣть входящіе въ составъ его пѣснопѣнія. Одушевленное пѣніе, исторгнутое изъ благодарныхъ сердець облагодѣтельствованныхъ, было особенно умилительно.

Послѣ этого Владыка занялся обзорнѣмъ больницъ, домовъ общежитія, церковно-приходской школы, надворныхъ построекъ и богатыхъ угодій Пріюта. Обходя помѣщенія вдовъ и сиротъ, размѣстившихся, по отдѣльнымъ семействамъ, Владыка подробно разспрашивалъ о судьбѣ каждаго и ободрялъ ихъ, давая на память каждому крестикъ и книжкы религіозно-нравственнаго содержанія. Учащіеся въ школахъ Сиротскаго Пріюта дали отличные отвѣты своему Архипастырю, чѣмъ особенно порадовали его.

Около 2 ч. дня на открытой верандѣ стараго помѣщенія Пріюта гостепріимнымъ попечителемъ г. Клеменовымъ была приготовлена трапеза, во время которой была произнесена рѣчь проф. прот. Т. И. Буткевичемъ, какъ почетнымъ предсѣдателемъ Сиротскаго Пріюта.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

По Божественному велѣнію, солнце свѣтитъ всѣмъ: и богатымъ и бѣднымъ, и праведникамъ и грѣшникамъ, и знатымъ и простымъ, и счастливымъ и сиротамъ. Но часто бываетъ въ природѣ, что взошедшее солнце, по не отъ него зависящимъ обстоятельствамъ, въ теченіе дня долгое время бросаетъ свои теплые лучи

только на одну сторону неба, а другая сторона между тѣмъ остается пасмурною, затягивается постепенно облаками; изъ этихъ облаковъ образуются тучи, слышатся раскаты грома. Но появляются лучи солнца,—в тучи расходятся, раскаты грома прекращаются, природа оживаетъ и какъ-бы улыбается согрѣвшему ее солнышку... До сихъ поръ Вы осчастливили своимъ посѣщеніемъ наши учебныя заведенія, радовали имъ монастыри, города и веси епархіи. Сиротскій пріютъ лишь томился ожиданіемъ и чаяніями. Но нынѣшній день золотыми буквами запишется на скрижаляхъ сердца здѣсь призрѣваемыхъ вдовъ и сиротъ. Вѣдь и надъ ними собирались грозныя тучи и надъ ихъ головами раздавались раскаты грома. Теперь Вы среди нихъ; они Васъ видятъ и изъ устъ Вашихъ слышатъ благопечительныя рѣчи. Теперь они знаютъ, что ихъ никто не обидитъ, что ихъ не разгонятъ, не пошлютъ искать ночлежныхъ домовъ.

Напѣ сиротскій пріютъ, какъ и всякое доброе христіанское дѣло, съ самаго основанія своего является предметомъ пререканій: одни, по забужденіямъ, о которыхъ здѣсь не у мѣста говорить, осуждаютъ его и порицаютъ его порядки; другіе радуются, восхищаются имъ, приходятъ отъ него въ восторгъ. Я помню, когда посѣтилъ нашъ пріютъ покойный Т. И. Филипповъ. Осмотрѣвъ его подробно, онъ сказалъ: „вы—духовные—люди богатые; мы, свѣтскіе, теперь завидуемъ и вашимъ прекраснымъ учебнымъ заведеніямъ, и вашимъ благотворительнымъ учрежденіямъ“. Да, В—шій Владыка, мы—люди богатые; но—чѣмъ мы богаты?—Съ одной стороны любовью и благопечительностію нашихъ Архипастырей, съ другой покорностію и исполнительностію ихъ воли со стороны подчиненнаго имъ духовенства. При такомъ взаимоотношеніи и такомъ взаимодействіи—чего только нельзя сдѣлать? Мы счастливы тѣмъ, что наши Архипастыри, проповѣдывая ученія Христа о любви къ ближнимъ, сами выходятъ изъ нашей среды; сами въ большинствѣ случаевъ испытывали въ дѣтствѣ горькую сиротскую долю, сами шли путемъ скорбей, лишеній, труда и бѣдности. Вотъ почему нельзя найти ни одного православнаго епископа, который не считалъ бы своею нравственною обязанностію сердечно заботиться объ обезпеченіи безпріютныхъ вдовъ и сиротъ...

Этотъ пріютъ основанъ покойнымъ Архіепископомъ Амвросіемъ. Такимъ образомъ Вамъ, В. В., приходится войти въ трудъ другого. Но такъ создается все великое въ церкви Божіей—единеніемъ, любовью, общими силами при осѣненіи благодати Бо-

жіей, а не раздѣленіемъ и соперничествомъ. Павелъ насаждаетъ, Аполлосъ поливаетъ, а возвращаетъ Богъ. Впрочемъ, отъ того, что не Вы положили основаніе этому доброму дѣлу, не уменьшатся Ваши труды и не умалятся Ваши заслуги. Покойный Архiepастырь пришелъ къ мысли объ учрежденіи пріюта уже въ послѣдніе годы своей жизни, когда силы его ослабѣли, энергія замѣтно падала. Да и времени было мало для выполненія великаго дѣла. Смерть положила конецъ его заботамъ; а потому и неудивительно, если Вы, В. В., встрѣтите здѣсь много нелюбовченнаго, невыполненнаго, или даже, быть можетъ, и неправильно поставленнаго. Но если трудно полагать начало доброму дѣлу, то еще труднѣе сохранить его, продолжить, усовершенять, довести до конца. Но мысль объ этомъ не смущала покойнаго Архiepастыря. По волѣ Божіей, онъ предвидѣлъ въ духѣ, кто будетъ его преемникомъ и продолжателемъ его благихъ начинаній; а потому онъ и работалъ, и умеръ спокойно.

Нынѣ Вы сами лично видите, В. В., какъ много выпадаетъ на Вашу долю труда и заботъ по благоустроению здѣшняго сиротскаго пріюта. Правда, среди духовенства Вы найдете не мало лицъ, которыя съ любовью, преданностію и безкорыстіемъ будутъ выполнять всѣ Ваши Архiepастырскія указанія и предначинанія. Но это только въ самой незначительной мѣрѣ можетъ облегчать Ваши личные труды и Ваши тяжелыя заботы.

Вѣрьте же, В. В., что всѣ здѣсь присутствующіе, какъ одинъ человекъ, въ настоящую минуту, отъ всего сердца воздыхаютъ по Господу: да сохранитъ Онъ Васъ въ добромъ здравіи и крѣпкихъ силахъ для блага всей Харьковской епархіи вообще и нашего сиротскаго пріюта въ частности на многія и многія лѣта!

Послѣ этого членомъ комитета свящ. университетск. церкви о. Іоанномъ Инноковымъ было сказано слѣдующее за здравное слово Владыкъ:

Высокопреосвященнѣйшій Владыка,

Милостивѣйшій нашъ Архiepастырь и Отецъ!

Благословенъ Господь Богъ, благоустроившій путь Вашъ въ это пристанище и кровъ вдовъ, колыбель и мѣсто дѣтства сиротъ—дѣтей. Истинно этотъ день, *его же сотвори Господь*, есть счастливейшій и до слезъ радостный въ жизни призрѣваемыхъ этого убѣжища.

Давно уже вдовы и дѣти ждали Васъ, Владыко, съ любовью въ сердцѣ и съ благословеніемъ на устахъ, чтобы раздѣлить съ Вами вмѣстѣ молитву, услышать отъ Васъ слово назиданія и утѣшенія и получать Ваше святительское благословеніе.

И вотъ въ сей день желаніе ихъ исполнилось и сердца ихъ обрадованы.

Мы глубоко убѣждены, что своимъ посѣщеніемъ Вы внесли въ ихъ душу лучъ свѣта и отрады, оживили и возвысили ихъ въ нравственномъ отношеніи, вѣдрили въ ихъ душу духъ благочестія и страха Божія. А какъ это многоцѣнно для обездоленныхъ, давно не видавшихъ свѣта радости и наслажденія жизни въ своей тяжелой и горькой долѣ! Мы не можемъ принять на себя быть истолкователемъ чувствованій, наполняющихъ сердца вдовъ; ихъ сердца—глубины, единому Сердцевѣдцу открытыя; но знаемъ, что чувствованій этихъ много, и что молитвенный пламень сихъ сердецъ возносится о Васъ къ Богу и горитъ предъ Его престоломъ за Вашу отеческую любовь къ нимъ. А эта любовь Ваша къ вдовамъ и сиротамъ намъ извѣстна. Освѣдомившись о состояніи Епархіальнаго Сиротскаго Пріюта, Вы *порадовались* *), что въ Богодарованной Вамъ епархіи есть *милосердый домъ*, который поддерживаетъ и упокаиваетъ вдовью старость, воспитываетъ и пригрѣваетъ сиротѣющую юность. По глубокому сочувствію къ такому великому христіанскому учрежденію Вы, Владыко, выразили готовность поддерживать его, что доказали самимъ дѣломъ, принеся въ даръ Пріюту свою лепту.

Благодаримъ Господа Бога, даровавшаго Васъ намъ какъ Архипастыря по сердцу нашему и радуемся, что сбылось завѣтное желаніе преспомятаго основателя Пріюта, въ Бозѣ почивающаго Архіепископа Амвросія, который при жизни своей предрекалъ быть Вамъ ему пріемникомъ и продолжателемъ его неусыпныхъ заботъ о сиротахъ ввѣреннаго Вамъ духовенства. Вѣримъ, что преспомянутый основатель этого пріюта сорадуетъ нашей радости изъ премірныхъ обителей, потому что любимое его дѣтвище, имъ насажденное, но не окрѣпшее, подъ Вашимъ мудрымъ и любвеобильнымъ руководствомъ будетъ развиваться и укрѣпляться, и процвѣтетъ какъ многовѣтвистое и многоплодное дерево.

Да возрадуется же и Вашъ духъ, Богоизбранный нашъ благостнѣйшій Отецъ и Архипастырь! За Вашу любовь къ беззащитнымъ вдовамъ и безпріютнымъ сиротамъ будетъ Вамъ награда на небесахъ и память о Васъ пройдетъ изъ рода въ родъ. Своею святительскою десницею Вы утвращаете много горькихъ слезъ съ озабоченныхъ и печальныхъ лицъ матерей; своею любовію Вы вливаете много утѣшенія въ ихъ скорбныя сердца.

*) На отчетъ за 1902 г. о состояніи Сирот. Пріюта послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: „*Читалъ и порадовался*“.

Заканчивая свою рѣчь, я позволю себѣ отъ лица комитета обратиться къ Вамъ съ смиреннѣйшею просьбою. Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Примите и насъ, Вашихъ недостойныхъ соратниковъ въ любовь Вашу,—подъ руководство, умудренное годами в опытомъ, твердое, прямодушное и въ самой строгости своей благосердное. Мы же, всею душою и сердцемъ отдаваясь Вамъ въ полное сыновное послушаніе, всегда будемъ молить Господа Бога, да подастъ Онъ Вамъ силы къ укрѣпленію и развитію этого учрежденія въ примѣръ другимъ, и да продлитъ Онъ лѣта Вашей жизни на многіе и многіе годы на пользу Св. Церкви и Отечества.

Выслушавъ вышеприведенныя слова, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній удостоивъ провозглашенія здоровья прот. Т. И. Буткевичу, попечителю Клепменову, предсѣдателю пріюта прот. Петру Тимощеву, всѣмъ членамъ комитета и присутствовавшимъ, причемъ выразилъ желаніе, чтобы въ скоромъ времени всѣ лица, соприкосновенныя съ дѣлами пріюта собрались подъ его предсѣдательствомъ для обсужденія вопросовъ о дальнѣйшемъ благоустройствѣ Епархіального сиротскаго пріюта.

Въ 4 часу веч. Владыка отбылъ въ Харьковъ и оттуда на свою дачу „Всесвятское“.

— *Неточность въ метрическихъ записяхъ.* Часто церковныя приходы бываютъ лишены возможности правильно и точно вести метрическія книги, вслѣдствіе того, что въ паспортахъ, которыми они пользуются при этомъ, заключаются очень неполныя и неточныя свѣдѣнія о званіи владѣльцевъ ихъ, семейномъ положеніи и т. д. Поэтому Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ сдѣлано распоряженіе по епархіямъ, чтобы записи эти велась болѣе тщательнымъ образомъ. Но такъ какъ послѣднія записи отъ неполныхъ и неточныхъ свѣдѣній въ паспортахъ, то по просьбѣ Владыки и д. Губернатора С. Н. Гербель предписалъ мѣщанскимъ и ремесленнымъ управамъ, а также и волостнымъ правленіямъ вносить въ выдаваемые паспорта о лицахъ женатыхъ—въ какомъ бракѣ они состоятъ, обозначая при этомъ имена ихъ женъ и другихъ членовъ семьи, о вдовцахъ и вдовахъ—имена покойныхъ мужей и женъ и послѣ какого брака они овдовѣли.

— *Отзывъ профессора консерваторіи о пѣніи церковно-приходской школы села Гауриловки.* Редакція „Южнаго Кр.“ получила интересное письмо, характеризующее постановку преподаванія церковнаго пѣнія въ одной изъ нашихъ церковно-приходскихъ школъ. Вотъ содержаніе этого письма.

М. г., г. редакторъ! Прошу васъ помѣстить въ вашей уважаемой газетѣ слѣдующее сообщеніе.

Недавно я пріѣхалъ погостить къ моей родной сестрѣ въ Изюмскій уѣздъ. Въ день Св. Троицы поѣхалъ я къ обѣднѣ въ сосѣднее село Гавриловку, гдѣ былъ пораженъ стройнымъ хорошимъ пѣніемъ хора. Узналъ я, что поетъ хоръ церковно-приходской школы, гдѣ служатъ преподавателемъ дьяконъ мѣстной Архангело-Гавриловской церкви—Алексѣй Слѣпцовъ, занимающійся очень ревностно и безвозмездно, кромѣ научныхъ предметовъ, и преподаваніемъ школьнаго и хорового пѣнія.

Спросивъ разрѣшенія отца дьякона, я на другой день поѣхалъ въ Гавриловку, имѣя въ виду послушать пѣніе учениковъ школы въ полномъ составѣ и на мѣстѣ ближе познакомиться съ методою преподаванія пѣнія о. дьякономъ и степенью познанія учениковъ.

Я пришелъ въ восторгъ отъ простой и понятной системы преподаванія пѣнія о. дьякономъ Алексѣемъ Слѣпцовымъ и отъ знанія учениковъ: каждый голосъ знаетъ свой ключъ, поетъ вѣрно ступени гаммы въ разбивку, знаетъ хорошо размѣръ и элементарныя свѣдѣнія, назначеніе камертона, и въ какомъ тонѣ они поютъ.

Я выразилъ свое удовольствіе преподавателю школы о. дьякону и его ученикамъ и, печатая это заявленіе, я имѣлъ цѣлью обратить всеобщее вниманіе лицъ, интересующихся правильной постановкой хорового церковнаго пѣнія въ селахъ, на постановку дѣла въ Архангело-Гавриловской церкви.

Желательно было бы, чтобы лица, стоящія во главѣ совѣтовъ церковно-приходскихъ школъ, поощряли преподавателей, подобныхъ вышеупомянутому дьякону, къ такой работѣ и ставили бы ихъ въ примѣръ другимъ учителямъ, иногда занимающимся преподаваніемъ пѣнія спустя рукава.

Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть бывшій профессоръ С.-Петербургской консерваторіи *Александръ Ивановичъ Рубецъ*.

28-го мая 1903 года.

ПАМЯТИ О. Д. КОРНИЛЬЕВА.

24 іюля в. г. въ мѣстномъ храмѣ сл. Заводянки были отслужены заупокойная литургія и панихида по недавно скончавшемуся священникѣ этой слоб. Дмитрію Андреевичѣ Корнильевѣ. Послѣдній умеръ вдали отъ вѣреннаго ему прихода, въ гор. Волчанскѣ. Смерть его для Заводянъ была совершенной неожиданностью, хотя и послѣдовала отъ недуга тяжкаго и продолжительнаго—чахотки. Покойный Д. А. не хотѣлъ поддаться болѣзни и до послѣдняго дня оста-

вался на ногахъ. Такое удивительное самообладаніе и свѣла воли обманули даже близкыхъ къ нему людей, которые скорѣй надѣялись на полное его выздоровленіе, нежели ожидали преждевременной его кончины.

Отличительными чертами характера покойнаго Д. А. всегда были: прямота, гуманность, отзывчивость, хлѣбосолюство и щедрость. Да и въ другихъ отношеніяхъ это былъ человекъ далеко незаурядный. Попавъ со школьной скамьи въ глухое село, отдаленное отъ всѣхъ культурныхъ центровъ, онъ не опустился, не погрязъ въ тинѣ житейскихъ мелочей, кризисъ и расчетовъ. какъ это за частую случается съ другими въ его положеніи, — нѣтъ, онъ съ первыхъ же шаговъ своей самостоятельной жизни поставилъ между прочимъ себѣ задачей восполненіе пробѣловъ семинарскаго образованія путемъ чтенія научныхъ книгъ и журналовъ. Запросы духа у него всегда были на первомъ планѣ. Но интересовался онъ не одними богословскими сочиненіями и вообще не только тѣмъ, что входило въ кругъ прямыхъ его пастырскихъ обязанностей, но и многими другими отраслями званій и всякими открытіями и новостями въ области наукъ и литературы. Въ послѣдніе годы особенно занимали его успѣхи электротехники. Въ кабинетѣ у него всегда можно было видѣть тѣ или другіе физическіе приборы и брошюры по вопросамъ этой прикладной науки.

Онъ постоянно и много читалъ; изучалъ нѣмецкій языкъ. Послѣ его смерти осталась довольно большая и цѣнная библіотека.

Кромѣ того, покойный Д. А. не мало путешествовалъ по Россіи отчасти въ видахъ поправленія своего слабаго здоровья, но больше для обогащенія познаніями своего свѣтлаго пытливаго ума. А въ 1900 году, вмѣстѣ съ издателемъ временно прекратившаго свое существованіе журнала „Мирный Трудъ“ А. В. Ветуховымъ, онъ предпринялъ поѣздку за границу и посѣтилъ всѣ столицы и др. замѣчательные города западной Европы. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ вспоминалъ о своемъ пребываніи въ Вѣнѣ, Парижѣ и Венеціи.

Умеръ Д. А. почти ювошей, на 31 году жизни. Немного лѣтъ продолжалось его общественное служеніе, но не смотря на это, онъ много сдѣлалъ для своего недавно открытаго прихода, гдѣ онъ былъ первымъ священникомъ и гдѣ много пришлось положить ему труда по приведенію въ порядокъ новоустроенной церкви. Но главнымъ памятникомъ его кипучей дѣятельности является мѣстное церковно-приходское училище, богато меблированное, свѣтлое, просторное, одно изъ самыхъ лучшихъ въ уѣздѣ.

Это утѣшше покойный выстропля на лично имъ изысканныя средства.

На панихидѣ съѣхался въ Заводявскій храмъ священники ближайшихъ сель и, несмотря на будничныи день и горячую страдную пору, собралось довольно много осиротѣвшихъ прихожанъ.

Память покойнаго почтили душевными рѣчьми мѣстный благочинный священникъ о. Михаилъ Согинъ и окружный духовникъ свящ. о. Николай Касьяновъ.

Почти всѣ присутствовавшіе на панихидѣ плакали.

Вѣчная память тебѣ, отзывчивый гуманныи человекъ, добрый пастырь и другъ!

Евг. Б--скій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Поступили въ продажу слѣдующія книги священника Серапіона Брояковскаго:

Сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни. Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 руб. 25 к.

Спутникъ пастыря. Сборникъ статей и замѣтокъ по вопросамъ пастырскаго служенія. Выпускъ I. Цѣна 80 к., съ пересылкой 1 руб.

За вѣру и противъ лжевѣрія Сборникъ бесѣдъ, очерковъ, разсказовъ и стихотвореній. Назидательная книга для семьи, школы и въѣбогослужебныхъ собесѣдованій. Цѣна 80 к., съ пересылкой 1 руб.

Очерки и разказы Для школъ, народнаго чтенія и войскъ. Цѣна 80 к., съ пересылкой 1 руб.

Печатается новая, весьма полезная и необходимая для каждаго пастыря настольная книга.

Почуенія и рѣчи на разные случаи. Сборникъ, обнимающій собою всѣ случаи пастырской практики и церковно приходскаго учительства.

Отзывы печати: «Сборъ поученій» долженъ быть поставленъ въ ряду лучшихъ современныхъ проповѣдей для простыхъ слушателей. Особенность поученій ихъ *жизненность и назидательность*. Каждое поученіе слово краткое, живое и отвѣтственное. Темы поученій *практически современнаго характера*. Слогъ легкій, языкъ простой и понятный, изложеніе литературное. «Спутникъ пастыря» представляетъ собраніе прекрасныхъ, живыхъ и по содержанию и по языку, практическихъ и полезныхъ для пастырской практики статей. Другія книги свящ. Брояковскаго также занимательны, назидательны и поучительны. Поэтому ихъ смѣло можно рекомендовать пастырямъ для чтенія дома, въ храмѣ, при въѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ, а также для библиотекъ церковныхъ, школьныхъ, полковыхъ и народныхъ. (См. „Церк. Вѣд.“ № 41, 1901 г. „Кіев. Епар. Вѣд.“ № 12, 1901 г. и № 2 и 1903 г. „Богослов. бібліограф. Лист.“ Мартъ—Апр. 1901 г. и ми. др. изд.).

Выписывать на наличныя и наложнымъ платежемъ по адресу.

Ст. Попельня, Кіев. губ. свящ. С. Брояковскому.

БРАТІЕ-ХРИСТІАНЕ!

Въ задачахъ и цѣляхъ Успенскаго Попечительства сейчасъ выдвигаются слѣдующія нужды прихода (обоснователемъ котораго былъ прославленный чудесами и исцѣленіями Преподобный Отецъ Трифонъ, род. 1543 г., ум. 1613, 70 л.): *ремонтъ* стараго храма въ честь Успенія Божіей Матери; *обновленіе* всей ветхой утвари; *покупка* новыхъ богослужбныхъ книгъ, взаи́мъ истрепавшихся, неотложное, *расширеніе школы*, и, въ цѣляхъ развитія мелкой обрабатывающей кустарной промышленности среди населенія въ виду печальныхъ экономическихъ условій прихода— *постройка* особой новой *ремесленной школы*.

Горы, камень, известь, песокъ, глина—вотъ условія земледѣлія нашего крестьянства. Среди такого печальнаго земледѣльческаго положенія, населеніе наше естественно совѣмъ не можетъ, по бѣдности, удовлетворить вышеупомянутыхъ нуждъ Попечительства.

Братіе христіане! если на ваше сердце падаетъ желаніе оказать истинно-христіанскую помощь въ нуждѣ, то, вотъ эта нужда—она передъ вами. Вѣрьте, за благое дѣяніе и даръ, какой вы пришлете Попечительству, рука ваша не оскудѣетъ: Сердцевѣдецъ Богъ вознаградитъ васъ сторицею. Мы же *будемъ возносить за васъ молитвы при каждомъ служебнѣи литургіи*.

Пожертвованія просимъ адресовать: г. Пермь, Церковно-Приходскому Попечительству села Успенскаго, Пермскаго уѣзда.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

ИКОНОСТАСНАЯ И ЗОЛОТНАЯ

МАСТЕРСКАЯ

Алексѣя Петровича ПЕТРОВА съ С-ми

—* Существоеть съ 1869 года. *—

МОСКВА, 1-я Мѣщанская, домъ № 98.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-РѢЗНЫЯ, ЖИВОПИСНЫЯ и ИКОНОПИСНЫЯ РАБОТЫ,

какъ-то: Церковные иконостасы (и военно-походные) въ разныхъ строго выдержанныхъ стиляхъ, мѣстные и запрестольные кюты, балдахины надъ престолами, гробницы подъ плашаницу, запрестольные кресты и рамы съ тумбами, кресты съ предстоящими съ рѣзной горой, аналои, престолы, жертвенники, свѣчные ящики и зеркала для присутственныхъ мѣстъ,

А ТАКЖЕ ПРОИЗВОДИТСЯ РЕСТАВРАЦІЯ ИКОНОСТАСОВЪ, ИКОНЪ, ВНУТРЕННЕЙ и НАРУЖНОЙ ЖИВОПИСИ въ ХРАМАХЪ и пр. И ЗОЛОЧЕНІЕ ГЛАВЪ и КРЕСТОВЪ.

Рисунки, смѣты и чертежи высылаются по первому требованію.

ФАБРИКАНТЪ ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ

ТОРГОВАГО ДОМА

АНДРЕЯ ЗАХРЯПИНА СЫНОВЬЯ.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія г.г. покупателей
въ нашихъ магазинахъ.

I.

Въ Москвѣ

Никольская ул., верх-
ніе торговые ряды
№№ 82, 155, 156, 227,
228, 229.

II.

Въ г. Воронежѣ

Московская ул., про-
тивъ Духовной Кон-
систоріи. Магазины
открыты съ 1-го ок-
тября 1902 г.

III.

Въ ярмаркахъ Ниже-
городской
по шоссе противъ
флаговъ.
Въ Вологдѣ и Ро-
стовѣ
Ярославской губ.

Всегда имѣется полный и большой выборъ всей церковной утвари лучшаго издѣлія, художественной работы, собственной фабрики, всевозможныхъ размѣровъ и рисунковъ какъ-то: паникадила, люстры, подсвѣчники, лампы, хоругви, запрестольныя иконы, евангелія, кресты, сосуды, ковчегъ, вѣнцы, металлическія свѣчи, чаши водосвятныя, плащаницы, гробницы, иконы, парча для облаченія и пр. и пр., также имѣются и серебряныя вещи 84⁰, а также принимаются заказы на всевозможную церковную утварь, металлическія, такъ равно и серебряныя 84⁰ и ризы на иконы, одежды на престолъ и жертвенники, царскія двери, кресты на главы, и рѣшетки по серебру и пр. и пр., какъ лично, также и заочно, посредствомъ переписки.

По требованію при заказѣ, Торговый Домъ высылаетъ смѣты и рисунки, а также въ случаѣ надобности высылаются довѣренный, для личныхъ переговоровъ и принятія заказа.

Принимаются всякаго рода починки и ремонтное старыя вещи церковной утвари золоченіе и серебряніе исполняются въ точности безъ замедленія.

Цѣны на церковную утварь существуютъ одинаковыя какъ въ Московскомъ магазинѣ, такъ же въ Воронежскомъ магазинѣ и ярмаркахъ.

При заказѣ и покупкѣ товаровъ для небогатыхъ храмовъ, дѣлается разсрочка въ платежѣ.

Фабрика наша существуетъ болѣе 50 лѣтъ и имѣетъ при себѣ около 500 человекъ мастеровъ, благодаря лучшаго производства вырабатываемыхъ въ ней предметовъ и усовершенствованія, всѣми необходимыми средствами, для выработки церковной утвари, скорого и аккуратнаго исполненія заказовъ, приобрѣла самый громадный кругъ г.г. покупателей и заказчиковъ. Фабрика и главная контора въ г. Переяславлѣ Заслѣскомъ Влад. губ.

При выпискѣ товаровъ, просимъ обозначать адресъ, чрезъ кого посылать товаръ, по желѣзной дорогѣ, до какой станціи, или чрезъ контору и адресъ почтовый.

Льстимъ себя надеждою, что Вы не оставите насъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, а также и посѣщеніемъ нашихъ магазиновъ въ Москвѣ и гор. Воронежѣ.

Торговый Домъ Андрея Захряпина С—вья.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Нахлера.—„Архіепископъ Иннокентій Боровъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (Б. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія каеодической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (Б. Истомина).—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство во времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа“. Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовныя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществоми“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (Б. Истомина).—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Вѣлева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождественна.—„О церковныхъ млодоприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (Б. Истомина).—„О положіи воовреснаго дня“. Доцента А. Вѣлева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о сваяхъ Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириковича.—„Православенъ-ли intercommunion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, С. Глаголева, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Ляницкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова, Г. Струве и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро. Жана и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно, отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Редиторъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНОВІЙ
и Дѣйств. Статск. Совѣтникъ Константинъ ИСТОМИНЪ.